

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО,
П. Н. САКУЛИНА, В. И. СОЛОВЬЕВА,
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

А. С. ПУШКИН

ТОМ ВТОРОЙ СТИХОТВОРЕНИЯ

1826—1836

РЕДАКЦИЯ М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

СКАЗКИ

РЕДАКЦИЯ Ю. Н. ВЕРХОВСКОГО

СТАТЬЯ П. Н. САКУЛИНА

*ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
КРАСНАЯ НИВА
НА 1930 ГОД*

...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии имени
т. Скворцова-Степанова
«Известия ЦИК СССР
и ВЦИК», Москва, 37.
Страстная пл., в коли-
честве 65.000 экземпля-
ров. Главлит А 66192
Заказ № 336.

ПУШКИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.

I

Пушкин родился в 1799 г., когда XVIII век доживал свои последние дни, а умер в 1837 г., когда XIX век, хотя слабо, но уже предчувствовал наступление исторической катастрофы.

Война двенадцатого года, т. н. Отечественная война, вызванная не только международными осложнениями, но и местными причинами социально-экономического порядка, глубоко потрясла страну и сигнализировала неизбежность больших перемен во внутренней жизни России. О том же напоминал бунт декабристов в 1825 г. Но вот прошла «гроза военной непогоды», восстание усмирено, и жизнь, казалось, мирно потекла по твердому руслу традиционной государственности. Николай I олицетворял собою «несокрушимую» мощь самодержавия.

Опорой трона был дворянский класс, класс землевладельцев и рабовладельцев. Получив в 1785 г. «жалованную грамоту», «корпус дворянства» стал высшим сословием, достаточно организованным для того, чтобы защищать свои классовые привилегии и расширять свои политические права. В пушкинское время дворянство сделало настоящим гегемоном страны. Это — период его расцвета. Правда, дворянство распадалось на отдельные слои, в зависимости от различия социально-экономических условий. Рядом с высшим дворянством, богатым и сановным, видим дворянство среднее и мелкое; рядом с «великодушными» магнатами, которым принадлежали десятки тысяч крепостных, встречались мелкопоместные дворяне, «малодушные» и малоземельные, а иногда и совершенно «бездушные» и безземельные дворянчики. Но все же, взятое в целом, дворянство занимало положение привилегированного и руководящего класса. Материально обеспеченное, оно было и наиболее образованным. Носителем и двигателем культуры было тогда, главным образом, среднее дворянство. В течение всего XVIII в. усваивалась дворянством европейская культура, столь отличная от культурных начал московской Руси. Противоположные стихии должны были ассимилироваться и дать в результате некий синтез. Дворянская Россия, в конце концов, впитала в себя европейскую культуру и переработала ее настолько, что считала уже своей, русской. Дворцы, усадьбы, библиотеки, картинные галереи и проч. служили внешним показателем достигнутого дворянством культурного уровня. К тридцатым годам XIX в. дворянская культура находилась в периоде пышного цветения и устойчивого равновесия.

Дворянская интеллигенция стремится в организованных формах вести свою идеологическую работу. По условиям своего социального бытия и по складу своей психологии с наибольшей охотой она отдается занятиям гуманитарными науками. Если дворянский юноша поступал в университет, то обычно он выбирал словесное отделение. В большом почете была тогда идеалистическая философия. Кружок любителей мудрости, «любомудров»,

собиравшийся в двадцатых годах с князем В. Ф. Одоевским во главе, — типичное явление эпохи. Здесь изучали преимущественно немецкого философа Шеллинга. Преемники любознудров, сгруппировавшиеся вокруг Н. В. Станкевича и М. А. Бакунина, углублялись в учение другого немецкого философа, Гегеля. До двадцатых годов XIX в. открыто существовали масонские организации. Мистицизм разных оттенков имел широкое распространение. Господствовало отвлеченное умозрение. Но действительность все-таки напоминала о себе и требовала построения идеологии социального характера. Уже в философии идеалистов (И. В. Киреевского, В. Ф. Одоевского и др.) немалое место занимали как идеи о самобытности русского исторического процесса, так и мысль о возможности для России взять на себя мировую миссию, стать во главе культурного движения народов. Если первая идея была в сущности философским обоснованием того процесса, который уже совершался в самой жизни, то вторая идея была заманчивой, но утопической мечтой, которую, однако, долго лелеяли наши славянофилы (И. В. Киреевский сделался одним из идеологов славянофильства).

Кроме идеалистов и мистиков, в дворянской среде были и материалисты, исследователи французских материалистов XVIII века и философа Вольтера. Некоторые офицеры-декабристы (князь Барятинский, Крюков и др.) исповедывали чистый материализм. Двоюродный брат Герцена, химик А. А. Яковлев, может уже считаться предтечей тургеневского Базарова. Под его влиянием находился А. И. Герцен, учившийся не на словесном, а на физико-математическом факультете. В лице Герцена мы имеем уже человека материалистического миропонимания. В то время как консервативное дворянство, при содействии правительства, выковывало свою классовую идеологию, сведенную Уваровым (в 1832 г.) к сжатой формуле «православие, самодержавие и народность», — прогрессивная и радикальная часть дворянства стремилась к политическим реформам; самым ярким выражением ее действий было уже упомянутое восстание 14 декабря 1825 г. «Русская Правда» Пестеля — значительный факт в истории русских общественных идей. Более радикальные декабристы как бы продолжали дело Радищева, который в конце XVIII века (в сочинении «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790 г.), пропагандировал идеи народовластия и социального равенства. Кое-кто из декабристов уже слышал о социализме. В тридцатых годах Россия обязалась своими социалистами. То были, конечно, еще сторонники утопического социализма, главным образом сенсимонизма. Герцен и Огарев стояли во главе.

Одним из самых важных проявлений культурной жизни дворянства была художественная литература. Дворянство, среднее по преимуществу, поставляло писателей. Для некоторых из них литературный труд делается уже профессией. Передовые позиции заняты именно дворянской литературой. Несколько больших течений, и, следовательно, литературных стилей сменяли друг друга и боролись между собою. Время Пушкина — это период дворянской культуры и дворянской литературы.

Однако, мы впали бы в большую ошибку, если бы забыли о других общественных классах, кроме дворянства. В каждый исторический момент мы видим сосуществование и борьбу классов. Каждый класс имеет свою культуру и даже свою литературу.

Дворянскому классу, как классу помещиков, противостоит прежде всего многомиллионное крестьянство. В 1835 г. крестьяне составляли около 85 проц. населения; из них больше половины находилось в крепостном состоянии. Деревня преобладала над городом, и земледелие было основной базой тогдашней экономики. Тем не менее капитализм уже делает известные успехи. В 1825 г. насчитывали более пяти тысяч фабрик и более двухсот тысяч рабочих. В процесс индустриализации втянуто было и дворянство (к началу сороковых годов, по наблюдениям А. И. Герцена, известная часть дворянства уже переродилась в буржуазию). Но главным агентом в этой области был, конечно, торгово-промышленный класс, русская буржуазия. Влияние последней становится все более и более заметным. В зависимости от роста промышленности увеличивается количество рабочих. Рабочий класс фактически уже существует; случались и

«бунты» рабочих. Но рабочие еще не осознали себя как класс, как социально-экономическую категорию. Да и буржуазия еще не могла соперничать с дворянством в политическом отношении. «Развитие капитализма в России, очевидно, пока еще отнюдь не угрожало потрясением основ», — выразился М. Н. Покровский. Как бы то ни было, против дворян стоит огромная масса крестьян, крестьян-земледельцев и крестьян-рабочих. Промежуточное положение заняла буржуазия. К ней примыкало трудовое население городов: мещанство, ремесленники, торговцы.

Таким образом недворянская часть населения была довольно значительной и распадалась на известные группы, которые жили своей культурной жизнью. Религиозное движение в форме старообрядчества и сектанства захватывало самые широкие круги «народа» вплоть до неграмотного крестьянства. Мысль блуждала в потемках, но искала разрешения высших вопросов бытия. С полным основанием можно говорить о народной интеллигенции («народ» берется здесь в узком значении термина), даже о крепостной интеллигенции. Кое-кому из крепостной интеллигенции посчастливилось выйти из барской усадьбы на простор общественной жизни и получить известность в качестве артистов (Ек. Семенов, В. Самойлов и знаменитый Щепкин), художников (Тропинин, Кипренский и др.), писателей и ученых (Слепушкин, Матинский, Ив. Сибиряков, Егор Аллипанов, Мих. Суханов, Погодин, Никитенко, Н. Ф. Павлов и т. д.). Попадая в другие социальные условия, представители крепостной интеллигенции, конечно, значительно поднимались над своей средой, но в их психологии всегда сохранялись классовые черты. Крупная и мелкая буржуазия, духовенство и чиновничество состояли из людей грамотных. Отсюда главным образом вербовалась демократическая, разночинная интеллигенция. Ее удельный вес был еще не велик сравнительно с дворянской интеллигенцией, но она всё более и более выступала в качестве умственной силы, необходимой на разных культурных поприщах. Достаточно сказать, что в пушкинское время к разночинной интеллигенции принадлежали профессор Погодин, Плетнев, Никитенко и Надеждин, писатели (преимущественно беллетристы) Н. Ф. Павлов, Лажечников, братья Полевые, Николай и Ксенофонт, критик Белинский, литератор Боткин и др. Многие из названных лиц работали рука-об-руку с дворянской интеллигенцией, но не случайно в пушкинскую эпоху разгорелась полемика между демократами и аристократами литературы.

Если взять специально литературную жизнь недворянских слоев населения, то картина получится весьма интересная и в своем роде импозантная. В «народе», главным образом среди неграмотного крестьянства, бытовала устная поэзия, ценная как по содержанию, так и по форме. Это — былевые песни о богатырях и исторических событиях, лирические песни, духовные стихи, сказки, устные пьески и пр. Хотя значительная часть этого материала была получена по традиции от прошлых времен, но певцы и сказочники, эти неграмотные поэты, не просто хранили унаследованное, но и творчески передавали его. Создавались, повидимому, и новые жанры (чапушки, драмы с незаписанным текстом). В устной поэзии находили себе отражение разные проявления народной жизни (сектантство, солдатчина, крепостное право) и разные события текущей жизни. Устная поэзия не только удовлетворяла духовные запросы неграмотных, но и составляла существенную часть общей литературной жизни того времени. Огромная масса читателей, полуграмотных и грамотных людей из крестьян, мещан, купцов, мелких чиновников и т. п., в свою очередь имела в своем распоряжении большую литературу, в состав которой входили и памятники старорусской письменности, и литературная обработка произведений устной поэзии, и своеобразные романы с приключениями и рыцарями, и реально-бытовые повести. Были особые писатели, которые обслуживали нужды данной категории читателей. При Пушкине, например, широкой известностью пользовался Александр Анфимович Орлов. Существовала целая группа крестьянских и мещанских поэтов, как напр., Ф. Н. Слепушкин, М. Д. Суханов, Е. И. Аллипанов и др. К ним же в сущности принадлежали Н. Г. Цыганов и сам А. В. Кольцов. Хотя разночинские писатели данного периода обычно идут по путям дворянской литературы, но всё же есть

достаточное основание выделять беллетристику разночинцев, особенно реально-бытовые повести М. П. Погодина, Н. Ф. Павлова и Н. А. Полевого.

Таким образом, культурная и литературная жизнь пушкинского времени складывается из нескольких пластов. Между ними происходили общение и взаимодействие, что придавало всей жизни характер целостного процесса. Значение Пушкина правильно может быть понято только на фоне этого общего процесса культурной и литературной жизни.

II

Гениальный поэт был широко образованным человеком и глубоким мыслителем. С полной сознательностью относился он ко всем очередным проблемам жизни, тем самым помогая нам определить его классовую и культурную позицию.

Пушкин — писатель-дворянин и всегда мыслил себя представителем своего класса. Старательно уточняя свое классовое самоопределение, он правильно относил себя к среднему дворянству, которое по преимуществу участвовало в создании дворянской культуры и дворянской литературы. Пушкин говорил об этом с полной отчетливостью и даже гордостью, противопоставляя старинное, родовитое среднее дворянство новой аристократии, придворной знати. Последнюю он открыто ненавидел (как, разумеется, и она его; свидетельством тому — роковая дуэль) и предпочитал оставаться в рядах обедневшего дворянства, ставшего у нас своего рода третьим сословием. Правда, не без горькой иронии, но он готов называть себя «мещанином». Этого выражения не следует, однако, понимать в том смысле, будто Пушкин оторвался от своего класса. Отщепенцем дворянства он не был и не хотел быть. У него не было желания предпочитать дворянству какой-нибудь другой класс и не было потребности служить чужому классу. От зоркого глаза Пушкина не укрылась динамика социальной жизни, и он трезво расценивал факты. Видя, что Москва тридцатых годов уже утрачивала «свой блеск аристократический», он понимал, что ее «упадок» есть результат «обеднения русского дворянства». Это зрелище, однако, не повергало Пушкина в уныние. Если дворянство находится в упадке, зато Москва, — бодро констатирует он, — «процветает в других отношениях»: купечество богатеет, промышленность растет и просвещение развивается (приводится ряд показательных фактов из области науки, философии и литературы). Среднее дворянство попрежнему способствует успехам русской культуры, а рядом с ним стоит уже разночинец. Без всякой неприязни отмечает Пушкин это крупное явление. «Наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, — говорил он в 1834 г., — весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия». Дворянская культура не должна быть неподвижной и изолированной. Прогресс страны требует, чтобы менялись как формы культуры, так и состав ее работников.

Пушкин старается стоять на твердой почве истории, быть реальным политиком. Историзм вообще характеризует его мышление в зрелую пору. Глазами историка смотрит он не только на то, что стало уже достоянием истории, но и на то, что совершается в настоящем. Обладая живым чувством историзма, Пушкин каждое явление мыслил исторически. Он знает, что история развивается по известным законам и что история каждого народа представляет нечто своеобразное. Ошибочно судить о русской истории по принципам «чужеземного идеологизма». Автор вольнолюбивых стихов, певец декабризма и друг декабристов, Пушкин неудачу восстания объяснял именно тем, что революционеры с ничтожными средствами выступили против «необъятной силы правительства, основанной на силе вещей», т. е. на реальном соотношении сил. По тем же мотивам, преклоняясь пред «удивительным самоотвержением и какою-то рыцарскою совестливостью» Радищева, он осуждал его книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Неизменно оставаясь трезвым мыслителем, Пушкин не увлекся ни рассудочно-отрицательной философией

XVIII века, ни философским идеализмом двадцатых годов, ни утопическим социализмом тридцатых годов. «Ничего не могло быть противоположное поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя», — писал Пушкин в 1834 г. В своих высказываниях он отдавал должное умозрительной немецкой философии, которая «спасла нашу молодёжь от холодного скептицизма французской философии», и убежденно считал положительным явлением тот факт, что «теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству», т.-е. к синтетической философии (1836). Но за всем тем он не разделял того энтузиазма, с каким русские неопиты относились к немецкой мудрости, и воздерживался от проповеди оптимистических идей о мировой миссии России. Пушкин вообще не любил громких фраз. Он радуется («Мысли на дороге»), что «философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому». Собственно говоря, у нас нет точных сведений о том, как поэт относился к социализму. Не зная о нем он всё же не мог. Самое молчание его показательное. Пушкин стоит на почве исторической эволюции и мирного прогресса. Даже в молодости он в сущности не пел гимнов революции, а только свободе. Политическая мудрость, по его пониманию, состоит в сочетании «законов мощных» с «вольностью святой». Мы не ошибемся, если скажем, что подобной формулой можно определить политическую идеологию и зрелого Пушкина. Новая русская история есть длительный процесс усвоения европейской культуры. Со времени Петра она становится русской культурой. Вопрос лишь в том, как утилизировать европеизм. Пушкин отвергал обе возможные в данном случае крайности: и беспочвенность какого-нибудь графа Нулина, который, вернувшись «из чужих краев, где промотал он в вихре моды свои грядущие доходы», «святую Русь бранит, дивится, как можно жить в ее снегах, жалеет о Париже страхе, и, с другой стороны, квасной патриотизм, поверхностно восторгающийся своим только потому, что это — свое. Народность, самобытность развития в глазах Пушкина имеет большую важность, но эту проблему он понимает как разумное, органическое слияние культурных начал, полученных от Европы, с теми, какие выработаны русской историей и еще теперь живут в народных массах.

Таковы черты, которыми характеризуется классовое и культурное самоопределение Пушкина. Здесь ключ к пониманию его художественного творчества.

III

Первая треть XIX в., на которую приходится творческая жизнь Пушкина, замечательна тем, что тогда завершалась целая эпоха в истории культуры, а вместе с тем заканчивался и вековой процесс создания новых формы литературы. Перед писателями пушкинского времени стояла задача упорядочить брожение и придать литературной жизни необходимую самостоятельность. Переработанная на русской почве европейская культура стала *своей*, для дворянского общества. К тому же стремилась и дворянская литература.

Пушкин — гениальный представитель дворянской литературы своего времени. Никто из писателей его эпохи не разрешил с такой синтетической полнотой и с такой художественной силой очередных задач литературы, как именно Пушкин. Самым внимательным образом следил он за тем, что совершалось тогда в литературной жизни. Всегда и везде он, — на передовых позициях. Обо всем высказывал он вкратце суждения, как писатель, который отдает себе полный отчет в теоретических принципах творчества. Статьи, критические заметки, письма Пушкина содержат целую поэтику. Но, конечно, его суждения не имели бы надлежащей цены, если бы не опирались на его творческий опыт и если бы не подкреплялись его художественными произведениями; поэтическое творчество, к концу концов, лучший способ разрешения теоретических проблем словесного искусства.

Как артист-виртуоз, Пушкин в совершенстве владел оружием художественного творчества, — словом. В течение всего XVIII века шла выработка нового литературного языка. К концу этого столетия была признана необходимость сделать язык легким, приятным и понятным, чтобы прежде всего удовлетворить вкусы образованного общества. Крупная реформа была произведена Карамзиным и его школой. Чтобы придать строю речи естественность, «приятность» и «изящество», Карамзин ограничил употребление славянизмов и старался использовать «самородное богатство» русского языка, а рядом с этим широко допускались иностранные слова (варваризмы) и вводились новые (неологизмы). Синтаксис речи строился по типу разговорного языка. Легкость, симметричность и даже ритмичность речи — вот качества, какими отличался литературный язык карамзинистов. Всё это было сделано до Пушкина. Но он еще застал споры между сторонниками и противниками карамзинской реформы. Да и сторонники уже приходили к убеждению, что требуется дальнейшее усовершенствование языка. Современники Пушкина много работали в этом направлении: некоторые решались даже на весьма смелые эксперименты. Жизнь многое отвергла из этих опытов Пушкин разрешил спорную проблему с огромным художественным вкусом и литературным тактом, синтезировав три основных стихии языка: дворянскую (язык литераторов-дворян), народную и церковно-книжную. Нас, людей двадцатого века, ничем существенным не поражает ни лексика, ни синтаксис пушкинского языка: его относительная устарелость чувствуется нами лишь в слабой степени.

В области стиха Пушкин также имел даровитых предшественников: Батюшкова и Жуковского. «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль», — сказал о последнем Пушкин. Современниками Пушкина были Боратынский, Дельвиг, Грибоедов и баснописец Крылов. Общими творческими усилиями стиху придается разносторонняя гибкость: декламационный в высоких жанрах, он становится напевным в интимной лирике и «говорным» в целом ряде жанров, как басни Крылова, как комедия Грибоедова «Горе от ума» и как роман Пушкина «Евгений Онегин». С изумительной легкостью владел Пушкин стихом; рифмы послушно толпой стекались к нему. Пушкинский стих, певучий и «понятный», на долгое время останется недосягаемым образцом.

Пушкин начинает свое творчество стихами, так как поэту полагалось говорить «языком богов». Он пользовался решительно всеми стихотворными жанрами. Его лирика имела огромный диапазон — от возвышенной и глубоко эмоциональной думы до шуточных стишков в альбомы. Любил Пушкин форму посланий, романсов, стансов, сонетов, элегий, сатир и эпиграмм. Поэма во всех ее разновидностях (сказочная, как «Руслан и Людмила»; пародийная, как «Гаврилада»; лирическая, как «Кавказский пленник»; историческая, как «Полтава») нашла в Пушкине неподражаемого мастера. С исключительным успехом культивировал он стихотворную сказку («О Царе Салтане», «О попе и работнике его Балде», «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне», «О золотом петушке»), стихотворную повесть («Граф Нулин», «Домик в Коломне») и, наконец, стихотворный роман («Евгений Онегин»). Стих служил Пушкину и как драматургу («Борис Годунов», «Русалка», «Маленькие трагедии»: «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери»). Значит, стихотворные произведения Пушкина относятся и к лирике, и к эпосу и к драме.

Стихи в дворянской литературе того времени вообще преобладали над прозой. Но в тридцатых годах художественная проза уже делает огромные завоевания: развивается беллетристика как исторического, так и бытового жанров. В историческом жанре славившись тогда романисты М. Н. Загоскин и И. И. Лажечников. Беллетристы, писавшие на реально-бытовые темы, составляли уже большую и пеструю группу: Нарезный, предшественник Гоголя; Булгарин, Бегичев, Погорельский, Степанов, Сенковский, Зинаида Р—ва, Ушаков, В. Ф. Одоевский и мн. другие. Среди прозаиков Пушкин также занял руководящее положение. Он верно понял всю законность успехов художественной прозы, внимательно следил за ее ростом, перечитывал и оценивал выходившие тогда романы и повести и, наконец, сам перешел к «смирненной прозе». В области исторической беллетристики

Пушкин дал неоконченные романы «Арап Петра Великого» и «Рославлев» и, главное, повесть «Капитанская дочка» (1836). К бытовой беллетристике относятся его произведения: «Повести Белкина», «Пиковая дама», «История села Горюхина» (не окончено). Художественная проза, видно, всё более и более увлекает Пушкина. В его голове рождался сюжет за сюжетом. Он принимается то за один, то за другой. К сожалению, многое осталось неоконченным: перед нами лишь черновые наброски, которые однако позволяют угадывать социальную и художественную значимость замыслов.

Работа Пушкина над языком, стихом, художественной прозой, над жанрами—это составные части той творческой работы, которая своей конечной целью имела создание большого художественного стиля. Проблемы стиля в широком смысле термина стояли тогда на очереди и оживленно дебатировались писателями. Лишь немногие (как, например, Рылеев) с известным безразличием относились к вопросам формы, выдвигая примат содержания. Ход дворянской литературы, как он разворачивался в пушкинское время, выразился в последовательной смене нескольких стилей, которые вместе с тем были стадиями культурного развития.

В течение целого века господство принадлежало стилю классицизма, оформлявшемуся под сильным влиянием французской литературы. Его исключительная живучесть объяснялась не только художественной ценностью теоретических принципов его поэтики, но и полным соответствием психологии дворянского класса в тот исторический период, когда на новых, европейских началах складывалась его культура. Высшие круги дворянского общества, особенно старшее поколение, воспитанное на классицизме, и в первой четверти XIX в. продолжало держаться за свой классицизм в его ортодоксальной форме. Но средневдворянская интеллигенция, политически более прогрессивная и хорошо знакомая с новыми течениями в европейских литературах, понимала односторонность такой позиции. В самой Франции и особенно в Германии классицизм уже вступил в новую фазу развития. За французским классицизмом явственнее, чем раньше, выступали контуры античного классицизма. Монополия французов стала терять под собою почву. События Отечественной войны обострили вопрос. Началось развенчивание французской литературы; посылались призывы к «истинному классицизму» вместе с созданием «истинно-народной словесности». Классицизм эволюционирует, становится неоклассицизмом. Огромным успехом пользуется «легкая поэзия». Появляются произведения, которые перерастают старую поэтику и выходят за пределы канона. Таковы пьесы Озерова, гениальная комедия Грибоедова «Горе от ума» (1824), лирика Батюшкова и т. п.

Когда классицизм переходил в новую стадию своей жизни, складывался второй дворянский стиль, стиль сентиментализма, просуществовавший от 60-х годов XVIII в. до двадцатых и даже до тридцатых годов XIX века. Он базировался на психологии среднего, преимущественно провинциального и усадебного дворянства и частью буржуазии, вообще тех слоев, которые жили интересами более узкой общности, семейного и частного быта. Личность частного человека и его интимные переживания, не только социальные, но и индивидуальные, выступают на первый план. Сентиментализм — чувствителен, гуманен и демократичен. Его литературное и общественное значение определяется хотя бы тем, что в этом стиле творили Карамзин, автор «Бедной Лизы» (1792), Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и лирик Жуковский. С сентиментализмом связана крупная реформа литературного языка и попытки построить новую эстетику. Но сентиментализм оказался непрочным стилем. Сделав свое дело, он очень скоро стал вырождаться, так что самому Карамзину уже приходилось бороться с крайностями и шаблоном чувствительности и напоминать об «истинной чувствительности». Самый талантливый поэт сентиментализма, Жуковский, потянулся в сторону романтизма.

Романтизм, большой и красивый стиль, возникает, расцветает и угасает при жизни Пушкина, в течение каких-нибудь двух десятилетий, в 20 — 30-х годах XIX века. Захватив наиболее чут-

кую часть средневоярянской интеллигенции, романтизм был своеобразным протестом против серых будней мещанского прозябания. Отрываясь от действительности, романтик уходил в мечту и отвлеченное мышление, старался объединиться в царство идеалистической философии и «высокой» поэзии. Несмотря на краткость своего существования, русский романтизм развернулся в пышное течение, которое шло по четырем руслам. Можно различать: сентиментальный романтизм (главный представитель — Жуковский), философский романтизм (с князем В. Ф. Одоевским во главе), индивидуалистический романтизм (в частности байронизм) и романтизм народности, ярко выразивший себя в историческом жанре. В жизни дворянской интеллигенции романтизм был новой ступенью ее культурного развития: он принес новое мироощущение и новое миропонимание, целую философию жизни и стройную эстетику идеалистического типа. Влияние романтизма было огромным и вышло далеко за пределы дворянского класса. Будучи в своей сущности ирреальным, романтизм на русской почве эволюционирует в направлении реализма и незаметно переходит в стиль художественного реализма, который увенчивает собою все творческие искания пушкинской эпохи. Отрицая романтический ирреализм и преодолевая все виды условного реализма (схематический реализм классицизма и чувствительный реализм сентиментализма), художественный реализм стремится к художественному претворению действительности, созданию образов во всей их психологической полноте и пластической телесности. Это — синтетический стиль литературы.

Ни на минуту не утрачивая своей исключительной самобытности, свойственной каждому гению, Пушкин чутко и глубоко переживал весь ход современной ему литературы. Критически и свободно относился он к каждому стилю, стараясь взять из него всё, что считал ценным. Никакой догме не давал он покорить себя до конца. «Все парнасские секты для меня равны, представляя каждая свои выгоды и невыгоды,—писал он в 1827 г.—Ужели невозможно быть истинным поэтом, не будучи ни закоснелым классиком, ни фанатическим романтиком? Формы, обряды должны ли непременно порабощать литературную совесть?» Доктринеры могли бы усмотреть в этом заявлении беспринципный эклектизм, но в действительности здесь сказывалась многогранность Пушкина, свобода его творческих устремлений и широкий размах его поэзии. Пушкин прошел через все главные стили и остался самим собою. Светлый и гармоничный, какой-то солнечный, он чуждался всего туманного и мистического. Поэтический реализм, одухотворенная земность принадлежали к грунтовым свойствам его психологии, и это одно, помимо всяких теоретических соображений, облегчало ему ориентировку в сложных путях литературной жизни. Воспитанный на литературе XVIII века, Пушкин многим обязан французскому (ортодоксальному) классицизму, но взял отсюда только то, что мог назвать «истинным», чистым классицизмом. Молодой Пушкин охотно пользуется некоторыми жанрами классического стиля. Писал он и торжественные оды («Воспоминания в Царском селе» 1814 г., «На возвращение государя императора из Парижа», 1815). Но ода — не пушкинский жанр; он не из тех певцов, которые «гремящими хвалами полубога бессмертие дают». Впоследствии даже оды Ломоносова Пушкин считал «утомительными и надутыми». Гораздо больше говорила молодому Пушкину так называемая легкая поэзия классицизма. Его лицейское творчество в значительной своей части относится к жанру легкой поэзии, посвященной прославлению радостей жизни, веселых утех, беззаботной юности и счастья свободы. Литературная традиция пришла как раз по психологии лицеиста. Классическая стихия прочно вошла в художественное сознание Пушкина. И во французском классицизме (в частности, у Буало) он не переставал ценить многое: его трезвость, реализм, художественную четкость. Но, главное, от истинного классицизма Пушкин никогда не отрекался. Он высоко ставил классический мир, как фактор европейской культуры. В 1834 г. он писал: «Каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величайшей древности». В тридцатых годах Пушкин проявляет живой интерес к античным поэтам и переводит из них; задумывает повесть из древнегреческой жизни, в античном духе сочиняет над-

писи к статуям Пименова и Логановского (в 1836 г.). Пушкина можно ставить во главе второй стадии в развитии русского классицизма. Это — светлый, аполлоновский классицизм. С ним мы встретимся в творчестве поэтов послепушкинского периода: Ап. Майкова, Мея, Щербини, Фета и др., пока в эпоху символизма не выступит на сцену третий, дионисийский (вакхический) лик классицизма. «Чистый» классицизм Пушкина легко вошел в сочетание с художественным реализмом.

Классический стиль приобрел значение особого типа творчества. Его соперником был стиль романтизма, на который также стали смотреть, как на особый тип творчества. Романтизм не только интересовал Пушкина, но и увлекал его. Однако, не все разновидности русского романтизма были одинаково приемлемы для него. Очень ценил Пушкин Жуковского; найдутся в его ранних стихах даже следы сентиментально-романтического стиля (напр., «Певец», 1817) Но сделаться сентиментальным романтиком он не мог. Точно также прошла мимо Пушкина вся метафизика романтиков (Любомудров). Только возвышенная поэтика философского романтизма вызывала в нем сочувственные отклики, поддерживая его собственные думы о сущности поэзии и назначении поэта. Байронизм проиводит на Пушкина двадцатых годов сильнейшее впечатление. Декабризм и байронизм сливаются воедино в его поэтическом настроении. В результате—целая серия лирических (байронических) поэм, от «Кавказского пленника» (1822) до «Цыган (1824)». Но Пушкин довольно быстро преодолел свой байронизм. Резко бросалось ему в глаза и вызывало на протест то, что лорд Байрон «прихотью удачной облек в унылый романтизм и безнадзорный эгоизм». Поставленный рядом с Шекспиром, Байрон показался односторонним и слишком субъективным. Зато романтизм народности вызывал в Пушкине глубокое сочувствие и побуждал его искать «истинного романтизма». Под этим настроением написан «Борис Годунов». Его «истинный романтизм» был в сущности художественным реализмом. В основу творчества автор положил не только исторический материал, необходимый для понимания эпохи, но также изучение теории драмы и театра. Идя в значительной степени по следам Шекспира, Пушкин сознательно стремился к «преобразованию драматической нашей системы». На ряду с классицизмом, романтизм помогал Пушкину оформлять его художественный стиль.

В своем творчестве наш поэт держался, так сказать, эволюционного метода, чтобы дать стройный синтез борющихся начал. Движение, совершавшееся в дворянской литературе более века, нашло свое окончательное оформление в Пушкине.

Мало того, в той или другой степени Пушкин учитывал и литературную жизнь недворянских слоев. Не говоря уже о представителях разночинской литературы, писатели из мещан и крестьян всегда привлекали к себе его внимание. Это — Орлов, Слепушкин, Кольцов и др. Но особенно существенно то, что в своих культурных и художественных исканиях Пушкин придавал огромную важность современной ему устной поэзии «народа» (лирическим песням, эпическим былям, сказкам) и памятникам старорусской письменности («Слову о полку Игореве», житиям, летописям), т. е. произведениям, корни которых уходили вглубь московской культуры. Всем этим он широко воспользовался для своего синтетического творчества.

Итак, Пушкин вобрал в себя и творчески переработал всё многообразие элементов современной ему русской литературной жизни. Более того, будучи одним из образованнейших людей своего времени, он был в общении со всем художественным миром Запада. Трудно было бы перечислить всех иностранных писателей, с которыми так или иначе Пушкин соприкасался в своем творчестве. С редкой остротой чувствовал он самые разнородные стили: восточные, средневосточные, славянские, германские, романские и т. п. В каждом из них он мог давать тонкие стилизации. В творчестве Пушкина было что-то не только глубоко-национальное, но и нечто интернациональное.

В результате не эклектизм, а свой стиль и своя поэтика. Художественный реализм оказался той стихией, где Пушкин чувствовал себя в родной сфере. Замкнув собою литературное брожение своего времени, он наметил новые пути развития и надолго определил судьбы русской литературы.

Поэтическое творчество, по Пушкину, это — священный акт, «священная жертва» Аполлону. Художники — «единого прекрасного жрецы». Поэзия ценна уже сама по себе. «Ты спрашиваешь, — пишет Пушкин Жуковскому в 1825 г., — какая цель у Цыганов? Вот, на! цель поэзии — поэзия, как говорит Дельвиг (если не украл этого)». Поэт в представлении Пушкина царственно свободен в своем творчестве. Без «искренности вдохновения» нет «истинной поэзии». Эти и подобные мысли похожи на проповедь т. н. чистого искусства, искусства для искусства. Да порою Пушкин нарочито заострял свои взгляды на поэзию, потому что ему приходилось бороться с «светской чернью», которая или обнаруживала грубое непонимание сущности творчества или лицемерно предьявляла к поэзии требования голый поучительности. По верному замечанию Плеханова, «в известные исторические эпохи нежелание метать бисер перед холодной и неразвитой толпой необходимо должно приводить умных и талантливых людей к теории искусства для искусства». Но Пушкин в сущности далек от самодовлеющего встетства и чистого формализма. Высокое понимание искусства заставляет его предьявлять к творчеству строгие требования как со стороны формы, так и со стороны содержания. Быстрое забвение ожидает тех писателей, «которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, — истинной жизни его, не зависящей от употребления». Поэт — пророк, который идет в жизнь, чтобы глаголом жечь сердца людей. Характеризуя Боратынского, Пушкин выдвигал в его поэзии, как наиболее ценные стороны, независимую мысль, сильное чувство, строгий вкус, живость, точность стиха. В пушкинское время заново ставился вопрос о художественной прозе. Пушкин много думал об ее поэтике. «Точность, краткость — вот первые достоинства прозы, — писал он. — Она требует мыслей и мыслей: блестящие выражения ни к чему не служат; стихи — дело другое». Это противопоставление стихов прозе характерно для Пушкина и для всей тогдашней литературы. Проза стоит ближе к жизни, будничнее и деловитее, чем стихи. Но в сущности Пушкин проводил общие принципы своей поэтики, когда от прозы требовал мыслей и точности выражения, когда боролся с «неточностью», «надутостью» и «напыщенностью» слога в прозе, и когда, наконец, рекомендовал учиться у французов «благо-разумному слогу», ясности и точности языка. Заговорит Пушкин о создании трагедии, и тут, ссылаясь на авторитет Шекспира, в качестве основных «законов драмы», он выставит «вольное и широкое изображение характеров», «правдоподобие положений и истину разговора». Исторические события нужно изображать со всей полнотой и простотой, со всеми буднями, «домашним образом»; чтобы «историческое» и обыденное стояли рядом, как в самой жизни. Отвергая риторическую напыщенность, холодную чопорность и фальшивую условность, Пушкин высшую красоту творчества видел в искренности настроения, в честности мысли, в глубине содержания, в изящной простоте и гармонической стройности формы.

Таковы существенные пункты поэтики Пушкина. В своем творчестве он оставался верен изложенным принципам. Правдиво и художественно выразил он свой класс, себя, и свою идеологию. В тематике и подборе образов (в идеологии) виден определенный угол зрения на жизнь.

Лирика Пушкина поражает огромным разнообразием жанров, исключительной гибкостью формы, тонкой музыкальностью, яркой живописностью и, наконец, неисчерпаемым богатством мотивов. Наш поэт бесспорно принадлежит к величайшим лирикам всемирной литературы. Всегда правдивый и искренний в своем творчестве, Пушкин отобразил в лирике все перипетии своей богатой жизни. Разумеется, всё личное получает здесь художественное претворение, и субъективное становится общезначимым. Жизнерадостная анакреонтика, царившая в лирических стихах Пушкина, в его «легкой поэзии», с годами смолкает, но не исчезает совершенно из лирики поэта, который с чисто моцартовской свободой отдавался жизни и умел с артистическим вкусом пить из кубка наслаждений. Наперекор всем невзгодам жизни, Пушкину суждена была неуязвимая молодость души. В 1836 г. он писал: «О, нет, мне жизнь не надоела, я жить хочу, я жизнь

люблю! Душа не вовсе охладела, утратив молодость свою». Пушкин мыслит и переживал жизнь в трех планах: личном, социально-политическом и философском. В бесконечных модуляциях звучит в его поэзии мотив любви. Он — виртуоз любовной лирики. Существенное место в пушкинской лирике занимают, далее, политические и социальные мотивы. Идя в хрондологическом порядке, мы легко различим основные этапы в идеологической жизни поэта: впечатления от Отечественной войны, декабризм, защита политического престижа России и отход от политики. Давно названным певцом декабризма, Пушкин своими вольнолюбивыми стихами как бы пропагандировал тогдашние идеи политического радикализма («Деревня», 1819; «Вольность», год написания которой в точности неизвестен; «Кинжал», 1821, и т. п.). Драма декабристов долго волновала Пушкина и потом («Стансы», 1826; «Послание в Сибирь», 1827; «Арион», 1827). Со второй половины двадцатых годов поэт, повидимому, теряет веру в возможность революционной борьбы. Закономерная эволюция представляется ему высшим историческим принципом. Когда обострился польский вопрос, Пушкин открыто стал на сторону русской государственности и бросил либеральной Европе свой вызов в виде памфлетов «Клеветникам России» (1831) и «Бородинская годовщина» (1832). Эти вспышки политического гнева характеризуют известный момент в настроении Пушкина, но не определяют собою всецело его политического мировоззрения. В тридцатых годах поэт даже отходит от политики, как бы убедившись, что он не может принимать в ней реального участия. Поэт-мыслитель, в своих лирических думках Пушкин развивал и общий взгляд на смысл человеческой жизни. Его философия жизни прошла ряд стадий от легкого эпикуреизма юности до преклонения пред высокой святостью жизни. Бывали и скорбные минуты, когда поэт мог написать пессимистические строки: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» Но до полной безнадежности он никогда не доходил, потому что любил жизнь, хотел жить, «чтоб мыслить и страдать», а также, чтобы творить и наслаждаться. В его душе не было пустоты, а постоянное кипение творческих сил. Художник спасает человека; искусство не только мирит его с жизнью, но и открывает в ней глубокий смысл. Через искусство приближается он к вечности (ср. «Памятник», 1836).

Гамма личных, общественных и философских переживаний, которые составляют тематику пушкинской лирики, окрашивается, разумеется, и всё творчество поэта. В аспекте своих переживаний воспринимает он и осмысливает конкретную действительность, выражая ее в художественных образах, имеющих и объективную значимость. В условном стиле байронизма молодой Пушкин показал своих экзотических героев, окружив их легкой, лирической дымкой. Но его байронические герои — Кавказский пленник, Алеко — не простые сколки с героев Байрона. Русский байронический герой вышел мельче, но зато правдивым и жизненным, т.-е. дан в уровень с тем байронизмом, который фактически проявлялся в известных кругах общества. В литературные образы поэт вложил много своего, лично пережитого, в связи с настроениями декабризма. И к себе самому мог Пушкин применить слова, сказанные о Кавказском пленнике: «Отступник света, друг природы, покинул он родной предел, и в край далекий полетел с веселым призраком свободы». Это — молодая центробежность вольного духа. Кавказский пленник и Алеко несут в своей груди социальный протест против «неволи душных городов», против жизни, «как песнь рабов однообразной». Байронические поэмы Пушкина хорошо гармонируют с его вольнолюбивой лирикой, и его байронический герой оживет в Евгении Онегине, вставленном на этот раз с сочную и красивую раму дворянского быта.

Когда сам поэт сдернул романтическую пелену, жизнь предстала в своей нагой простоте, но и в своей многозначительности. Лирический пафос байронических поэм быстро пошел на убыль. В 1824 г. в «Дыганах» развенчан Алеко, а в декабре 1825 г. уже готова стихотворная повесть «Граф Нулин». Приемы письма — ярко реалистические. Характер фабулы и нарочито прозаические детали повести шокировали известную часть тогдашней критики. Но Пушкин показал себя здесь большим художником бытовой живописи. Типичны и главные, и второстепенные герои. Особенно метко

очерчен граф Нулин, тип легкомысленного западника. Повестью «Граф Нулин», равно как и следовавшей за нею, также стихотворной, повестью «Домик в Коломне» (1829—1830), Пушкин борется с натянутой чопорностью и молодными условностями литературных канонов. Короткие и бойкие, повести пленительны простотой своей композиции и теплой любовью к повседневному быту. Тут именно видишь, что Пушкин любил жизнь во всех ее проявлениях. Высочайшим образом стихотворного повествования о реальной жизни является роман «Евгений Онегин» (1823—1831). Роман еще хранит генеалогические следы своего происхождения от байронического древа, но в целом он возвышается, как монументальная постройка реально-художественного стиля. На широком полотне дана картина дворянской жизни двадцатых годов: обе столицы и провинция, усадебное дворянство и деревня; дворянская интеллигенция в лице Онегина и Ленского. Поставив в центре Онегина, автор разом показал несколько культурных слоев и культурных стихий в том живом смещении, как оно наблюдалось в самой реальной действительности. Пушкин намеревался закончить фабулу декабрьским восстанием. Интересно следить, как в романе, с которым автор не расставался почти девять лет, постепенно изменяется эмоциональная и идеологическая окраска действия. «Болтливая лира» поэта, какой она была в I главе, берет всё более и более серьезные аккорды: философия жизни становится всё возвышеннее и возвышеннее.

Когда роман «Евгений Онегин» уже приближался к концу, Пушкин переходит к прозаической повести. В 1830 г. были написаны «Повести Белкина», выдержанные (за исключением, впрочем, «Выстрела») в простом, бытовом жанре. Сюжеты взяты из жизни уездного дворянства («Метель», «Барышня-крестьянка») и из жизни маленьких людей («Гробовщик», «Станционный смотритель»). «Выстрел» и стоящая вне серии белкинских повестей «Пиковая дама» (1833) — психологические новеллы. Глубоко и своеобразно задумана, но, к сожалению, не окончена Пушкиным, «История села Горюхина» (1830), которая в жанре тонкого юмореса изображает помещицью и мужицью Россию. Фактический материал дала автору его жизнь в Болдине. Но Горюхино вырастает до значения символического образа. В стиле разбойничьего романа разворачивается фабула большой повести «Дубровский» (1832—1833); авантюрная канва не помешала автору дать глубокую картину дворянской жизни. К тридцатым годам относятся еще целый ряд набросков Пушкина для будущих повестей и романов, также из жизни дворянского общества. Особенно широко задумывался роман «Русский Пелам» (1835), которому предстояло быть «Евгением Онегиным» в прозе. В беллетристике Пушкина использованы все стили, какие были обычны в тогдашней литературе, но всё переработано самостоятельным гением Пушкина в свой собственный стиль: простота фабулы, умещающейся «в маленькой раме», и простота всех приемов зарисовки; естественность и, где нужно, простонародность языка; внешняя краткость в соединении с внутренней полнотой, прозрачность формы и глубина содержания.

Художником-реалистом выступает Пушкин и в своем историческом жанре. Интерес к историческому прошлому, проснувшийся в нем очень рано, переходит в сознательный историзм, которым определялось всё его мировоззрение. Трагедия «Борис Годунов», законченная в 1825 г., но опубликованная целиком лишь в 1830 г., составляет настоящую веху в творческой жизни Пушкина. Ценность произведения возвышалась еще тем, что трагедия насыщена богатым содержанием; автор развернул здесь свою историческую философию, «государственные мысли историка». Теми же государственными мыслями внушены стихотворная повесть «Медный всадник» (1833), где глубокий фон картины занимает фигура Петра I, и исторические произведения в прозе: неоконченный «Арап Петра Великого» (1827—1830), также неоконченный роман «Рославлев» (1831) и повесть «Капитанская дочка» (1836), шедевр его исторической беллетристики.

Понимание исторических судеб России и дворянского класса сливалось в сознании Пушкина с его мыслями о настоящем положении вещей. Процесс его классового самоопределения и его социальные идеи отразились в художественном творчестве. Истории дворянского класса в том или другом отношении посвящены «Арап Петра Великого», «Родословная моего героя»

(1833). «Медный Всадник» (1833); Евгений — «родов униженных обломков»), «Капитанская дочка» (1836) и «История села Горюхина» (1830). В разных вариациях развивается идея об упадке родовитого дворянства. Среднее дворянство более всего приковывает к себе внимание Пушкина: он показывает нам расслоение дворянства, социальный конфликт внутри класса («Дубровский», 1832; наброски неоконченных и планы неосуществленных произведений тридцатых годов). «Евгений Онегин» — усадебный роман в самом точном значении этого слова, и Белинский с полным основанием утверждал об авторе романа: «Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, всегда видите русского помещика... Он нападает в этом классе на всё, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина»... Не обошел Пушкин и междуклассовых отношений. Острая борьба классов показана в «Сценах из рыцарских времен» (1835). На фоне Пугачевского бунта («Капитанская дочка», 1836) сталкивается дворянство и крестьянство. Точка зрения автора — дворянская, помещичья. «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка».

Как в лирике над мотивами личными и общественными возвышается надстройка из философских дум о жизни человеческой вообще, так и в «маленьких трагедиях» 1830 года Пушкин разрабатывает мотивы мирового, «общечеловеческого» значения. Это — «Пир во время чумы», сосредоточивающий мысль читателя на идее жизни и смерти. Это — «Каменный гость» на мировой мотив дон-жуанизма, ненасытной любви и бесполойности искания красоты. Это — «Скупой рыцарь», в котором воплощена идея скупости, как великой страсти. Это, наконец, — «Моцарт и Сальери», где с необыкновенной силой ставится проблема гения и творчества, — проблема, наиболее дорогая Пушкину-художнику. В творчестве, в конце концов, поэт видит оправдание и высший смысл жизни.

Для огромного содержания Пушкин нашел адекватную форму. В его поэзии сконцентрировано колоссальное количество творческой энергии. От прикосновения к ней она разряжается и дает новые творческие эффекты. Не только в области словесного творчества, но и в других областях искусства. Оплодотворенные Пушкиным, композиторы пишут на его слова романсы и оперы (Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков и др.). Скульпторы и живописцы переводят его образы на язык пространственных искусств. Пушкин царит во всех сферах искусства.

Рассматривая творчество Пушкина в чисто литературном плане, мы видим, что именно через него полнее всего совершалось самоопределение русской литературы, эволюция которой, происходившая при участии различных элементов европейской поэзии (от классицизма до романтизма), должна была завершиться синтезом, т. е. созданием самобытных форм творчества. Как писатель, Пушкин является высшим пунктом всего развития русской литературы за полтора века. Его поэзия — самый зрелый ее плод. С другой стороны, в плане культурной эволюции Пушкин подготовлен расцветом дворянской культуры, понятой не в качестве простой копии с европейской цивилизации, а в качестве сознательного синтеза европейских и старорусских начал. Настал момент для культурного самовыявления класса. Этот процесс с гениальной силой выразил Пушкин. Он — художественный синтез целой культурной эпохи. Через культуру своего класса Пушкин был связан с культурой всей Европы. Законный наследник веков минувших, он творил и для веков грядущих. Высокая мысль о суде потомства нашла себе торжественное выражение в стихотворении «Памятник» (1836).

Судьба Пушкина в потомстве очень показательна для всего хода нашей культурной и литературной жизни. В этом отношении можно различать три главных периода.

Пушкин сам приветствовал появление Гоголя с его «Вечерами» и даже «Ревизором». Назревала проблема: Пушкин и Гоголь. Белинский уже в 1835 году писал, что Гоголь является «главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным». Для данного года это

было еще преждевременно. Но в сороковых (после I тома «Мертвых душ», 1842 года) и пятидесятых годах Пушкин и Гоголь уже мыслились, как два типа творчества: в первом видели жреца «чистого искусства», а во втором — социального художника. Нужно было выбирать между ними или мирить их. Появился Лермонтов — новая антитеза, тоже вполне законная. Еще Белинский развивал ее в своих статьях о Лермонтове, как о поэте мучительных рефлексий, как о поэте молодого поколения. Это — первая стадия в переоценке Пушкина. Наступает второй период. Ранние шестидесятники еще хранят пизет к Пушкину, но Чернышевский не спрашивает свои известные «Очерки гоголевского периода». Социальные условия эпохи 60-х годов, когда в литературу «разночинец пришел», порождали протест против дворянской культуры, и Писарев открыто посягнул на славу Пушкина, стремясь развенчать его и низвести до уровня эстетствующего барина. Поэзия Некрасова послужила новым поводом для переоценки Пушкина. У гроба Некрасова (ум. в 1877 г.) разгорелся спор, кто выше: Некрасов или Пушкин? Но замечательно, что и Гоголь, и Лермонтов, и Некрасов преклонялись пред Пушкиным. Оставался он несравненным учителем в искусстве слова и для Тургенева, и для Гончарова, и для Достоевского, и для Толстого. В 1880 г. у памятника Пушкина собралась вся русская литература — и дворянская, и разночинская (Глеб Успенский), и писатели дружным хором славил автора «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки». Достоевский связал его творчество с общечеловеческими свойствами и порывами русского человека. Настала, наконец, эпоха великой революции. Грандиозные социальные сдвиги, и новая «переоценка ценностей». Возник спор о культурном наследии прошлого. Пушкину грозила опасность, вместе с другим классиками, быть выброшенным «за борт корабля современности». Но этого не случилось. В числе защитников Пушкина оказался сам В. И. Ленин. Поэты революционной эпохи — Демьян Бедный, Кириллов, Вас. Казин, Безыменский, Сергей Есенин, Пастернак, Маяковский — склонили головы «перед добрым и светлым гением Пушкина». Пушкин и на этот раз выиграл исторический процесс. Для России Пушкин то же, что Данте — для Италии, Шекспир — для Англии, Гете — для Германии. Критики и историки литературы наших дней стремятся до конца понять творчество Пушкина и дать ему широкое социологическое освещение. А. В. Луначарский, например, пишет: «Пушкин многолик, отнюдь не мономан. Пушкина невозможно вогнать ни в какую формулу, не выдав себе самому свидетельства в чрезвычайной узости и педантизме. Конечно, очень многое в идеях Пушкина и в его чувствах принадлежит к области классового дворянства, характеризует собою только его эпоху, далеко уходит за пределы интересного для нас. Но рядом с этим у Пушкина имеется огромное и еще далеко не раскрытое национально-идейное содержание «общечеловеческой значимости», т.-е. предвосхищающее ту «общечеловеческую культуру», которая «сделается возможной только при законченном коммунизме».

Пушкин оказался счастливым победителем и при жизни и в потомстве.

П. САКУЛИН.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1826—1836

1826 г.

513. К.БОРАТЫНСКОМУ.

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухончка, сй-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

514. ИЗ ПИСЬМА К И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штосс:
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

515. В. АЛЬБОМ Е. Н. ВУЛЬФ.

Вот, Зина, вам совет: играйте!
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

1 июля 1826. Зуёво.

516.

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;

Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковёрной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

517. ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO».

Canto XXIII ott. 100.

Пред рыцарем блещит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой:
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102.

Гуляя он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле, в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам друг являлся иногда.

103.

Орланд их имена читает
Соединенны вензелём;

Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может-быть —
Другой, не этой Анжеликой.

104.

Но вскоре, витязь, молвил ты:
«Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть-может.»
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105.

Но чем он более хитрит,
Чтоб утешить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей повиликой
Завешан был тенистый вход.
Медор с прелестной Анжеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их медом, углем иль ножом
Везде счастливицы написали.

107.

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной

Зрит надпись. В похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал,
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значенье:

108.

«Цветы, луга, ручей живой
Счастливыи грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анжеликой молодой,
С прелестной дочерью Галофрона,
Любимой многими — порой
Я знал утечи Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу,
Столь часто вами охраненной
Одним лишь только услужу,
Хвалою и просьбою смиренной.

109.

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно —
На воды, луг, на тень и лес,
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада».

110.

Граф точно так, как по-латыне,
Знал по-арабски. — Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111.

Два, три раза и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть,
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,

Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И, наконец, на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112.

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

518. ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

519. К ЯЗЫКОВУ.

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоял свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородной,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

1.

Как по Волге реке, по широкой
 Выплывала востроносая лодка,
 Как на лодке гребцы удалые,
 Казаки, ребята молодые.
 На корме сидит сам хозяин,
 Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
 Перед ним красная девица,
 Полоненная персидская царевна,
 Не глядит Стенька Разин на царевну,
 А глядит на матушку на Волгу.
 Как промолвит грозен Стенька Разин:
 «Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
 С глупых лет меня ты воспоила,
 В долгу ночь баюкала, качала,
 В волновую погоду выносила,
 За меня ли молодца не дремала,
 Казаков моих добром наделила. —
 Что ничем еще тебя мы не дарили».
 Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
 Подхватил персидскую царевну,
 В волны бросил красную девицу,
 Волге-матушке ею поклонился.

2.

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые —
 Парчи золотые.
 Стал воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая:
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Друга соболья.
 Ему Стенька Разин
 Не отдает шубы.
 — «Отдай, Стенька Разин,
 Отдай с плеча шубу!
 Отдашь, так спасибо;
 Не отдашь, — повешу

Что во чистом поле,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода.
Возьми себе шубу,
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

3.

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет гудит,
Свищет, гудит, заливаётся,
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян.
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю, по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-дсерница».

523. ПРОРОК.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои

Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

524. Е. А. ТИМАШЕВОЙ.

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные создания,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.
Соперницы *запретной* розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
И много рифм, и много прозы!

Москва, 20-го октября 1826 г.

525. К С. Ф. ПУШКИНОЙ.

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней.
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

526. ИЗ ПИСЬМА К С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отдавай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипятке
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. — В Валдае спроси,
есть ли свежие сельди; если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай. —

527.

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцалуем сладострастья
[Ты, тревожа сердце в нас,]
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим — но в сотый раз
Слышим твой коварный шопот
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,

Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам навверное назначь.

22 ноября.

528. ИЗ ПИСЬМА К Н. С. АЛЕКСЕЕВУ.

Прощай, отшельник бессарабской,
Лукавый друг души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою своей.

529. И. И. ПУЩИНУ.

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!

13 декабря 1826 г. Псков.

530. СТАНСЫ.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

531. ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучной
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

532. ОТВЕТ ф. Т***.

Нет, не черкешенка она:
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней:
Но все сокровища востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

1827 г.

533. В СИБИРЬ.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра —
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч ваш отдадут.

534. СОЛОВЕЙ.

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для холодной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

535. ЭПИГРАММА.

Из Антологии.

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!

Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

536. В АЛЬБОМ КН. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ.

Здравствуй, друг мой Павел!
“ Держись моих правил:
Делай то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажется, что ясно.
Прости, мой прекрасный.

537. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретенях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь на-легке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе,
Или на Красном кабачке?

538.

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

1 апреля 1827 г.

539. ЕК. НИК. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, в старину,
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изречение:

«Аминь, аминь, рассыпья!» В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведаёт, куда девались они.
Но ты, мой злой иль добрый гений
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, рассыпья!» говорю.

540. КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди рассеянной Москвы
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылаёт гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

541. ЕК. Н. УШАКОВОЙ.

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

542. К ЯЗЫКОВУ.

К тебе сбирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою

Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев избегая,
Готов был всюду я лететь.
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.
Прости, певец: играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

543. АРИОН.

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чёлн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный....
Погиб и кормщик, и пловец —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

544. ТРИ КЛЮЧА.

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности — ключ быстрый и мятежной,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья

В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ — холодный ключ забвенья
— Он слаще всех жар сердца утолит.

545. ПОЭТ.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть-может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

546.

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморью плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва, утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

547. 19 ОКТЯБРЯ, 1827 г.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,

И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

548. ЧЕРЕП.

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну, словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен впрочем был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,

Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать о Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один:
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточных лексикона,
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу,
Предмет занятий разнородных
Ученого, да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердце высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет.
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива, мой мечтатель,
Открылся кистеру душой
И говорит: нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Звести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?

Клянусь тебе айдеским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей.
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Итти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сон почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нём.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.

Настала ночь. Плащем покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастью, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей

из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельство не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель В. получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Кюрсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Боратынский,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный, иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

549. ТАЛИСМАН.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами востока
Он тебя не одарит,

И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя:
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

550. РЕФУТАЦИЯ БЕРЕНЖЕРА.

T'en souviens tu, disait un capitaine
Au vétéran qui mendiait son pain.¹

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, -- капитан,
Как помнятся у нас в простонародьи
Над нехристом победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, -- капитан.

Ты помнишь ли, как за горы Суворов,
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих --
Да и твою, -- капитан!
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен, гол да лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов

¹ [«Ты помнишь ли?» — сказал капитан
Ветерану, просившему милостыню.]

И батарей задорный подогревец,
Солдатский штык и петлю казаков?
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп,
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал --- ?
Хоть это нам, и проч.

551. АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КА-
РАМЗИНОЙ.

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем:
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.
24 ноября.

552. АНГЕЛ.

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал.

553. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя.

Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полу-смешных, полу-печальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессониц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

29 декабря, 1827 г.

554. ЗОЛОТО И БУЛАТ.¹

Всё мое, сказало злато;
Всё мое, сказа́л булат.
Всё-куплю, сказало злато;
Всё возьму, сказа́л булат.

555.

Не знаю где, но не у нас
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

¹ Стихотворения 554-ое и 555-ое датируются 1827 г. предположительно.

1828 г.

556. СТАНСЫ.

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнаньи жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную рук
Подал — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Его хвалой не воспую?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Гнети природы голос нежный!
Он скажет: просвещенья плод —
Страстей и воли дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

557. ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

сочинителю «Сатиры на игроков».

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру!
Ему полезен розги свист.
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасной.
Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюся в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:

 Некто, мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ, его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полднего сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Сто лет минуло, как тевтон
 В крови неверных окупался;
 Страной полночной правил он.
 Уже прусак в оковы вдался,
 Или сокрылся, и в Литву
 Понес изгнанную главу.

Между враждебными берегами
 Струился Немен: на одном
 Еще над древними стенами
 Сияли башни, и кругом
 Шумели рощи вековые,
 Духов пристанища святые.
 Символ германца, на другом
 Крест веры, в небо возносящий
 Свои объятия грозящи,
 Казалось, свыше захватить
 Хотел всю область Палемона,
 И племя чуждого закона
 К своей подошве привлечь.

С медвежьей кожей на плечах,
 В косматой рысьей шапке, с пукон
 Каленых стрел и с верным луком,
 Литовцы юные, в толпах,
 Со стороны одной бродили
 И зорко недруга следили.
 С другой, покрытый шишаком,
 В броне закованный, верхом,
 На страже немец, за врагами
 Недвижно следуя глазами,
 Пищаль, с молитвой, заряжал.
 Всяк переправу охранял.
 Ток Немена гостеприимной,
 Свидетель их вражды взаимной,
 Стал прагом вечности для них;
 Сношений дружных глас утих,
 И всяк, переступивший воды,
 Лишен был жизни иль свободы.
 Лишь хмель литовских берегов,
 Немецкой тополю плененный,
 Через реку, меж тростников,
 Переправлялся дерзновенный,
 Брегов противных достигал
 И друга нежно обнимал.
 Лишь соловьи дубрав и гор
 По старине вражды не знали

И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

559. В. С. ФИЛИМОНОВУ,

при получении поэмы его «Дурацкий колпак».

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И, в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

560. TO DAWE, ESQ¹.

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофиль.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

561. ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;

¹ [Господину Дау.]

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

562. ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

563.

26 мая, 1828.

Дар напрасный, дар случайной,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

564. ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ КН. Н. С. ВОЛКОНСКОМУ.

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

565.

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?

И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

566. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно.
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

14/26 июня 1828.
Стрельна:

567. ПОРТРЕТ.

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой.
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

568. НАПЕРСНИК.

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

569.

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

570. ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может-быть еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменил душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

571. ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.

Гнули, - - - -,
От пятидесяти
На сто.

И выигрывали,
И отписывали
Мелом.

Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

572. УТОПЛЕННИК.

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
— Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец:
Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец? — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец:

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой.
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,

Уж лучина догорела,
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — Эй, впусти, хозяин! —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Кани?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки чёрные впились.

И мужик окно захлопнул.
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясса ночь он напролёт,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждёт;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настаёт,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

573.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под`ракигой
Богатырь лежит убитой.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

574.

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

575. 19 ОКТЯБРЯ, 1828.¹

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

576. АНЧАР.¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

¹ Древо яда.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес — и ослабел, и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

577. ОТВЕТ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербую рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,

Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

578. ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦЕВОЙ.

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоиц,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

579.

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R и O позабываю
Для N и W.

580. П. И. ЭГЕЛЬСТРОМУ.

О, Эгельстром! я восхищенный
Читал творения твои:
Твой стих, лишь гением внушенный,
Блестит, как солнце в ясны дни.

Когда, соперник Ювенала,
Метал ты гром твоих стихов,
Коварна злоба трепетала,
Дрожал завистник Копылов.

Когда Анакреона лиру
Красе прелестной посвящал,

Тогда разнеженному миру
Восторги сладостны внушал.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь над гробовой доской,
Весь свет ты песнью огорчаешь —
Тогда стенает всё с тобой.

Когда комедией пленять нас хочешь,
Что твой Мольер и что Крылов,
С тобой невольно захохочешь....
Сердись, как хочешь, Копылов!

Поэт, сын Феба вдохновенный,
Как мил твой каждый стих!
Скажи почто, певец смиренный,
От света ты скрываешь их?

Пусти в печать твои творенья,
Заслужишь множество венцов —
Мы все помрем от восхищенья!
О, Эгельстром, ты царь певцов!

581. ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.¹

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел, — а хладный и надменной,
Кругом народ непосвященной
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато, как ветер, и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

П о э т.

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.

¹ [Отойдите, непосвященные.]

Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже;
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь.

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт.

Подите прочь, — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношение,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волнения.
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

582. И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,

Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться впрочем не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

583.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой
Я новым идолам несу мои мольбы...

584.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

585. ЕЕ ГЛАЗА.

В ответ на стихи князя Вяземского.

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами

¹ [Таков я был прежде, таков я и ныне.]

Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

586.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальней.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальней.

587. ЦВЕТОК.

Цветок засохший, безуханной,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

588. К КАВЕРИНУ. 1817.¹

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный;
Пока живется нам, живи.
Гуляй в мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

589. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что ж нового? — «Ей-богу ничего».
— Эй не хитри: ты верно что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно всё скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово.
«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново.»

590.

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

¹ Стихотворения с 588-го по 595-ое датируются 1828 г. предположительно.

591.

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: «в день Ильи-пророка
Она была разведена!»

592.

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он;
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

593.

Amour, exil¹ —
Какая гиль!

594.

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такого
Не смею громко произнестъ.

595.

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

¹ [Любовь, изгнание]

1829 г.

596. ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами— шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

597.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,

Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

598. ПРИМЕТЫ.

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивой.

Я ехал прочь: иные сны..
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

599. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ.

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом «Письмовник» снова хочет;
И, говорят, на-днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд, —
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

Когда помилует нас бог,
 Когда не буду я повешен,
 То буду я у ваших ног,
 В тени украинских черешен.

601. ЭПИГРАММА.

Журналами обиженный жестоко,
 Зоил Пахом печалился глубоко;
 На цензора вот подал он донос;
 Но цензор прав, — нам смех, зоилу нос.
 Иная брань конечно неприличность,
 Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
 Но можете печатать, например,
 Что господин парнасский старовер
 (*В своих статьях*) бессмыслицы оратор,
 Отменно вял, отменно скучноват,
 Тяжеловат, и даже глуповат;
 Тут не лицо, а только литератор.

602.

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
 Проигрывал ты кучки ассигнаций,
 И серебро, наследие отцов,
 И лошадей, и даже кучеров —
 И с радостью на карту на злодейку
 Поставил бы тетрадь своих стихов,
 Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

603. ЭПИГРАММА.

Там, где древний Кочерговский
 Над Ролленем опочил,
 Дней новейших Тредьяковский
 Колдовал и ворожил:
 Дурень, к солнцу став спиною,
 Под холодный Вестник свой
 Прыскал мертвою водою,
 Прыскал ижицу живой.

604. КАЛМЫЧКЕ.

Прощай, любезная калмычка!
 Чуть-чуть, на зло моих затей,
 Меня похвальная привычка
 Не увлекла среди степей

Вслед за кибиткою твоей.
 Твои глаза, конечно, узки,
 И плосок нос, и лоб широк,
 Ты не лепечешь по-французски,
 Ты шелком не сжимаешь ног;
 По-английски пред самоваром
 Узором хлеба не крошишь,
 Не восхищаешься Сен-Маром,
 Слегка Шекспира не ценишь,
 Не погружаешься в мечтанье,
 Когда нет мысли в голове,
 Не распеваешь: «Ma dov'è»,¹
 Галоп не прыгаешь в собрание...
 Что нужды? — Ровно полчаса,
 Пока коней мне запрягали,
 Мне ум и сердце занимали
 Твой взор и дикая краса.
 Друзья! не всё ль одно и то же:
 Забыться праздною душой
 В блестящей зале, в модной ложе,
 Или в кибитке кочевой?

605.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
 Шумит Арагва предо мною.
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит — оттого,
 Что не любить оно не может.

606.

15 мая.

Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла,
 Мерцают звезды надо мною —
 Мне грустно и легко, печаль моя светла,
 Печаль моя полна тобою.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь,
 И без надежд, и без желаний.
 Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
 И нежность девственных мечтаний.

¹ [«Но где».]

(Лагерь при Евфрате.)

Не пленяйся бранной славой
 О красавец молодой!
 Не бросайся в бой кровавой
 С карабахскою толпой!
 Знаю: смерть тебя не встретит;
 Азраил, среди мечей,
 Красоту твою заметит —
 И пощада будет ей!
 Но боюсь: среди сражений
 Ты утратишь навсегда
 Скромность робкую движений,
 Прелесть неги и стыда!

608. — 609. НА КАРТИНКИ

К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ».

в «Невском альманахе».

1.

Вот перешед через мост Кокушкин,
 Опершись - - - о гранит,
 Сам Александр Сергенч Пушкин
 С мосье Онегиным стоит.
 Не удостоивая взглядом
 Твердыню власти роковой,
 Он к крепости стал гордо задом:
 Не плюй в колодец, милый мой.

2.

Сосоқ чернеет сквозь рубашку,
 Наружу - - - — милый вид!
 Татьяна мнет в руке бумажку,
 Зане живот у ней болит:
 Она затем поутру встала
 При бледных месяца лучах
 И на - - - изорвала
 Конечно «Невский альманах».

610.

Счастлив ты в прелестных дурах,
 В службе, в картах и в пирах;
 Ты St.-Priest в карикатурах,
 Ты Нелединский в стихах;

Ты прострелен на дуеле,
Ты разрублен на войне —
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

611. КАВКАЗ.

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравце.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

612. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ.

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чудь видный, над горами.

Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав «прости» ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!...

613. К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

21 сент.

614. ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Тююфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой развезжать,
О деревне, об невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!...
Ну, пошел же, погоняй!...

615.

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранной
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В получении оплеухи
Расписался мой дурак?

616. ОБВАЛ.

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирев,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега....
Ты затопил, осwirепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудю лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод,
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шёл:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
 Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть иль нет? и можно ли постель
 Покинуть для седла, иль лучше до обеда
 Возиться с старыми журналами соседа?
 Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
 И рысью по полю при первом свете дня;
 Арапники в руках, собаки вслед за нами;
 Глядим на бледный снег прилежными глазами;
 Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
 Двух зайцев протравив, являемся домой.
 Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет,
 Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
 По капле, медленно, глотаю скуки яд.
 Читать хочу; глаза над буквами скользят,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сажу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязные слова.
 Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
 Над рифмой, над моей прислужницею странной:
 Стих вяло тянется, холодный и туманной.
 Усталый, с лирою я прекращаю спор,
 Иду в гостиную; там слышу разговор
 О близких выборах, о сахарном заводе;
 Хозяйка хмурится в подобие погоде,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червонного гадает короля.
 Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
 Но если под вечер в печальное селенье,
 Когда за шашками сажу я в уголке,
 Приедет издали в кибитке иль возке
 Нежданная семья: старушка, две девицы
 (Две белокурые, две стройные сстрицы).
 Как оживляется глухая сторона!
 Как жизнь, о боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Потом слов несколько, потом и разговоры,
 А там и дружный смех, и песни вечерком,
 И вальсы резвые, и шопот за столом,
 И взоры томные, и ветреные речи,
 На узкой лестнице замедленные встечи;
 И дева в сумерки выходит на крыльцо:
 Открыта шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
 Но бури севера не вредны русской розе.
 Как жарко поцелуй пылает на морозе!
 Как дева русская свежа в пыли снегов!

618. ЗИМНЕЕ УТРО.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче.... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

619.

Я вас любил: любовь еще, быть-может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

(При посылке бронзового Сфинкса.)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
 В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
 Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
 Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

621. ЛЕГЕНДА.

Был на свете рыцарь бедный
 Молчаливый, как святой,
 С виду сумрачный и бледный,
 Духом смелый и простой.

Он имел одно виденье,
 Непостижное уму,
 И глубоко впечатленье
 В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
 Он увидел у креста
 На пути Марию-деву,
 Матерь господа Христа.

С той поры, заснув душою,
 Он на женщин не смотрел
 И до гроба ни с одною
 Молвить слова не хотел.

Никогда стальной решетки
 Он с лица не подымал,
 А на грудь святые четки,
 Вместо шарфа, навязал.

Тлея девственной любовью,
 Верен набожной мечте,
 Ave, Sancta virgo¹ кровью
 Написал он на щите.

Петь псалом отцу и сыну
 И святому духу век
 Не случалось паладину —
 Был он странный человек.

Проводил он целы ночи
 Перед ликом пресвятой,

¹ [Радуйся, святая дева]

Устремив к ней страстные очи,
Тихо слёзы лья рекой.

Между тем как паладины
Мчались грозно ко врагам
По равнинам Палестины,
Именуя нежных дам,

Lumen coeli, Sancta Rosa!¹
Восклидал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальней,
Жил он будто заключен,
И, влюбленный и печальной,
Без причастья умер он.

Как с кончиной он сражался,
Бес лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Утащить он в свой предел.

Он де богу не молился,
Он не ведал де поста,
Целый век де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

622. ЭПИГРАММА.

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?»
— Пятнадцать. — «Только-то? Эй, розгу!» —
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал,
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

¹ [Небесный свет, святая роза!]

623. ОЛЕГОВ ЩИТ.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатной
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

624.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

.

625.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать;
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

626. ДОН.

Блеща средь полей широких,
Вон он лется!... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

627. СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ.

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.

Крылов.

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато, какая сортировка!
Вот ** <Глинка> — божия коровка,
Вот **** <Каченовский> — злой паук,
Вот и ** <Свиньин> — российский жук,
Вот ** <Олин> — черная мурашка.
Вот ** <Раич> — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамках
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

628.

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья —
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы,
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

629.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

630. ЭПИГРАММА.¹

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой молодой, цветущий, здоровой,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внемлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является молодой его наследник;
Свистов II вступает на престол!

631.

Авдотья Яковлевна пахнет.

.....

¹ Стихотворения с 630-го по 634-ое датируются 1829 г. предположительно.

632.

Мы наслаждение удвоим.

.....

633.

День блаженства настоящий
Дева встретит наконец,
Час пробьет, и - - - -
Дева - - - - -.

634.

Дева, - - - - -
Залетит - - - - .

1830 г.

635.

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

636. ОТВЕТ.

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих недописанных каракул;
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылой,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

637.

(19 января.)

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавой
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

638. НА БУЛГАРИНА.

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

639. СОНЕТ.

Scorn not the sonnet critic.

*Wordsworth*¹.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камюэнс облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды¹ отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненной
Свои мечты мгновенно заключал.

¹ [Не презирай сонета, критик. *Вордсворт*.]

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гексаметра священные напевы.

640. К ВЕЛЬМОЖЕ.

(Москва.)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий, ясный век
Еще ты с молодю умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседельй,
Умов и моды вождь пронирыливый и смелый,
Свое владычество на севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лезть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростиясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветренным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровой,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может-быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,

Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
Об неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий, отрока восторгов полный, сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотинною Версаль и Трианон,
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доньше странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причёт,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мнения, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколения.
Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переносюсь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,

Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободной
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

641. ПОЭТУ.

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородной.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

642. МАДОННА.

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

643. НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малой,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

644.

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленяла эти,
Те, те, те и те, те, те.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.

645. АКВИЛОН.

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

646. ДЕЛИБАШ.

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?...
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

647. БЕСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

— Эй, пошёл, ямщик!... — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

«Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... — Что там в поле? —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Ирадная сердце мне...

648. ЭЛЕГИЯ.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.

Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может-быть — на мой закат печальной
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

649. ОТВЕТ АНОНИМУ.

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылой,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше», говорят любители искусств:
«Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ними не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

• • • • •

650. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит

651.

В последний раз твой образ милой
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меня всё, меняя нас —
Уж ты для страстного поэта
Могильным сумраком одета,
А для тебя поэт угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Перед изгнанием его.

5 окт. 1830. Болд.

652. ПАЖ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД.

C'est l'âge de Chérubin...¹

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубой;
Вы слышите мой голос грубой,
Попробуй кто меня толкнуть.

Читал я «Федру» и «Заиру»,
Как злой гусар, сижу верхом
И показать могу я миру,
Что мастерски держу рапиру
И ею правлю, как мячем.

[Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна.....

¹ [Это возраст Керубино.]

И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тѣмен,
Что жизни мне милей она.]

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; — право —
Вот какова ее любовь!

[Давно я только сплю и вижу,
Чтоб за нее подраться мне,
Вели она — весь миру обижу,
Пройду от Стрельны до Парижу,
Рубясь пешком иль на коне.]

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню? ...
Нет! ни за что не назову!

7 окт. 1830. Болд.

653.

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком, и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тотчас разбуду.
Проснется ли старый,
Тотчас уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...

Что медлишь?... Уж нет ли
Соперника здесь?...
Я здесь, Инезиля,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком, и сном.
9 окт. 1830.
Болд.

654. К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ.

[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.]

655.

1 окт. 1830. Болд.

Румяный критик мой, насмешник толстопузой,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой,
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса,
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка.
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —
Куда же ты? — в Москву — чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.

— Постой — а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

10 окт.

656. ОТРОК.

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

657. РИФМА.

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь аонид,
Матери чуткой подобна, послушная памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

658. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские, толпой,
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один)
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,

Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолы и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало.... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец.
Я сам большой, я мещанин.

Post scriptum.

Решил Фиглярин, сидя дома
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,

Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

659.

17 окт. 1830 г.

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего востока
Лукавый запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух,
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорной,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистойвой и резвой
Джигиты наши в бой летят.

Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!

К нам из Стамбула

Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслышанный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы
Окоченелые чернели.
Алла велик — тогда султан
Был духом гнева обуян.

660. ЗАКЛИНАНИЕ.

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно: сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего —
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

17 окт.

Что есть истина?

Д р у г.

Да, слава в прихотях вольна,
 Как огненный язык, она
 По избранным главам летает,
 С одной сегодня исчезает
 И на другой уже видна.
 За новизной бежать смиренно
 Народ бессмысленный привык;
 Но нам уж то чело священо,
 Над коим вспыхнул сей язык,
 На троне, на кровавом поле,
 Меж граждан на чреде иной.
 Из сих избранных кто всех боле
 Твоею властвует душой?

П о э т.

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
 Пред кем смирились цари,
 Сей ратник, вольностью венчанный,
 Исчезнувший, как тень зари.

Д р у г.

Когда ж твой ум он поражает
 Своею чудною звездой?
 Тогда ль, как с Альпов он взирает
 На дно Италии святой;
 Тогда ли, как хватает знамя
 Иль жезл диктаторский; тогда ль,
 Как водит и кругом и вдаль
 Войны стремительное пламя,
 И пролетает ряд побед
 Над ним одна другой вослед;
 Тогда ль, как рать героя плещет
 Перед громадой пирамид,
 Иль как Москва пустынно блещет,
 Его приемля, — и молчит?

П о э т.

Нет, не у счастья на лоне
 Его я вижу, не в бою,
 Не зятем Кесаря на троне;
 Не там, где на скалу свою
 Сев, мучим казнию покоя,
 Осмеян прозвищем героя,
 Он угасает недвижим,

Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней,.. он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмуясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнь свою
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Д р у г.

Мечты поэта — ¹

Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, ¹ —
И где ж очарованье света!

П о э т.

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! что же
Он будет без него? Тиран!..

Д р у г.

Утешься.....

Москва,
29 сентября 1830.

662. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ.

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,

¹ Mémoires de Bourrienne.

Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.....

Окт. 1830. Болдино.

663. ЭПИГРАММА.

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

664. НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

665.

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальной
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,

Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья....
Но жду его; он за тобой....

27 ноября
1830.
Болд.

666. 'ТРУД.

Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревсжит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

667.

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила:
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?»
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

668.

Here's a health to thee, Mary.¹

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.
Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

¹ [Твое здоровье, Мери.]

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастных дней
Пусть не ведает Мери.

669.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова!
Помилуй, возопил глухой тому в ответ:
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: «чтоб не было разврата
Жените молодца, хоть девка виновата».

670. ЦЫГАНЫ.

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами
И огни разложены.
Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры:
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.
Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.
Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

671.¹

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением;
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вивясь в моих объятиях змеей,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

О, как милее ты, смиренница моя,
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И разгораясь потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле.

¹ Стихотворение 671-ое датируется 1830 г. предположительно.

1831 г.

672. КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? — волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? — вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

673. ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Любезный Вяземский, поэт и камергер
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На - - твоей сияет тот же ключ.
Ура, хвала и честь поэту-камергеру —
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

674. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела! . . .
Но стали ж мы пятою твёрдой,
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;

Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прощенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости! . . .»
Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы? . . . Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, живой сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?

Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!...
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому Суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы.
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы:
Благославляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

675. ИЗ ПИСЬМА К А. О. РОССЕТ.

От вас узнал я плен Варшавы,
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

676.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,

Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издаёт;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Восстае, спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновение
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвеньё
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в моление погружен...
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон....

677. ЭХО.

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом, —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

1832 г.

678. МАЛЬЧИКУ.

(Из Каталла)

Minister vetuli puer.¹

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик:
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Ты же прочь, речная влага —
И струей, вину враждебной,
Строгих постников довольствуй:
Чистый нам любезен Бахус.

679. В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодной,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И, как дитя, была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

18 марта
1832.

680. В АЛЬБОМ.

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участием
То место, где цветете вы.

¹ [Мальчик, прислужник пира.]

Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

27 октября 1832.

681. К ***.

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется? .. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселья, мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

682. В АЛЬБОМ.

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад,
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.
1832.

683. А. Д. БОРАТЫНСКОЙ.

Когда-то, помню, с умилением,
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.

Вы расцвели: с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь.

684—699. ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.¹

Предисловие.

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием: La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine.² Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем, и по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С. А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris 18 Janvier 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant

¹ Стихотворения с 684-го по 699-ое датируются 1832 г. предположительно.

² [Гузла, или избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине.]

une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des anglais et des allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée mais nous étions fort légers d'argent et cette «doubleur nompareille» comme dit Rabelais nous arrêtaît au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ses mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé *De costumi dei Morlachi*, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnais une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u gorje zelenoi

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde **Bosco**.

Nodier a traduit bosco par **plaine verdoyante**; c'était mal tomber, car on me dit que **gorje** veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attapé, и проч.¹

¹ [Перевод:

Париж, 18 января 1835.

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве.

стве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождения Христова 1827. Для объяснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году, мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собрание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов; выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот и источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Баньялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы похвастать своим знанием (на самом деле, быть-может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *Dei costumi dei Morlachi*, из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплячки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника, с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении, я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест всё еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший с поэтического перевода аббата, еще более опоэтизировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «*Sto se beili-u go rie zelenoi*. Фортис перевел: «*Che mai biancheggia nel verde Bosco*». Нодье перевел *Bosco* — *зеленеющая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объяснил, *gogie* означает: гора. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и проч.]

1.

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ ¹.

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозит
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду неминучу;

Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова зоет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в Божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет . . .
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему досягает . . .

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы*.³
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой*.⁴

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивую:

«Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем». ⁵
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул,
И сказал: «Дать кафтан Радивою! ⁶
Не бархатный кафтан, не парчевой,
А содрать на кафтан Радивою
Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивою.

Громко мученик господу взмолился:
«Прав ты, боже! меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихнуло, померкло,
Всё исчезло — будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался,
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступ.

2.

ЯНКО МАРНАВИЧ.

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.

Но он бродит, как гайдук бездомный
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались ⁸
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пиrowанье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился,
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжет в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,

Близится оно к нашему дому». А
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

3.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.⁹

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надели свои шапки
И сказали: «Возьмите нас с собою:¹⁰
Мы хотим воевать бусурманов».
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать.¹¹
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки;¹²
Но лишь только заржали их кони,
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар¹³ с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: «Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара».
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать.
Закричал Георгий Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;

Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит».
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4.

ФЕОДОР И ЕЛЕНА.

.
.

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Поделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне».

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу,¹⁴
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареци такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
«Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;

Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится.
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему на встречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» наконец он молвил.
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой, — и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», говорит Феодор.
Она встала, — он взглянул сурово.
«Господи ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».

Но Феодор жене не поверил:
Он отсекал ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея».

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

«Я невинна. Жид и старый Стамэти
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамэти зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5.

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ. 1^а

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай:
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу — Здравствуй, Дмитрий Алексич!

Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я, точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6.

ГАЙДУК ХРИЗИЧ.

В пещере, на острых камнях
Притаился храбрый гайдук Хризич.¹⁶
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти,
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,
Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих».¹⁷
Хризич встал и промолвил: «Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда».
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекали
И на копья свои насадили, —
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ,

Иакинфа Маглановича.¹⁸

С богом, в дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава богу.
 Светит месяц; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
 Волен умер ты, как жил.
 Враг твой мчался без оглядки;
 Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
 Коль сойдется как-нибудь;
 От меня отцу, брат милой,
 Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
 У меня уж зажила;
 Я здоров, — и сына Яна
 Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном:
 Умный мальчик у меня;
 Уж владеет атаганом
 И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
 С мужем ей не скучно там.
 Тварк ушел давно уж в море;
 Жив иль нет, — узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, славу богу.
 Светит месяц; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна.

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧ.

У ворот сидел Марко Якубович;
 Перед ним сидела его Зоя,
 А мальчишка их играл у порогу.
 По дороге к ним идет незнакомец,
 Бледен он и чуть ноги волочит,

Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго».
Тут широкий развил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня, молвил, ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца скорбнили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит, —
Посмотрел на ребенка, и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака,¹⁹ поверь мне».

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят, — труп румяный и свежий, —

Ногти выросли, как вороньи когти,
А лицо обросло бородою, —
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильной землею ²⁰

Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марко;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый, —
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»

Бонапарте спросил:
«Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?»

Так расскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы.....

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

.
.

Идут тесно под скалами.
Вдруг, смятение!... Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам: — «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота, —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота, —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди
Так воды себе зачерпнут.

11.

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ.

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?»

Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротись, отец, воротись!
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозитя:
«Вот ужо, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегает,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
«Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенье!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
«За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге». ²¹
Догадалась она, завопила:
«Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШ.

Над Сербией смилуйся ты, боже,
Заедают нас волки-янычары!
Без вины нам головы режут,

Наших жен обижают, позорят
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, — цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13.

ВУРДАЛАК.

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это верно кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

СЕСТРА И БРАТЬЯ. ²²

Два дубочка вырастали рядом,
 Между ими тонковерхая елка.
 Не два дуба рядом вырастали,
 Жили вместе два братца родные:
 Один Павел, а другой Радула,
 А меж ими сестра их Елица.
 Сестру братья любили всем сердцем,
 Всякую ей оказывали милость;
 Напоследок ей нож подарили
 Золоченый в серебряной оправе.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говорит она Радуловой любе:
 «Невестушка, по богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зелия такого,
 Чтob сестра омерзела братьям?»
 Отвечает Радулова люба:
 «По богу сестра моя, невестка,
 Я не знаю зелия такого;
 Хоть бы знала, тебе б не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мне всякую оказывали милость».
 Вот пошла Павлиха к водопою,
 Да зарезала коня вороного
 И сказала своему господину:
 «Сам себе на зло сестру ты любишь,
 На беду даришь ей подарки:
 Извела она коня вороного».
 Стал Елицу допытывать Павел:
 «За что это? скажи бога ради».
 Сестра брату с плачем отвечает:
 «Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 В ту пору брат сестре поверил.
 Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
 Сивого сокола там заколола
 И сказала своему господину:
 «Сам себе на зло сестру ты любишь,
 На беду даришь ты ей подарки:
 Ведь она сокола заколола».
 Стал Елицу допытывать Павел:
 «За что это? скажи бога ради».
 Сестра брату с плачем отвечает:
 «Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 И в ту пору брат сестре поверил.

Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченный».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице, во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченный.
Из ножен вынул его Павел, —
Нож злаченный весь был окровавлен
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола;
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает, —
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся».

Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих коней
И пусти их по чистому полю».
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих коней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик:
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15.

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ. ²⁸

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любовью идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье,
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча,
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица

Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеною воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей».
Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвил:
«Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слышал, что она потонула».
Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба».
Водянице молвил королевич:
«Так иди же к водяной царице,
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает,
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.

Завтра я заеду за ответом».
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крепко».
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка, мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

16.

КОНЬ.

— Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не в волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?

Отвечает конь печальный:
— Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле

Уж не долго мне гулять,
 Проживать в красне и в холе,
 Светлой сбруей щеголять;
 Что уж скоро враг суровый
 Сбрую всю мою возьмет,
 И серебряны подковы
 С легких ног моих сдерет;
 Оттого мой дух и ноет,
 Что наместо чапрака
 Кожей он твоей покроет
 Мне вспотевшие бока.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

2. Щиколодка, по московскому наречию щиколка.

3. Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

4. Фаланга, палочные удары по пятам.

5. Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

6. Кафтан, обыкновенный подарок султанов.

7. Анахронизм.

8. Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

9. Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

10. Потеря сражения приписывается дамам, ненавистным для владов.

11. Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — М.

12. Банялука, прежняя столица Боснийского пашалыка.

13. Селихтар, меченосец.

14. Все народы почитали жабу ядовитым животным.

15. Мицкевич перевел и украсил эту песню.

16. Гайдук, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

17. Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню о Марке Якубовиче.

18. Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусларе Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zvonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des tchingé-

nehz ou bohémienz. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart. ¹ Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement de vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation.²

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu des ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les moeurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des heyduques.³

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours.⁴ Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

¹ Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même. [Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем].

² J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie. [Я тщетно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может-быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.]

³ Espèce de bandits. [Род разбойников].

⁴ Soldats de la police. [Полицейские солдаты].

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation, Mon ami, l'estimable voivode Nicolas***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur le champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: ja chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits enfants me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

¹ [Перевод:

Заметка о Иакинфе Маглановиче.

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гусяр, который в то же время был бы поэтом; большинство гусяров повторяют старые песни, или самое большое — сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой, и связывая всё это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звониграде, как он сам говорит об этом в балладе «Шиповник в Велико». Он был сын сапожника, и его родители,

повидимому, не сильно беспокоились об его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен чинженгами или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучали своему искусству, и без труда обратили его в магометанство, исповедуемое большинством среди них.¹ Один «айан» или старшина в Ливне отнял его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого; ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отомстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню; он воспел свое бегство балладой, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность.²

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, оплачивая им пением какой-нибудь заученной им старинной песни. Вскоре он сочинил несколько новых песен на случаи свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что ни один праздник не считался удачным, если на нем не было Маглановича со своей гузлой.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доныне осталась неизвестной, так как он со дня похищения ни разу не бывал в Звониграде.

В двадцать пять лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Злариновича. Он легко добился взаимности, и по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведол о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария села на лошадь и собиралась следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустыков; он был одинок, против него — готовая на мсть семья убитого. Он быстро пришел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам.³

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами.⁴ Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Катаре с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу реченки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой; он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта! Мой друг, уважаемый воевода Николай ***, встретил в Био-

¹) Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

²) Я тщетно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может-быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

³) Род разбойников.

⁴) Полицейские солдаты.

граде — месте своего жительства — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и зная, что он направляется в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гусяря, то должен сперва подпойть его, ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, оловянный нос, довольно красивый от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, всё это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Выйдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: так вы говорите по-иллирийски. Я ответил немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили. Ладно, ладно, отвечал он, но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подавал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что, когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость благоволит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз: я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно-быть голос его прежде был хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он со мной расстался довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить к его чести, что он мог равным образом унести мой кошелек и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел дня два в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение.]

19. Вурдалаки, вудкодлаки, упыри, мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

20. Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

21. По другому преданию, Георгий сказал товарищам: Старик мой умер; возьмите его с дороги.

22. Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

23. Песня о Яньше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

[Перевод с французского в предисловии и в примечаниях к «Песням западных славян», взят из 4-го издания собрания сочинений Пушкина, в одном томе, под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Прим. ред.]

1833 г.

700. ГУСАР.

Скребицей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя, как лютой зверь,
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодежи — молодухи!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши....»
— А чем же? Расскажи, служивой.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может-быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов! Кто просит?
Шалит Марусинька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря).

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла,
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула.
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!... И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!... и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел....
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! — Но я, не струся:

«Домой? да! чорта с два! почему
Мне знать дорогу!» — Ах, он, странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

«Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?»

Коня!» — На, дурень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «молвить без обиды,
Ты, хлопец, может-быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

701.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б, — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...
1833 г., дорога, сентябрь.

702. ВОЕВОДА.

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог.... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус....
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чортов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке, у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побрядал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно»,
Бедный хлопец прошептал:
«Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

— Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи....
Цель ей в лоб. Левее.... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся....
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

703. БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети!» седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замыслены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета, —
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И, как роза, румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.

«Чем тебя наделили? что там? Гел не рубли ли?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

704. ОСЕНЬ.

Отрывок.

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Державин.

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает —
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы. —

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Сурово зимою я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это, наконец, и жителю берлоги,
Медведю надоест. — Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары да мухи.
Ты все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя —
Иной в нас мысли нет — и жаль зимы старухи,
И проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной.
В ней много доброго; любовник не тщеславной,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI.

Как это объяснить? мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет. — На лице еще багровый цвет —
Она жива еще сегодня, — завтра нет.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса —
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
Но гаснет краткий день — и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет льет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир, — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны. —

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?.....

.
.

705. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(Отрывок из сатирической поэмы.)

Начнем ab ovo:

Мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода
(Гласит софийский хронограф).
При Ольге, сын его Варлаф
Приял крещение в Цареграде

С приданым греческой княжны.
От них два сына рождены,
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб, а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар.
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар,
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в табор их
С дружиной суздальцев своих.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамола и смут во дни кровавы
Блестят Езерских имена.
Они и в войске, и в совете,
На воеводстве, и в ответе¹
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев.²

Когда от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Как под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вѳроги смирились
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе,
При императоре Петре
Но извините: статья может,
Читатель, вам я досадил;

¹ В посольстве.

² *Пересевъ кого*, старинное выражение, значит занять место выше.

Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам всё равно. Конечно, так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честью, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою собственных заслуг,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной тругают —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский,¹
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; что спроста
Из бар мы лезем в tiers-état,²
Что нам не в прок пошли науки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом

¹ Известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад.

² [третье сословие,]

Теперь лягает и осел:
 Дух века вот куда зашёл!
 Вот почему, архивы роя,
 Я разбираю в досужный час
 Всю родословную героя,
 О ком затеял свой рассказ,
 И здесь потомству заповедал.
 Езерский сам же твердо ведал,
 Что дед его, великий муж,
 Имел двенадцать тысяч душ;
 Из них отцу его досталась
 Осьмая часть, и та сполна
 Была давно заложена
 И ежегодно продавалась;
 А сам он жалованьем жил
 И регистратором служил.

706 — 707. ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ.¹

1.

(Из Ксенофана Колофонского.)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
 Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
 Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
 Запах веселый вина разливая далече; сосуды
 Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
 Мед и сыр молодой: всё готово; весь убран цветами
 Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
 Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
 Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
 Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
 В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

2.

(Из Афедея.)

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
 Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил,
 И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
 Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
 Славил и Ватала он, молодого красавца: прохожий?
 Мимо гробницы спеша, вымолвил: здравствуй, Феон!

708. ВИНО.

(Ион Хиосский.)

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
 Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!

¹ Стихотворения с 706-го по 714-ое датируются 1833 г. предположительно.

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
 С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.
 2 янв.

710.

Бог веселый винограда
 Позволяет нам три чаши
 Выпивать в пиру вечернем.
 Первую во имя граций
 Обнаженных и стыдливых;
 Посвящается вторая
 Краснощекому здоровью,
 Третья дружбе многолетней.
 Мудрый после третьей чаши
 Все венки с главы слагает
 И творит уж возлиянья
 Благодатному Морфею.

711. ОТРЫВОК.

Не розу пафосскую
 Росой оживленную,
 Я ныне пою;
 Не розу феосскую,
 Вином окропленную,
 Стихами хвалю;
 Но розу счастливую
 На персях увядшую
 [Элизы] моей...

712.

Не дай мне бог сойти с ума.
 Нет, легче посох и сума;
 Нет, легче труд и глад.
 Не то, чтоб разумом моим
 Я дорожил; не то, чтоб с ним
 Расстаться был не рад:
 Когда б оставили меня
 На воле, как бы резво я
 Пустился в темный лес!
 Я пел бы в пламенном бреду,
 Я забывался бы в чаду
 Нестройных, чудных грез.
 И я б заслушивался волн,
 И я глядел бы, счастья полн,
 В пустые небеса.

И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса;

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных
Да визг, да звон оков.

713. КРАСАВИЦА.

В альбом гр. Е. М. Завадовской.

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей:
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься неволью,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

714.

Сват Иван — как пить мы станем,
Неприменно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом —
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно —

Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом —
Начинай же, сват, пора —
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый <?> раз помянем пивом, —
А Пахомовну потом
Пирогам да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала —
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно —
Кто придумал их так ладно?
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да глядел.
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам недосужно) —
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой —
Сказка будет за тобой.

1835 г.

715. (ИЗ АНАКРЕОНА).

Отрывок.

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.
6 янв. 1835.

716. ОДА LVI. (ИЗ АНАКРЕОНА.)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей,
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней,
Царка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей —
Страшен хлад подземна свода:
Вход в него для всех открыт.
Из него же нет исхода —
Всяк сойдет и там забыт.
6 янв. 1835.

717. ОДА LVII.

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвой,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,

Други, пьянствовать бесчинно,
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.
6 янв. 1835.

718. ПОЛКОВОДЕЦ.

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху до низу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокий.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот: а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарелись и никнут в тишине
Главою лавровой.

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил.
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,

Народ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался над твоей священной сединою.
 И тот, чей острый ум тебя и постигал,
 В угоду им тебя лукаво порицал....
 И долго, укреплен могущим убежденьем,
 Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
 И на полу-пути был должен наконец
 Безмолвно уступить и лавровый венец,
 И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
 И в полковых рядах сокрыться одиноко.
 Там устарелый вождь, как ратник молодой,
 Свинца веселый свист слышавший впервой,
 Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

.

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
 Жрецы минутного, поклонники успеха!
 Как часто мимо вас проходит человек,
 Над* кем ругается слепой и буйный век,
 Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
 Поэта приведет в восторг и в умиленье!

719. ТУЧА.

Последняя туча рассеянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тень,
 Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
 И молния грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный гром
 И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освежилась, и буря промчалась,
 И ветер, лаская листочки древес,
 Тебя с успокоенных гонит небес.

720. ИЗ А. ШЕНЬЕ.

Покров, упитанный язвительною кровью,
 Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
 Алкиду передан. Алкид его приял.
 В божественной крови яд быстрый побежал,
 Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воет;
 Стопами тяжкими вершину Эты роет;
 Гнет, ломит древес; исторженные пни

Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

721.

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что - - есть.

722. НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.

(Подражание латинскому.)

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Займодавец терпеливой,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы

А между тем наследник гвой,
Как ворон к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;

Я сам вельможа буду тож,
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трин-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

723. ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО.

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселой;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровой?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,

И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Имениница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

724.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихия слезы лия.

725.¹

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег — он неразбр бы растаял,
Были б лебеди — они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,

¹ Стихотворения с 725-го по 728-е датируются 1835 г. предположительно.

А шатер Аги Асан-аги.
Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и мать,
Его любя не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:
«Ты не жди меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде.
Как [услышала] мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит, на дворе бьют кони;
Побежала Асан-агница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вспять две милые дочки.
«Воротися, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,
А приехал брат твой Пинтор».
Воротилась Асан-агница,
И повисла она брату на шею —
«Братец милый, что за посрамленье!
Меня гонят от пятерых деток».

726.

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал,
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой,
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалей

Ни вин моих, ни ароматов —
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь не к стати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье
Я рад рассудок утопить.

727.

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «постой! куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «всему пора!
То, что было мускус темной,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

728. ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ.

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек —
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

1836 г.

729. Д. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылке «Истории Пугачевского бунта».)

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир.
Но и по этой службе трудной,
И тут — о мой наездник чудной,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

730. ХУДОЖНИКУ.

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов и богинь и героев!.. Вот Зевс громовержец,
Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир —
Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов,
Тут Аполлон-идеал, там Ниобея-печаль...
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

25 март 1836.

(Подражание италиянскому).

Как с древа сорвался предатель-ученик,
 Дьявол прилетел, к лицу его приник,
 Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
 И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
 Там бесы, радуясь и плеща, на рога
 Прияли с хохотом всемирного врага
 И шумно понесли к проклятому владыке,
 И сатана, привстав, с веселием на лике,
 Лобзанием своим насквозь прожег уста,
 В предательскую ночь лобзавшие Христа.
 22 июня 1836. Кам. Остр.

732. МИРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Когда великое свершалось торжество
 И в муках на кресте кончалось божество,
 Тогда по сторонам животворяща древа
 Мария-грешница и пресвятая дева,
 Стояли две жены,
 В неизмеримую печаль погружены.
 Но у подножия теперь креста честного,
 Как будто у крыльца правителя градского,
 Мы зрим — поставлено на место жен святых
 С ружьем и в кивере два грозных часовых.
 К чему, скажите мне, хранительная стража? —
 Или распятие казенная поклажа,
 И вы боитесь воров или мышей? —
 Иль мните важности придать царю царей?
 Иль покровительством спасаете могучим
 Владыку, тернием венчанного колючим,
 Христа, предавшего послушно плоть свою .
 Бичам мучителей, гвоздям и копию?
 Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
 Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
 И чтоб не потеснить гуляющих господ,
 Пускать не велено сюда простой народ?
 5-го июля.

733. ИЗ ПИНДЕМОНТЕ.

Не дорого ценю я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.
 Я не ропщу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
 Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цензура

В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.¹

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливрей
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

5 июля.

734.

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв,
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей —
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

22 июля
1836.

735.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте коё-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,

¹ Hamlet.

Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же люблю мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колелясь и шумя...

14 авг. 1836.
Кам. Остр.

736.

Exegi monumentum.¹

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

¹ [Я воздвиг памятник.]

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемля равнодушно,
И не оспаривай глупца.

1836.
Авг. 21.
Кам. Остр.

737 — 738.

1

На статую играющего в свайку.

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуса,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

2

На статую играющего в бабки.

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился..... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

739.

Смирдин меня в беду поверг:
У торговца сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

740. САПОЖНИК.

Притча.

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
Суди, дружок, не свыше сапога!

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

К Смирдину как ни зайдешь —
Ничего не купишь:
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

742.

Забыв и рошу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

НЕОКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ

1826 г.

743.

Едва уста красноречивы
Тебя коснулись — и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

Кристалл, поэтом обновленный,
Украшь мой мирный уголок,
Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебной

744.

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подыметса, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь < и > журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды.
Дыханья нет из уст ее — но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья —

Томительно и сладко; в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается — тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь —
Хочу стонать и жить ее лобзаньем —
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

745

Будь подобен полной чаше
[Молодых счастливый дом] —
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего.
Чорт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд < и слово > ваше
Ценим более всего.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажись, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата.

И этой свадьбе не бывать
Кто ты

В еврейской хижине лампада
 В одном углу бледна горит,
 Перед лампадою старик
 Читает библию. Седые
 На книгу падают власы.
 Над колыбелию пустой
 Еврейка плачет молодая,
 Сидит в другом углу, главой
 Поникнув, молодой еврей,
 [Глубоко] в думу погруженный;
 В печальной хижине старушка
 Готовит позднюю трапезу.
 Старик, закрыв святую книгу,
 Застежки медные сомкнул;
 Старуха ставит бедный ужин
 На стол и всю семью зовет.
 Никто нейдет, забыв о пище.
 Текут в безмолвии часы,
 Уснуло всё под сенью ночи.
 Еврейской хижины одной
 Не посетил отрадный сон.
 На колокольне городской
 Бьет полночь. — Вдруг рукой тяжелой
 Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
 Младой еврей встает и дверь
 С недоуменьем отворяет —
 И входит незнакомый странник.
 В его руке дорожный посох

О, нет, мне жизнь не надоела,
 Я жить люблю, я жить хочу.
 Душа не вовсе охладела,
 Утратя молодость мою.
 Еще хранятся наслажденья
 Для любопытства моего,
 Для милых снов воображенья,
 Для чувств всего.

О ты, который сочетал
 С глубоким чувством вкус толь верный,
 И точный ум, и [слог примерный],
 [О ты, который] избежал

[Сентиментальности] манерной,
[И самый легкий мадригал
Умел]

1827 г.

749. КИПРЕНСКОМУ.

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя, как в зеркале, я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид,
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных <?> Аонид.

750.

Толпа холодная поэта окружала
И [равнодушные] хвалы ему жужжала,
Но равнодушно ей, задумчив, он внимал
И звучной лирою рассеянно бряцал.

751.

(Из *Alfieri*).

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу
И сына я его любить дерзаю!..
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум — с наружностью прекрасной
Прекрасная душа.... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? — О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним. Он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется — и станет, как других,

Он убегать меня... Увы, мне, бедной!..
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь, и взор, — всё может: ах, уйдем.

752.

Блажен в золотом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
[Он веселится, негодует,]
[Благодарит и наказует,]
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит.
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими <?> дверями,
Теснясь у черного <?> крыльца,
[Народ], толкаемый слугами,
Поодаль слушает певца.

753.

В рощах карийских, любезных ловцам, таится пещера;
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извивах
Плющем, любовником скал и расщелин. С камня на камень,
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

754.

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,

В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье,
Прощай надежда, спи желанье,
Храни меня, мой талисман.

755. НЯНЕ. ¹

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь —
То чудится тебе

756.

Kennst du das Land?
Wilh. Meist. ²

По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаель живописал;

¹ Стихотворения с 755-го по 758-е датируются 1827 г. предположительно.

² [Ты знаешь край?
Вильгельм Мейстер.]

Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?

.
.
Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.
На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненьи вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскую Кипридой,
Их две — и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадонны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...
Скажите мне, какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаель?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,

Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках
.

757.

Я знаю край: там на берега
Уединенно море плещет;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

758.

Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас,
Вы удивились, конечно,
Досадой хладно воруясь.

[Вечор в счастливом усыпленьи¹

Мое живое сновиденье
Ваш милый образ озарил.]

С тех пор слезами
Мечту прелестную зову.
Во сне был осчастливлен вами
И благодарен наяву.

1828 г.

759.

[Еще дуют холодные ветры]
И наносят утренни морозы.
Только-что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка.
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,

¹ [Стих не написан.]

Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

760.

[Увы! язык любви болтливой,
Язык неполный <?> и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
[Ты любишь] мерные напевы,
[Ты любишь] рифмы гордый звон,
И сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.]
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар,
Доселе в жизненной пустыне,
[Во мне питая сердца] жар,
Мне навлекал одно гоненье,

[Иль клевету, иль] заточенье,
И редко — хладную хвалу.

9 мая 1828.

Море. On day².

761.

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный

762. КИРДЖАЛИ.

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, [заветная] река,
Обходит русские владенья,
При [бедном] устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
[В убогой дикости] живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь трудом,

¹ Стих в последней редакции не написан.

² [Днем.]

И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

763.

Рифма — звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ах, зачем ты улетела,
Изменила навсегда?

Твой [приветный,] милый лепет
Усмирял сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты [бывало мне] внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своейравна и ленива —
С нею спорила шутя.

[Но с тобой не расставался] ¹
Сколько раз повиновался
Резвой прихоти твоей.
Как любовник добродушный.
Снисходительно послушный
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, когда еще толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с ними обитала,
[Как бы пышно] засияла
Родословная твоя!

Взяв божественную лиру,
[Так] поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды [у] Адмета,
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

[Он бродил] во мраке леса
[И никто,] страшась Зевеса,

[Из богинь иль из] богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов!

Помня первые свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
[Плод восторгов] родила.

764.

Всем красны боярские конюшни,
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел —
Как не взлюбит он вороного —
На вечерней заре с водопою
Обойду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному —
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшни,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовой на нем ездит
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света —
До заката месяца.

Ах ты, старый конюх [неразумный,]
Разгадаешь ли, старый, загадку?²
Полюбил красну девку молодой конюх,
Младой конюх, разгульный парень —
Он конюшни ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня на борзого садится,
К [красной девке в гости] скачет.

765.

Уродился я, бедный недоносок;
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

766.¹

Тебя зову на томной лире,
«[Но] где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?»
Но Анатоль не понимал.

767.

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей,
Заместо красного яичка,
Поднес ученого скворца.
Известно вам, такая птичка
Умней иного мудреца.
[Скворец, надувшись] величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

[Скворец мой был не пустомеля,
Не врал он всякой чепухи,
Он был ученее]

768.

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино.

769.

Лищинский околел, — отечеству беда!
Князь Сергей жив еще — утешьтесь господа.

770.

При шуме сладостном фонтанов,
<Меж> стен, обрызганных кругом.
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

¹ Стихотворения с 766-го по 770-е датируются 1828 г. предположительно.

На нити легкого веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Крым [любил] Саади:
Порой восточной краснойбай
Здесь развивал [свои] тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы [расстилались],
Как эриванские ковры,
[И ими] ярко [украшались]
Гиреев ханские [пиры].

Но ни один волшебник милой,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой
Так хитро сказок и стихов, —

Как прозорливый и [крылатый]
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

1829 г.

771.

Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно....

772.

Благословен и день и час,
Когда [в горах Кавказа]
Судьба соединила нас.

773.

Благословен твой новый путь,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
[Но где Гафиза и Саади]
[Знакомы имена].

[Ты посетишь наш край] полночной,
[Оставь же след]
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.
Душет. 27 мая.

774.

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоениям бытия.
Однажды, — слушайте, друзья,
Он по Керамику скитался,
И вдруг из роши вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась —
16 июня.

775.

«Полюби меня, девица».
— [Нет]
Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.

«Твой жених теперь далече».

776.

Стрекотунья белобока
Над калиткою моей
Скачет, пестрая сорока,
И пророчит мне гостей.

[Колокольчик небывалой
У меня звенит в ушах,]
На заре алой,
[Серебрится] снежный прах.

777.

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной —
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг и каждый взор?

778.

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, [сын]

779. ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Воспоминаями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, [безумный] расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы. —
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал, и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

14 дек. 1829.
С. П. Б.

780.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.
[На походе, на войне]
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.
Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

781.

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
[Я давнишнею порой.]

Сей белокаменный фонтан,
 Стихов узором испещренный,
 [Железный ковшик]
 [цепью прицепленный].

[Кто б ни был ты — пастух,
 [Рыбак иль странник утомленный,
 Приди и пей]

783.

Надеясь на мое презренье,
 Седой зоил меня ругал,
 И, потеряв [уже] терпенье,
 Я эпиграммой [отвечал.]
 Укушенный желаньем славы,
 Теперь, надеясь на ответ,
 [Журнальный шут], холоп лукавыи,
 Ругать бы также стал. — О, нет!
 Пусть он, как бес перед обедней,
 Себе покоя не дает;
 Лакей, сиди себе в передней,
 А будет с барином расчет.

784.

Еще одной высокой, важной песни
 Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
 В разрушенном святилище твоём
 Повешу я, да издает,
 Когда столбы его колеблет буря *неразбр.*
 Печальный звук! Еще единый гимн —
 Внемлите мне, пенаты — вам пою
 Ответный гимн, советники Зевеса,
 Живете ль вы в небесной глубине,
 Иль, божества всевышние, всему
 Причина вы, по мненью мудрецов,
 И следуют торжественно за вами
 Великий Зевс с супругой белоглавой
 И мудрая богиня, дева силы,
 Афинская Паллада, — вам хвала.
 Примите гимн, таинственные силы!
 Хоть долго был изгнаньем удален
 От ваших жертв и тихих возлияний,
 Но вас любить не преставал, о боги,
 И в долгие часы пустынной грусти
 Томительно просилась отдохнуть
 У вашего святого пепелища
 Моя душа — там мир.
 Так, я любил вас долго! Вас зову

В свидетели, с каким святым волнением
Оставил я [людское стадо] там,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя [один] с самим собою.
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне [знать сердечну глубь,]
В могуществе и немощах ее.
Они любить, лелеять научают
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они в науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

785.¹

Меж горных рек несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот обнажилось
Его кремнистое русло.

786.

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

787.

Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно
В диком ущелье —
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Ветер шумит.
[Солнцу обидно]

¹ Стихотворения с 785-го по 789-ое датируются 1829 г. предположительно.

788.

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает.
[Пугливо] он подножный лес
С вершины острой озирает.
Недвижим, строен [он] стоит
И чутким ухом шевелит....
Глядит на светлые поля,
Глядит на синий свод небесной,
И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Вдруг дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — [боязливо]
[Он шею вытянул и вдруг
С вершины прынул]

789.

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.
¹
храбро он хлопочет.
Твой барин

1830 г.

790.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашуею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она —

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса —
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

¹ Стих не написан ,

Дичась ее советов и укорюв,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [теней] прохлада;
Я предавал мечтам свои юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры
И свитки в [тощих], мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод —

[Средь отроков] я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Мы рождены, мой брат названный,
 Под одинаковой звездой.
 [Киприда, Феб и Вакх румяный]
 Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба
 На ипподром, а не на торг,
 Вблизи Державинского гроба,
 И шумный встретил нас восторг.

И стих надеждами <?> нрэбр.
 Жует <?> беззубый <?> журналист,
 Твой слог могучий и нрэбр.
 Какой-то дразнит пародист.

Но ты, сын [Феба] беззаботный,
 Своих возвышенных затей
 Не предавал рукой расчетной
 Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас <ругали>,
 Упреки те же слышим мы,
 Мы любим славу <?> да в бокале
 Топить разгульные умы.

Избаловало нас начало,
 И в гордой лености своей
 Заботились мы оба мало
 Судьбой гуляющих детей.

Когда порой воспоминанье
 Грызет мне сердце в тишине,
 И отдаленное страданье,
 Как тень, опять бежит ко мне;
 Когда, людей повсюду видя,
 В пустыню скрыться я хочу,
 Их слабый глас возненавидя,—
 Тогда нрэбр лечу
 Не в светлый край, где небо <блещет>
 Незъяснимой <синевой>,
 Где море <теплою волной>
 На мрамор ветхий тихо плещет,
 И лавр и темный кипарис
 На воле пышно разрослись,
 Где пел Торквато <величавый>,

Где и теперь в <тиши ночной>
 <Адриатической волной>
 Порой далече звонкой славой
 Повторены пловца октавы,—
 Стремлюсь привычною мечтою
 К студеным северным волнам,
 Меж белоглавой их толпою
 Открытый <?> остров вижу там.
 Печальный остров — берег дикой
 Усеян зимнею брусникой,
 Увядшей тундрою покрыт
 И холодной пеною подмыт.
 Сюда порою приплывает
 [Отважный северный рыбак,
 Здесь рыбарь невод расстилает
 [И свой] разводит очаг.
 Сюда погода волновая
 Загонит утлый мой челнок.

793. ¹

Восстань, о Греция, восстань.
 Недаром напрягала силы,
 Недаром потрясала брань
 Олимп и Пинд и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
 Свобода юная возникла
 На гробах Перикла
 На мраморных Афин.

Страна героев и богов
 Расторгла рабские вериги
 При пеньи пламенных стихов
 Тиртея, Байрона и Риги.

794.

Опять увенчаны мы славой,
 Опять кичливый враг сражен,
 Решен в Арзруме спор кровавый,
 В Эдырне мир провозглашен.

И [дале] двинулась Россия,
 И юг державно облегла
 [В свои объятия тугие],
 И пол Эвксина подняла.

¹ Стихотворения с 793-го по 801-ое датируются 1830 г. предположительно.

С Гомером долго ты беседовал один,
 Тебя мы долго ожидали,
 И светел ты сошел с таинственных вершин
 И вынес нам свои скрижали.
 И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром
 В безумстве суетного пира,
 Поющих буйну песнь и скачущих кругом
 От нас созданного кумира.
 Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
 В порыве гнева и печали
 Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
 Разбил ли ты свои скрижали?
 О ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
 Скрываться в тень долины малой,
 Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
 Жужжанью пчел над розой алой.
 [Таков прямой поэт. Он сетует душой
 На пышных играх Мельпомены,
 И улыбается забаве площадной
 И вольности лубочной сцены,]
 То Рим его зовет, то гордый Илион,
 То скалы старца Оссиана,
 И с дивной легкостью меж тем летает он
 Во след Бовы иль Еруслана.

796.

Как весенней теплою порою,
 Из-под утренней белой зорюшки,
 Что из лесу, из лесу, из дремучего,
 [Чернобурая] выходила медведиха
 Со малыми детушками медвежатами,
 Погулять, посмотреть, себя показать.
 Села б<оярыня> медведица под белой березою;
 Стали медвежата промеж собой играть,
 По муравушке валяться, обниматься,
 Боротися, кувыркатися.
 Отколь ни возмись — мужик идет:
 Он в руках несет рогатину,
 А нож-то у него за поясом,
 А мешок-то у него за плечьми.
 Как завидела медведиха
 Мужика со рогатиной, —
 Заревела медведиха,
 Стала кликать малых детушек,
 Своих глупых медвежатушек:
 «Ах, вы детушки, медвежатушки,

Уж как знать на нас мужик идет.
Перестаньте играть, валяться,
Боротися, кувыркаться,
Становитесь, хоронитесь за меня:
Уж как я вас мужику не выдам,
А сама мужику выем».

Медвежатушки испугались,
За медведиху бросались,
А медведиха осержалась —
На дыбы подымалась.
А мужик-от, он догадлив был, *
Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину,
Что выше пупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
Брюхо порол, да шкуру сымал,
Малых медв<ежатушек> в мешок клал,
А поклавши-то домой пошел.

«Вот тебе, жена, подарочек —
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей;
А что вот тебе другой подарочек —
Трой медвежат по пяти рублей».

Не звоны пошли по городу, —
Пошли вести по всему по лесу.
Дошли вести до медведя чернобурова,
Что убил мужик его медведиху,
Распорол ей брюхо белое,
Шкуру <сымал>,
Медвежатушек в мешок поклал.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
По своей ли сударушке,
Чернобурой медведихе:
«Ах ты свет, моя медведиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастного,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милых детушек не родити,
Медвежатушек не качати,
Не качати, не баюкати!»
В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, ко тому ли боярину,

Прибегали звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие!
Прибегал туто волк-дворянин.
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые!
Приходил тут бобр — торговый гость:
У него-то, бобра, жирный хвост!
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила белочка-княгинюшка,
Приходила лисица-подъячиха, —
Подъячиха, казначеиха!
Приходил скоморох-ярыжка-горностаюшка,
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка бедненький, зайка серенький!
Приходил байбак тут глумян,
(Живет он, байбак, позадь гумян);
Приходил цаловальник-еж.
Всё-то он, еж, ежится,
Всё-то он щетинится.

797.

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа — запад темно-красной,
Слева — бледная луна.

798.

Стою печален на кладбище,
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
изредка стучит.
Одна равнина справа, слева,
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

799. МЁДОК.

Мёдок в Уллах.

Попутный веет ветер. — Идет корабль, —
Во всю длину развиты флаги, вздулись

Ветрила все, — идет, и пред кормой
Морская пена раздается. — Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов —
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках <?> ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс, — пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и [деве] пресвятой,
И милостынь, и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
[Когда] найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далече
Сам Мёдок погружен в молениях
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветер
Звучит меж вервей; корабль надежный быстро
Бежит, шумя, меж волн. Садится солнце.

800.

Зачем я ею [очарован]?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнью моей

Она [глядит на] вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала.

801.

«Женись». — На ком? «На Вере Чацкой».
— Стара. «На Радиной». — Проста.
«На Хальской.» — Смех у ней дурацкой.
«На Шиповой.» — Бедна, толста.
«На Минской.» — Слишком томно дышет.
«На Горбиной.» — Романсы пишет.
«На Маше Липской.» — Что за тон!

Гримас, ужимок миллион.
«На Лидьи — .» — Что за семейство!
У них орехи подают,
Они в театре пиво пьют.
[Цалует] мать, отец дурак.
«Ну, так <на> Ленской <?>»
— Как не так!
Приму в родство себе лакейство.

1831 г.

802.

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный.

803.

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш,
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы среди пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
[И смерти дух] среди нас ходил,
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И, мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,

Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

19 окт.
1831.

•
804.

Когда в объятия мои
Твой стройный стан' я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляню речей любовный шопот,
[Стихов таинственный напев,]
И [ласки] легковерных дев,
И слезы их и поздний ропот.

805.¹

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
[На них основано от века,

¹ Стихотворения 805-ое и 806-ое датируются 1831 г. предположительно.

По воле бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его].
Животворящая святыня.
Земля была <б> без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

806.

Так старый хрыч цыган Илья,
Под лад плечами шеveled,
Глядит на удаль плясовую
[Да чешет голову седую].

1832 г

807.

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнию пожить
В забвеньи сладком меж друзей
Минувшей юности моей.

Я ехал в дальные края;
Искал не злата, не честей
В пыли средь копий и мечей,
Не

808.¹

I.

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете».
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я тепер тонул в холодной Лете!

¹ Стихотворение 808-ое датируется 1832 г. предположительно.

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятной!» —
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверной,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале —
И, камень проподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

II.

Тогда я демонов увидел черной рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, [как Арарат] остра —
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугуна ядра,
[Пустили вниз его смердящими] когтями:
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами —
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под-руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе, сидючи, пустились вниз стрелой..

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением томим.

1833 г.

809.

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил был дьяк с своей дьячихой.

Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

810.

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди —
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
И ширинкой алой машет,
Заливается-поет:
«Я певунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

811.

9 дек. 1833. С. П. Б. 7½ веч.

Толпа глухая,
Крылатой истины любовница [слепая],
[Любимцев], меняя каждый день
С ступени на ступень,
Летят кумиры их, увенчанные славой.

812.

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя, постигнутый неумолимым роком,
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика,
Хотя растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гневе обратил ты свой затылок голой;
Но я молю тебя, поклонник верный твой —
Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,
Но где торжествовал твой здравый приговор
Минувших лет глупцам, вранью тогдашних пор,

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,

Постойте, наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем,
Иль необдуманном одним поползновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам,
Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль вам стократ <?> с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завести
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
[Кропая пошлые вельможе мадригалы —
Над меньшей собратней в поту лица остряя,
Иль выше мнения отважно вознесая,]
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать — на будущие враки.

813.

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он,
Грозно куколки стоят, —
Подбоченясь на лошадках,
В коленкорových перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою.
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок.
А прозрачные ветрильца —
Будто бабочкины крильца,
А веревки

814.

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
[Светит месяц], тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: [в часы] дорожной скуки,
На дороге [столбовой,]
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я [молча,] жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

815. ¹

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам;
Так, ревом яростным пустыню оглашая,
Взметая <лапой> пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльные уткнув в песок зыбучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

816.

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава ненужна,
Смешной и суетной вам кажется она:
Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже!
Как стыдно! — Почему ж?

1834 г.

817.

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. — Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. — Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,

¹ Стихотворения 815-ое и 816-ое датируются 1833 г. предположительно.

Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоею и миром
И возврати ему

10 авг.
1834.
С. П. Б.

818. ¹

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый [страхом],
Под каменным дождем, [под воспаленным прахом],
Толпами стар и [млад] бежит из града вон.

819.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба, на земле,
Жил старик в одном селе.

820.

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом опьянела
И смертная борьба началась
При клике: «Польска не згинела!» —

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Варшавы бунт
в дыме, —
Поникнул ты и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

¹ Стихотворения с 818-го по 820-ое датируются 1834 г. предположительно.

1835 г.

821. СТРАННИК.

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?».

II

И так я сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена!
Сказал я, ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроеным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал унынием тесним.

И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV.

Пошел я вновь бродить — уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд заgrabный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».

— Коль жребий твой таков,

Он возразил, и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?
И я: Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?
Тогда: Не видишь ли, скажи, чего-нибудь,
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстом,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
Я вижу некий свет, сказал я наконец.
Иди ж — он продолжал: держись сего ты света;
Пусть будет он тебе [единственная] мета,
Пока ты тесных враг [спасенья] не достиг,
Ступай! — И я бежать пустился в тот же миг.

V.

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал — иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

26 ию 835.

....Вновь я посетил
 Тот уголок земли, где я провел
 Изгнанником два года незаметных.
 Уж десять лет ушло с тех пор — и много
 Переменилось в жизни для меня,
 И сам, покорный общему закону,
 Переменился я — но здесь опять
 Минувшее меня объемлет живо,
 И, кажется, вечер еще бродил
 Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
 Где жил я с бедной нянею моей.
 Уже старушки нет — уж за стеною
 Не слышу я шагов ее тяжелых,
 Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
 Я сиживал недвижим и глядел
 На озеро, вспоминая с грустью
 Иные берега, иные волны...
 Меж нив золотых и пажитей зеленых
 Оно, синяя, стелется широко.
 Через его неведомые воды
 Плывет рыбак и тянет за собой
 Убогий невод. По берегам отлогим
 Рассеяны деревни — там за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при ветре...

На границе
 Владений дедовских, на месте том,
 Где в гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, гри сосны
 Стоят — одна поодаль, две другие
 Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
 Я проезжал верхом при свете лунном,
 Знакомым шумом шорох их вершин
 Меня приветствовал. По той дороге
 Теперь поехал я, и пред собою
 Увидел их опять. Они всё те же,
 Всё тот же их, знакомый уху шорох —
 Но около корней их устарелых
 (Где некогда всё было пусто, голо)
 Теперь младая роща разрослась,
 Зеленая семья; [кусты] теснятся
 [Под сенью их, как дети.] А вдали
 Стоит один угрюмый их товарищ,
 Как старый холостяк, и вокруг него
 Попрежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.
26 сент.
1835.

823.

Если ехать вам случится
От **** на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов,
От большой дороги справа
[Между полем и селом]
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Угопает солнца шар,
Дом [облит] его лучами,
Окна блещут, как пожар.

[За оградой на балконе
Деревенская семья]

[И спеша дорогой <?> мимо]
развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

824.

Осердился Георгий П<етрович>,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови —
Янко Вуич грамоту пишет
[Георгию], своему побратиму:
«Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча —
Нрзбр враг извести тебя хочет,

[Недруг] хитрый, Милош Обренович —
[Он в Хотин подослал]
[Янка младшего]

825.

19 ноября.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудей
Проникнул трепет. Иерей
Одели вретисцем алтарь;
[Главу покрыв] золой и прахом,
Народ завыл, объятый страхом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным,
Стеной, <как> поясом узорным
Препоясана высота.
И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в [тишине],
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный,
И гнев в нем душу помрачил,
И свой совет разноплеменный
Он любопытный спросил:
«Кто сей народ? — и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежды на кого?» —
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
[И рек], [и Олоферн со] трона
[К нему] склонил и слух и взор.

826. ¹

16 сентября.

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,

¹ Стихотворения с 826-го по 834-ое датируются 1835 г предположительно.

Вы мне советуете, други,
Роман забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман, не конча, перервать,
Отдав уже его в печать;
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

Вы говорите: «слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен. Понемногу
Иди вперед, не будь ленив,
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью
[Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
[Чердак] и келью, и харем]
И с нашей публики [меж тем]
Бери умеренную плату —
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный ей<ей>».

827.

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги и печали
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты —

[Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души, —]

828.

О бедность! Затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,

Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем....
Я с участью моей —

829.

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайтесь меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть, покой вам нужен,
И к стойлу тянется ваш конь».
— Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь, —
Он отвечает, — неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин: ни чорт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я. —
И дон Альфонс коню дал шпоры,
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь;
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Вагага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных, и там
Оставленных в пример ворам.
Они лишь путников пугали,
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра, на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком

С своим бесстрашным седоком.
[И дон Альфонс далече скачет]
[Меж]

830.

Царей потомок, Меценат,
Мой покровитель стародавней,
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной оградой
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И делают [с божеством]

Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные квириты
Им предают молву.

831.

I.

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родриг похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские брега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родриг.

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Спор решен был наконец:
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля;

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родриг в живых остался,
Бился он все восемь дней —
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистали стрелы,
Не касаяся его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родриг,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об земь шлем пернатый
И блестящую броню.
И спасенный мраком ночи
С поля битвы он ушел.

II

От полей кровавой битвы
Удаляется Родриг;
Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасеньи христиан;
Все Родрига проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,
Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ — а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупу не коснулось,
Он лежит, окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

[И с мольбою об усопшем]
[Схоронил его] король,
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл
Как предшественник его.

Короля в уединеньи
Стал лукавый искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить —

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может: бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи недвижим,
Устремив глаза на море,
Поминая старину.

III

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденьи благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одеян
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
«Встань — и миру вновь явись».

Ты венец утратил царский,
Не господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой».

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

832.

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
«Приди, жених души моей».

833.

В [младенчестве моем бессмысленно лукавом
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.

834.

Я возмужал [среди] печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутной,
[Теперь утих дремотою минутной]
И отразил небесную лазурь.

[На долго ли? ... а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений].

1836 г.

835.

От западных морей до самых врат восточных
Не многие умы от благ прямых и прочных
Зло могут отличить... [рассудок] редко нам
[Внушает]

«Пошли мне долгу жизнь и многие года!»
Зевеса вот о чем и всюду и всегда

Привыкли вы молить — но сколькими бедами
Исполнен долог век! Во-первых, [как] рубцами,
Лицо [морщинами покроеся] — оно
превращено

[Мартышка старая
Которая в лесах Табрации]
Кривляясь [чешется]

836.

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских
Ты к мощной древности опять меня манишь.
[Ты снова] велишь,
Простясь с мечтой и с идеалом
Я приготовился бороться с Ювеном,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
[Переложить] я было дал обет;
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
[Стихи бесстыдные] *нерзбр.* торчат,
В нем звуки странною гармонией трещат

837.

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда душой беспечные невежды
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется.
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!

Не сгуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей. —
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.'

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались.
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь суровый и могучий
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их

838.¹

Не видала ль, девица
Коня моего?
— Я видала, видала
Коня твоего.
— Куда, красна <?> девица,
Мой конь пробежал?
— Твой конь пробежал
На Дунай реку —

[Бежал твой конь,
Тебя проклинал]

839.

Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля—
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1830-ые годы.

840.

Друг сердечный мне наемни говорил:
«По тебе я, красна девица, изныл —
На жену мою взглянуть я не хочу —
А я всё-таки»

Неизвестные годы.

841.

[Чиновник и поэт]

Куда вы? за город, конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музою мечтать
Уединенно [и] беспечно?
— Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар

¹ Стихотворения 838-ое и 839-ое датируются 1836 г. предположительно.

И спор, и [крик], и торга жар,
 Нарядов пестрое стеснение.
 Люблю толпу, лохмотья, шум —
 И жадной черни свободной,
 — Так — наблюдаете? ваш ум
 И здесь вникает в дух народной.
 Сопровождать вас рад бы я,
 Чтоб слышать ваши замечанья,
 Но службы долг зовет меня,
 Простите, [нам] не до гулянья.
 — Куда ж?
 — В острог. Сегодня мы
 Выпроვждаем из тюрьмы
 [По просьбе] [Паше]
 [За молдаванскую границу]
 [Кирджали.]

842.

С перегородкою каморки —
 Довольно чистенькие норки.
 В углу на полке образа,
 Под ними [вербная] лоза
 [С иссохшей просвирой и свечкой],
 Две канарейчки над печкой.

843.

[Конечно] презирать не трудно
 Отдельно каждого глупца,
 Сердиться также безрассудно
 И на отдельного страмца.

Их эпиграммы площадные
 Из Бьеврианы занятые

Но в кучке те же
 [Нам кажутся]

Но что чудно
 Всех вместе презирать и трудно.

Черновые наброски.

1828 г.

844 ¹

Символы верности любя,
Она супруга почитает
Какая
Она свой голос ²

И даст
И скажет
[Какая гиль]
[И что за]

845.

То было вскоре после боя.
Как Щ. бросило героя
И рать побитая кругом
Лежала

846.

[Проснулся я, — а небосклон]
Еще поживает.

847.

На разность утренних одежд

848.

[Пока в нас сердце замирает].

1829 г.

849.

Трудясь над образом прелестной Ушаковой

¹ Черновые наброски с 844-го по 848-ой, 851-ый и 852-ой датируются предположительно.

² Следующий стих не поддается чтению. В строках, начиная с третьей, напечатано лишь поддающееся чтению.

1830 г.

850.

Тому мгновенье
Она цвела, свежа, пышна —
И вот уж вянет — и
[опалена]
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил —

851.

В пустыне
[Пробился ключ],
Обложен камнями простыми.

852.

Строгий свет
Смягчил свои предубежденья
Или простил мне заблужденье
Давно минувших темных лет.

1830-ые гг.

853.

За все заботы и досады,
Берет достойные награды,
Или достоин сих наград.

Коллективное

1825 г. ¹

854. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Ох, тетенька! ох Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровной,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергичем давно ль,
Как бы на смех судьбины гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попovich
Его Красовский пропустил!

1826 г.

855—865. ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ.

Р а в н о в е с и е.

О, мирный селянин! В твоём жилище нет
Ни злата, ни серебра, но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

В е р н о е п р е д с к а з а н и е.

Пройдет ли мой недуг?—лев у осла спросил.
Осел ответствовал: о, царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был:
Два раза два — четыре.

¹ Стихотворение по ошибке стоит не на своем месте. Оно должно бы быть в I-м томе после 460-го стихотворения.

Справедливость пословицы.

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую, — что-ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

Мстительность.

Пчела ужалила медведя в лоб,
Она за соты мстить обидчику желала!
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

Непоколебимость.

Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон: — в народе бунт! повсюду шум и клики! —
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну».
Опасность не страшна для мощного владыки.

Сила и слабость.

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшится шуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

Лебедь и гусь.

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

Мартышка.

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! На старости побереги себя!

Общая судьба.

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

Безвредная ссора.

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

Закон природы.

Фиалка в воздухе своей аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка—мила:
Всяк следует своей природе.

1827 г.

866. ЭПИГРАММА НА КН. П. И. ШАЛИКОВА.

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачек огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.

«Вот, вот с кого пример берите, дуры!»
Он дочерям в восторге закричал. —
«Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твоей осребрило взор?»
А тот ему в ответ: *мне хочется на двор.*

1830 г.

867¹.

Любезнейший наш друг, о ты Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде,
И соком лоз его пьем здравие твое.

1833 г.

868.

Надо помянуть, непременно помянуть надо
Трех Матрен
Да Луку с Петром;

¹ Стихотворение 867-ое датируется 1830 г. предположительно.

Помянуть надо и тех, которые например:
Бывшего поэта Панцербитера,
Нашего прихода честного пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славного русского кондитера,
Всех православных христиан города Санкт-Питера,
Да покойника Юпитера.
Надо помянуть, непременно надо:
Московского поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева,
И двоюродного брата нашего и вашева.
Нашего Вальтера Скотта Масальского,
Дона Мигуэля, короля Португальского
И господина городничего города Масальского.

Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо:
Покойной Беседы члена Кикина,
Российского дворянина Боборыкина
И известного в Банке члена Аникина,
Надобно помянуть и тех, которые, например, между прочими:
Раба божия Петрищева,
Известного автора Радищева,
Русского лексикографа Татищева,
Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина, не Мусина, не Онегинского, а Бобрищева,
Ярославского актера Канищева,
Нашего славного поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И, ради Христа, всякого доброго нищева.

Надо еще помянуть, непременно надо:
Бывшего французского короля Дисвитского,
Бывшего варшавского коменданта Левицкого
И полковника Квитского.
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его Ипсисбое
И всех спасшихся от потопа при Ное.
Музыкального Бетговена,
И таможенного Овена,
Александра Михайловича Геденова,
Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
И супруга Берийской неизвестного, онова.
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Ряжского,
И отцов наших державшихся вина фряжского.
Славного лирика Ломоносова,
Московского статистика Андросова
И Петра Андрейча, князь Вяземского курносова.
Оленина Стереотипа
И Вигеля, Филиппова сына Филиппа.
Бывшего камергера Приклонского,

Г. Шафонского,
Карманный грош кн. Гр. Волконского
И уж Александра Македонского,
Этого, не обойдешь, не объедешь, надо
Помянуть... Покойника Винценгероде,
Саксонского министра Люцероде,

Графиню вице-канцлершу Нессельроде,
Покойного скрипача Роде,
Хвостова в Анакреонтическом роде;
Уж как ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего приятеля Велегорского
(Что не любит вина горского)
А по нашему Велеурского,
Покойного пресвитера Самбургского,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургского,
Почтмейстера гор. Васильурского;
Надо помянуть—парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернатором в Костроме,
Доктора Шулера, умершего в чуме
И полковника Бартоломе.
Повара али историографа Миллера,
Немецкого поэта Шиллера
И Пинети, славного ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебе) Ардта,
Да англичанина Warnta,

Известного механика Мокдуано,
Москетти, московского сопрано
И всех тех, которые напиваются рано.
Натуралиста Кювье,
И суконных фабрикантов города Лувье,
Французского языка учителя Жюля,
Отставного английского министра Пиля
И живописца-аматера Кия.
Надобно помянуть:
Жуковского балладника
И Марса, питерского помадника.

Надо помянуть:

Господ: Чулкова,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова
Да при них и генерала Пяткина
И князя Ростовского-Касаткина.

1836 г.

869.

Пой в восторге русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселись Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славные новинки
Грянь труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

13 декабря
1836.

DUBIA

1826 г.¹

870.

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куралесил,
Царь же ездил на развод.

Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куралесит,
И по-прежнему развод.

1827 г.

871. КН. С. А. УРУСОВОЙ¹.

Не веровал я троице донны:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

1820-ые годы.

872. ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою бога предана,
А грешной плотню
Архимандриту Фотию.

873. РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой».
— Но что ж ты делаешь со мной? —
«Я тело в душу превращаю».

¹ Стихотворение 871-е датируется предположительно.

874.

Воды глубокие
Плавно текут,
Люди премудрые
Тихо живут.

1830 г.

875.

Я влюблен, я очарован,
Словом, я огончарован.

1834 г.

876. НАДПИСЬ К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА.

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Неизвестные годы.

877.

Что-то грезит Боратынский,
Что-то думает Плетнев?

•

•

СКАЗКИ

1831 г.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,

О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИ-
ДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
Кабы я была царица,
Говорит одна девица,
То сама на весь бы мир
Приготовила пир.
Кабы я была царица,
Говорит ее сестрица,
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная девица,
Говорит он, будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,

Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха.

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Обещанье выполняя,
С той же ночи понесла.

В те-поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другова
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышенка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;

Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
«Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватъей бабой Бабарихой,
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали в слух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, прокатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земаи,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:

Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать? молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам однако нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снарок шелковой
Натянул на лук дубовой,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил,
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет,
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плавает,
Злого коршуна клюет,

Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девуцу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!... То ли будет?
Говорит он, вижу я:
Лебедь тешится моя.
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой:

И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет:
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавой,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости:
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...
Князь им вымолвил тогда:
Добрый путь вам, господа,
По морю по окяину
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон.
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальной;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел стца.

Лебедь князю: вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблём?
Будь же, князь, ты комаром.
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала,
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихонько опустил
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости —
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привольный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единой;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцем,

С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон.
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: коль жив я буду,
Чудной остров навещу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудной остров навестить.
«Уж диковинка, ну право,
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит,
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут.»
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правой глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть:

Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенку поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут.»
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я вдружку.»
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкой —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном, при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
Ну, спасибо, молвил он,
Ай-да лебедь—дай ей боже,
Что и мне, веселье то же.
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет:
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости:
Князь Гвидон зовет их вгости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:

Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...
Говорит им князь тогда:
Добрый путь вам, господа,
По морю по окяну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит....
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой,
Да с кривою поварихой,
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:

Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказной
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да подспуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон,
Он прислал тебе поклон.
Царь Салтан дивится чуду.
Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото, и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивить,

Правду ль, нет ли, говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится....
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левой глаз,
И ткачиха побледнела:
Ай! и тут же окривела;
Все кричат: лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вот ужо! постой немножко,
Погоди.... А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел!

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь: поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?»
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел.
«А какое-ж это диво?»
— Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жао гося,

Тридцать-три богатыря,
Все красавцы молодые,
Ветканы удалые,
Все равны как на подбор,
С ними дядька Черномор. —
Князю лебедь отвечает:
Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай.

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге,
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе как жар горя,
Идут витязи четами,
И блистая сединами
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли.
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;

Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Царь Гвидон зовет их вгости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далёк,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.
Говорит им князь тогда:
Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите-ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь-пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет, и уносит....
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их вгости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,

Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой.
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать-три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как наподбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон.
Царь Салтан дивится чуду.
Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Нигугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходяг
И себе дозором бродят!

Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие-ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво.
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави....
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!... А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?»
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу.
«А кого же на примете
Ты имеешь?» — Да на свете,

Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это? —
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И подумав говорит:
Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путём,
Не раскаяться б потом.
Князь пред нею стал божится,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царвную прекрасной
Он пешком итти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я.
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царвной обернулася:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царвну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей

К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови -
Жить в совете и любви.
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит.»
Князь недолго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Ветер по морю гуляет -
И кораблик подгоняет:
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет,
Торговали мы не даром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далёк:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.
Князь им вымолвил тогда:
Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон.

Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабкой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?
Корабельщики в ответ:
Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар горя,

Тридцать-три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняёт он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался.

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя?»
Говорит он не шутя:
«Нынче-ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда.»
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:

Царь на палубе стоит,
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили,
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать-три богатыря,
Все красавицы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засея двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает....
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодичу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошёл.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,

Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ.

Жил-был поп,
Толоконный лоб.¹⁸
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
На встречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся,
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такова
Служителя не слишком дорогова?»
Балда говорит — «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся на русской Авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До света всё у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,

Попенок зовет его : тятей;
Кашу заварит, няньчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько.
Время идет, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
«Так и так: что делать остается?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив —
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему не в мочь,
А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь: —
Тем ты и лоб от расправы избавишь,
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти,
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом по напрасну не споря,
Пошел сел у берега моря;
Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот, из моря вышел старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
— Да вот веревкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить.
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха.
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди; вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: — «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он как голодный котенок.
«Здравствуй, Балда мужичок;

Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слышали,
Не было чертям такой печали —
Ну, так и быть — возьми да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок». —
— Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесенок, еще молоденек,
Со мною тягаться слабенец —
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка.»
Пустились бесенок и заяка:
Бесенок по берегу морскому,
А заяка в лесок до дому.
Вот море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь,
Весь мокрешенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь — а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимой,
Устал, бедняжка! отдохни, родимой».
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди», говорит, «схожу за оброком».
Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок. «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —

Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету —
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку. —
Испугался бесенок да к деду
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты хлопчешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...»
— Нет, говорит Балда:
Теперь моя чередка —
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженку, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила —
Видишь там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой.
Беденькой бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупой ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног» —
Сел Балда на кобылку верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказывать про такую победу.
Черти встали в кружок,
Делать нечего — собрали полный оброк
Да на Балду взвалили мешок —
Идет Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:

С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговорил с укоризною:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною».

1833 г.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ.

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, золотою.
Как взмолился золотая рыбка,
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь.»
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,

Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось.

Вот пошел он к синему морю:
Видит: море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
Чего тебе надобно, старче?
Ей с поклоном старик отвечает:
Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось.
Отвечает золотая рыбка:
Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто.

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбку.
Поклонись ей, выпроси уж избу.

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
Чего тебе надобно, старче?
Ей старик с поклоном отвечает:
Смилуйся, государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба.
Отвечает золотая рыбка:
Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет.

Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.

Пошел старик к синему морю;
(Не спокойно синее море)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
Чего тебе надобно, старче?
Ей с поклоном старик отвечает:
Смилуйся, государыня рыбка:
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой.
Отвечает золотая рыбка:
Не печалься, ступай себе с богом.

Воротился старик к старухе,
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха;
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает:
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,

А хочу быть вольною царицей.
Испугался старик, взмолился:
Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут поневоле.

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
Чего тебе надобно, старче?
Ей с поклоном старик отвечает:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей.
Отвечает золотая рыбка:
Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей! —

Старичок к старухе воротился,
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре, да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил, здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика в зашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани! —

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает.
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках.

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
Чего тебе надобно, старче?
Ей старик с поклоном отвечает:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у неё на посылках. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился — —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ.

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи,
Не видать милова друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в почь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издаlechа, наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхишенья не снесла,
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,

Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи,
«Да всю правду доложи:
«Я ль на свете всех милее,
«Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
«Ты, царица, всех милее,
«Всех румяней и белее.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела.
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такова.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов,
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
«Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
«Но царевна всех милее,
«Всех румяней и белее.»
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,

Каблучком-то как притопнет!....
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела;
Мать беременна сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее.»
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку,
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Чорт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла,
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась. «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя.»
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,
«Где красавица-девица?»
— «Там в лесу, стоит одна.»
Отвечает ей она;
«Крепко связаны ей локти;
Попадетса зверю в когти,

Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть.»

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла,
И на терем набрела.
Ей на встречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый.
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На палаты взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.

Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать.
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица.»

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломилла,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она

В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради,
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,»
Им царица говорит:
«Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей.»

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас,»
Старший молвил поклонясь:
«Коли так, не заикнуса
Уж о том.» — «Я не сержуся,»
Тихо молвила она:
«И отказ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала,
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей.»
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!...»
Та призналася во всем,
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,»
Ей кричит она в окошко,
«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу.»
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитячко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопчет!
Видь ко мне.» — Царевна хочет
Выдти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,

Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выпался он худо,»
Ей царевна говорит;
«На ж, лови!» и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую, сказала,
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит....
Пес как прыгнет, завизжит....
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! Она его ласкает,
Треплет нежною рукою;
Что, Соколко, что с тобою?
Ляг! и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно, золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь.
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила....
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,

Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала....

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им на встречу громко воя
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. Не к добру!
Братья молвили; печали
Не минуем. Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом знать оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли в Пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима

И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее.»

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрѣн;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей.» — «Свет ты мой,»
Красно солнце отвечало:
«Я царевны не видало.
Знать ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил,
Или след ее заметил.»

Темной ночью Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокой,
И обычай твой любя,

Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей.» — «Братец мой,»
Отвечает месяц ясной:
«Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала.» — «Как обидно!»
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней быть может
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай.»

Елисей не унывая
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее.» — «Постой,»
Отвечает ветер буйный:
«Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальной
На цепях между столбов.
Не видать ни чьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста.»

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал,
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.

Он туда скорей идѣт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальной,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силою.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба....
'Ах!... и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

'Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее.»
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царегну повстречала.
Тут ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

1834 г.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Где в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил был славный царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут бывало с юга, глядь —
Ан с востока лезет рать,
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря — со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу
Звездочету и скопцу —
Шлет за ним гонца с поклоном,
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
Посади ты эту птицу,

Молвил он царю, на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется,
И в то место обернется.
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит —
За такое одолженье,
Говорит он в восхищеньи,
Волю первую твою
Я исполню, как мою.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы —
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит кири ку ку.
Царствуй, леж на боку! —
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели.
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон.

Год другой проходит мирно,
Петушок сидит всё смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён.
Царь ты наш! Отец народа!
Возглашает воевода,
Государь! проснись! беда!
Что такое, господа?
Говорит Дадон, зевая,
А? Кто там? беда какая?
Воевода говорит:
Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице.
Царь к окошку — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.

Медлить нечего: скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья?
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять —
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшова
Шлет на выручку большова;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходит;
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
Что за чудо? мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковой шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их среди луга,
По притоптанной траве
По кровавой мураве.....
Царь завыл: ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!

Горе! смерть моя пришла.
Все завывали за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать
И потом неделю ровно —
Покорясь ей безусловно
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратной
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ,
Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей —
Всех приветствует Дадон....
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой
Весь как лебедь поседелый
Старый друг его скопец.
А! здорово, мой отец,
Молвил царь ему, что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?
Царь, отвечает мудрец,
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою

Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу....
Крайне царь был изумлён.
Что ты? старцу молвил он,
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я конечно обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть пол-царства моего. —
— Не хочу я ничего.
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу —
Говорит мудрец в ответ —
Плюнул царь: так лих же, нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты грешник мучишь —
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика! —
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась — а девица
Хи хи хи да ха ха ха!
Не боится знать греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно —
Вот — въезжает в город он....
Вдруг раздался легкий звон
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз — и умер он —
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало —
Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрый молодцам урок.

ДОПОЛНЕНИЕ.

465а. ИСПОВЕДЬ СТИХОТВОРЦА. ¹

С в я щ е н н и к.

Кто ты, мой сын?

С т и х о т в о р е ц.

Отец, я бедный однодворец,
Сперва подъячий был, а ныне стихотворец.
Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться — я много нагрешил.

С в я щ е н н и к.

Поближе. Наперед скажи мне откровенно
Намерен ли себя исправить непременно?

С т и х о т в о р е ц.

Отец, я духом слаб, не смею слова дать.

С в я щ е н н и к.

Старался ль ты закон господний соблюдать
И кроме вышнего не чтить другого бога?

С т и х о т в о р е ц.

Ах, с этой стороны я грешен очень много:
Мне богом было — я, любви предметом — я,
В я заключался и братья и друзья,

¹ Стихотворение датируется 1814 г. предположительно.

Лишь я был мой и царь, закон и обладатель;
А что всего тошней, лишь я был мой читатель.

Священник.

Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец.

Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатным преклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,
Которых от роду, хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

Священник.

А имя божие?

Стихотворец.

Когда не доставало
Иль рифмы иль стопы, то, признаюсь, бывало
И имя божие вклею в упрямый стих.

Священник.

А часто ль?

Стихотворец.

Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке
«Увы!» и «се!» и «ах!» «мой бог!» тире да точки.

Священник.

Не хорошо, мой сын! А чтить ли ты родных?

Стихотворец.

Не много! Да к тому ж не знаю вовсе их —
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник.

Как время проводил?

Стихотворец.

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, — печатаю в шестой,

Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой.
А в церковь некогда: в передней Глазунова
Я по три жду часа с лакеями Графова.

С в я щ е н н и к.

Убийцей не был ли?

С т и х о т в о р е ц.

Ах, этому греху
Отец, причастен я; покаюсь на духу.
Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
Я навестил его; он очень был доволен;
Желая бедному страдальцу угодить,
Я оду стал ему торжественно твердить.
И что же? Бедный друг! Он со строфы начальной
Поморщился, кряхтел... и умер

С в я щ е н н и к.

Не похвально.

Но вот уж грех прямой: ведь ты прелюбодей!
Твои стихи...

С т и х о т в о р е ц.

Всё лгут, а на душе моей
Ей-богу, я греха такого не имею;
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить — я сущий Эпиктет,
Воды не замутишь, предобренький поэт.

С в я щ е н н и к.

Да, лгать не хорошо. Скажи мне бога ради:
Соблюл ли заповедь хоть эту: не укради?

С т и х о т в о р е ц.

Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
(К тому приучены все наши господа),
Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера,
И даже у своих; не надобно примера.
Да как же без того беднягам нам писать?
Как мало своего — придется занимать.

С в я щ е н н и к.

Не хорошо, мой сын, на счет чужой лениться,
Советую тебе скорее отучиться

От этого греха. На друга своего
Не доносил ли ты и ложного чего?

Стихотворец.

Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
За деньги написал посланье длинновато,
В котором Мевия усердно утешал —
Он, батюшка, жену недавно потерял —
Я публике донес, что бедный горько тужит,
А он от радости молебны богу служит.

Священник.

Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
Завидовал ли ты?

Стихотворец.

Завидовал не раз,
Греха не утаю, — богатому соседу,
Хоть не ослу его, но жирному обеду
И бронзе, деревням и рыжей четверне,
Которых не иметь мне даже и во сне.
Завидовал купцу, беспечному монаху,
Глупцу, заснувшему без мыслей и без страху,
И, словом, всякому, кто только не поэт.

Священник.

Худого за собой не знаешь больше?

Стихотворец.

Нет.

Во всем покаялся; греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник.

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

561. ВОСПОМИНАНИЕ

В черновой рукописи вслед за напечатанным идет текст:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в изгнании <?>, в степях
Мои утраченные [годы].
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды ~
Вновь сердцу наносит холодный [свет]
[Неотразимые обиды].
Я слышу [вкруг меня] жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты,
Укор веселый и кровавой.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечем,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

19 мая.

586.

В рукописи между первой и второй строфами печатного текста имеется зачеркнутая строфа:

[Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.]

659.

В рукописи имеется зачеркнутая строфа:

[В нас ум владеет плотью дикой,
А покорен Корану ум,
И потому пророк великий
Хранит, как око, свой Арзум.]

704. ОСЕНЬ.

В рукописи между десятой и одиннадцатой строфами имеется зачеркнутая:

[Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, каранки, арапские цари,
Гречакки с четками, корсары, богдыханы,
Испанцы в епанчах, жиды, богатыри,
[Царевны пленные, графини, великаны,
И [вы, любимицы] золотой моей зари, —
[Вы, барышни мои,] с открытыми плечами,
С [висками] гладкими и томными очами.]

705. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

Напечатанному отрывку в рукописи предшествует строфа:

Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал.
Дышало небо влажным хладом.
Нева шумела. Бился вал
О пристань набережной стройной,
Как челобитчик беспокойный,
Об дверь судейской. Дождь в окно
Стучал печально. Уж темно
Все становилось. В это время
Иван Езерский, мой сосед,
Вошел в свой тесный кабинет...
Однако — род его, и племя,
И чин, и службу, и года
Вам знать не худо, господа.

Вместо строфы седьмой в рукописи две строфы:

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
[Что их поносит шут Фиглярин,]
Что русский ветренный боярин
Теряет грамоты царей,
Как старый сбор календарей,
Что исторические звуки
Нам стали чужды, [что] проста
Из бар мы лезем в tiers-état,
[Что] нищи будут наши вуки —
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что мы, руке насмной
Дозволя грабить наш доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной,
Старая близ могил родных,
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел.
Дух века вот куда зашел!

Заканчивается в рукописи отрывок так:

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседов
И смерть Мещерского воспел.
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб и обедов
И похорон, сменивших пир, —
А знал ли их, скажите, мир?

Заметят мне, что есть же разность
Между Державинным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что князь Мещерский был сенатор —
А не коллежский регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет к тому же перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни.
Куда! Нам нет от них прохода —
Но разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пенек? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона —
Гордись, таков и ты, поэт,
И для тебя закона нет.

Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: «куда? куда?»
Дорога здесь». Но ты не слышишь;
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышешь
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.

Скажите: «экий вздор», или «браво»,
 Или не скажите ничего —
 Я в том стою — имел я право
 Избрать соседа моего
 В герои повести смиренной,
 Хоть человек он не военный,
 Не второклассный Дон Жуан,
 Не демон — даже не цыган,
 А просто гражданин столичный,
 Каких встречаем всюду тьму,
 Ни по лицу, ни по уму
 От нашей братьи не отличный,
 Довольно смиренный и простой,
 А впрочем малый деловой.

803.

В рукописи после первой строфы идет зачеркнутая:

[Давно ль, друзья?.. Но двадцать лет
 Тому прошло; и что же вижу?
 Того царя в живых уж нет;
 Мы жгли Москву; был плен Парижу;
 Угас в тюрьме Наполеон;
 Воскресла греков древних слава;
 С престола пал другой Бурбон;
 Отбунтовала вновь Варшава.]

826.

В рукописях есть еще наброски:

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
 Оставленный роман [наш] продолжать
 [И строгий] век, расчета век железный
 Рассказами пустыми угощать:
 Ты думаешь, что с целью полезной
 Тревогу славы можно сочетать,
 А [для того советуешь] собрату
 Брать с публки умеренную плату.

[(За каждый стих по десяти рублей,
 А за строфу приходится сто сорок),
 Неужто жаль кому пяти рублей?
 Пустое! всяк то даст без отговорок!
 С книгопродавца можно взять, ей-ей.]
 Ты говоришь: «пока Онегин жив,
 Дотоль роман не кончен — нет причины
 Его кончать... к тому же так счастлив,

Вы за «Онегина» советуете, други,
 Приняться мне опять в осенние досуги.
 Вы говорите мне: он жив и не женат,
 Итак, еще роман не кончен — это клад:
 В [его] свободную вместительную раму
 Ты вставишь ряд картин, откроешь диораму,
 Привалит публика, платя тебе за вход,
 Что даст еще тебе и славу, и доход.

831.

В черновой рукописи имеется вариант:

Чудный сон мне бог послал —
 С длинной белой бородою
 В белой ризе предо мною

Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне — будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
[Скоро странствию земному]
Твоему придет конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец.
Путник, ляжешь на ночлеге,
В пристань, плаватель, войдешь.
[Бедный] пахарь утомленный,
Отрепшишь волов от плуга,
На последней борозде.
Ныне грешник тот великий,
О котором предвещенье
Слышал ты давно,
Грешник жданный
[Наконец] к тебе придет
Исповедывать себя.
И наступит разрешенье
И уснешь ты вечным сном.
Сон отрадный, благовещий,
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь, —
Кавни вечныя страшусь,
Милосердия надеюсь.
Успокой меня, творец.
Но твоя да будет воля,
Не моя. — Кто там идет?

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ.

В черновой рукописи после эпизода превращения старухи в царицу имеется такой текст.

Проходит другая неделя,
Издурилась оп <ять его старуха>:
Отыскать мужика приказала.
Привели старика к царице.
Говорит старику старуха:
Не хочу быть вольною царицей,
А хочу быть Римской папой.
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Пошел он к с<инему морю>,
Видит: бурно черное море:
Так и ходят сердитые волны,
Так и воют воем зловещим.
Ст<ал он кланять золотую рыбку>.
«Добро, будет она Римской <папой>».

Воротился старик к старухе.

Перед ним монастырь латынский,
На стенах [латинские] монахи
Поют латынскую обедню.

Перед ним вавилонская башня,
На самой на верхней <?>, на макушке
Сидит его старая старуха.
На старухе сарочинская шапка,
На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице [Строфилус] птица.

Поклонился старик старухе,
Закричал ей голосом громким:
«Здравствуй ты, старая баба,
Я чай, твоя душенька довольна!»

Отвечает глупая старуха:
«Врешь ты, пустое городишь,
[Совсем] душенька моя недовольна:
Не хочу я быть Рим<ской папой>.
А хочу быть Владычицей Морскою,
Чтобы жить в окияне-море,
Чтобы служила мне рыбка золотая
И была бы у меня на посыдаках.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1826 г.		Стр
	Стр.	
513. К Боратынскому. «Стих каждый повести твоей».	21	
514. Из письма к И. Е. Велікопольскому. «С тобой мне вновь считаться доведось».	21	
515. В альбом Е. Н. Вульф. «Вот, Зина, вам совет: играйте».	21	
516. «Под небом голубым страны своей родной»	21	
517. Из Ариостова «Orlando Furioso». Santo XXIII, ott 100. «Пред рыцарем блещит водами»	22	
518. Из письма к кн. П. А. Вяземскому. «Так море, древний душегубец».	25	
519. К Языкову. «Языков, кто тебе внушил».	25	
520—522. Песни о Стеньке Разине. «Как по Волге реке, по широкой».	26	
«Ходил Стенька Разин».	26	
«Что не конский топ, не людская мольва».	27	
523. Пророк. «Духовной жаждою томим».	27	
524. Е. А. Тимашевой. «Я видел вас, я их читал».	28	
525. К С. Ф. Пушкиной. «За чем безвременную скуку».	28	
526. Из письма к С. А. Соболевскому. «У Гальяни иль Кольони».	28	
527. «Ольга, крестница Киприды».	29	
528. Из письма к Н. С. Алексееву. «Прощай, отшельник бессарабский»	30	
529. И. И. Пушкину. «Мой первый друг, мой друг бесценный».	30	
530. Стансы. «В надежде славы и добра».	30	
531. Зимняя дорога. «Сквозь волнистые туманы»	31	
532. Ответ Ф. Т***. «Нет, не черкешенка ова».	31	
1827 г.		
533. В Сибирь. «Во глубине сибирских руд».	32	
534. Соловей. «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей».	32	
535. Эпиграмма. Из Антологии. «Лук звенит, стрела трепещет».	33	
536. В альбом кн. П. П. Вяземскому. «Здравствуй, друг мой Павел».	33	
537. Русскому Геснеру. «Куда ты холоден и сух».	33	
538. «Есть роза дивная: она».	33	
539. Ек. Ник. Ушаковой. «Когда, бывало, в старину».	33	
540. Княгине З. А. Волконской. «Среди рассеянной Москвы»	34	
541. Ек. Н. Ушаковой. «В отдалении от вас».	34	
542. К Языкову. «К тебе сбирался я давно».	34	
543. Арнон. «Нас было много на челне».	35	
544. Три ключа. «В степи мирской, печальной и безбрежной».	35	
545. Поэт. «Пока не требует поэта».	36	

	Стр.		Стр.
546		«Близ мест, где царствует Венеция златая». <i>Перевод неизданных стихов из Андрея Шенье</i>	36
547.		19 октября 1827 г. «Бог помочь вам, друзья мои».	36
548.		Череп. «Прими сей череп, Дельвиг: он».	37
549.		Талисман. «Там, где море вечно плещет».	40
550.		Репутация Беранжера. «Ты помнишь ли, ах, ваше благородье».	41
551.		Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной. «Земля достигнув, наконец»	42
552.		Ангел. «В дверях эдема ангел нежный».	42
553.		П. А. Плетневу. «Не мысля гордый свет забавить».	42
554.		Золото и булат. «Всё мое, сказало злато».	43
555.		«Не знаю где, но не у нас».	43
1828 г.			
556.		Стансы. «Нет, я не льстец, когда царю».	44
557.		Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков». «Так элегическую лиру».	45
558.		«Сто лет минуло, как тевтон».	46
559.		В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак». «Вам мuzzy, милые старушки».	47
560.		To Dawe, esq. «Зачем твой дивный карандаш».	47
561.		Воспоминание. «Когда для смертного умолкнет шумный день».	47
562.		Ты и вы. «Пустое вы, сердечным ты».	48
563.		26 мая 1828 г. «Дар напрасный, дар случайный».	48
564.		Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волкойскому. «В сиянии и в радостном покое».	48
565.		«Кобылица молодая».	48
566.		Н. Д. Киселеву. «Ищи в чужом краю здоровья и свободы».	49
567.		Портрет. «С своей пылающей душой».	49
568.		Наперсник. «Твоих признаний, жалоб нежных»	49
569.		«Счастливы, кто избран своеравно».	49
570.		Предчувствие. «Снова тучи надо мною».	50
571.		Из письма к кн. П. А. Вяземскому. «А в ненастные дни».	50
572.		Утопленник. <i>Простонародная сказка</i> . «Прибежали в избу дети».	51
573.		«Ворон к ворону летит». <i>Шотландская песня</i>	52
574.		«Вези, вези, не жалея».	53
575.		19 октября 1828 г. «Усердно помолившись богу».	53
576.		Анчар. «В пустыне чахлой и скупой».	53
577.		Ответ Катенину. «Напрасно, пламенный поэт».	54
578.		Ответ А. И. Готовцевой. «И недоверчиво и жадно».	55
579.		«За Netty сердцем я летаю».	55
580.		П. И. Эгельстрому. «О, Эгельстром, я восхищенный».	55
581.		Чернь. «Поэт по лире вдохновенной».	56
582.		И. В. Сленину. «Я не люблю альбомов модных».	57
583.		«Каков я прежде был, таков и ныне я». <i>Отрывок из Андрея Шенье</i>	58
584.		«Город пышный, город бедный».	58
585.		Ее глаза. В ответ на стихи князя Вяземского. «Она мила — скажу меж нами».	58
586.		«Не пой, красавица, при мне».	59
587.		Цветок. «Цветок засохший, безуханной».	59
588.		К Каверину. 1817. «Забудь, любезный мой Каверин».	60
589.		Любопытный. «Что ж нового?—«Ей-богу ничего».	60
590.		«Покойник, автор сухощавый».	60
591.		«Когда стройна и светлоока».	61
592.		«Если в жизни поднебесной».	61
593.		«Amour, exil».	61
594.		«Не смею вам стихи Баркова».	61
595.		«Когда Потемкину в потемках».	61

	Стр		
596		Ел. Н. Ушаковой. «Вы избалованы природой». . .	62
597.		«Подъезжая под Ижоры». . .	62
598.		Приметы. «Я ехал к вам: живые сыны».	63
599.		Литературное известие. «В Элязии Василий Тредьяковский».	63
600.		«Когда помилует нас бог». . .	64
601.		Эпиграмма. «Журналами обиженный жестоко». . .	64
602.		«Поэт-игрок, о Беверлс-Гораций».	64
603.		Эпиграмма. «Там, где древний Кочерговский». . .	64
604.		Калмычке. «Прощай, любезная калмычка». . .	64
605.		«На холмах Грузии лежит ночная мгла». <i>Отрывок</i> . . .	65
606.		«Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла».	65
607.		«Не пленяйся бранной славой». Из Гафиза. . . .	66
608—609.		На картинки к «Евгению Онегину». «Вот перешед чрез мост Кокушкин».	66
		«Сосок чернеет сквозь рубашку».	66
610.		«Счастливы ты в прелестных дурях».	66
611.		Кавказ. «Кавказ подо мною. Один в вышине». . .	67
612.		Монастырь на Казбеке «Высоко над семью гор». . .	67
613.		К бюсту завоевателя. «Напрасно видишь тут ошибку».	68
614.		Дорожные жалобы. «Долго ль мне гулять на свете». . .	68
615.		«Как сатирой безымянной». Эпиграмма	69
616.		Обвал. «Дробясь о мрачные скалы».	69
617.		«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю». . .	70
618.		Зимнее утро. «Мороз и солнце; день чудесный». . .	71
619.		«Я вас любил: любовь еще, быть может».	71
620.		<i>Загадка</i> . «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы».	72
621.		Легенда. «Был на свете рыцарь бедный».	72
622.		Эпиграмма. «Мальчишка Фебу гимн поднес». . .	73
623.		Олегов щит. «Когда ко граду Константина». . .	74
624.		«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья». <i>Элегический отрывок</i>	74
625.		«Брожу ли я вдоль улиц шумных». Стансы	74
626.		Дон. «Блещет среди полей широких».	75
627.		Собрание насекомых. «Мое собрание насекомых». . .	76
628.		«Когда твои младые лета». . .	76
629.		«Что в имени тебе моем». <i>В альбом</i>	77
630.		Эпиграмма. «Седой Сви-стов, ты царствовал со слабой».	77
631.		«Авдотья Яковлевна пахнет».	77
632.		«Мы наслаждем удвоим». . .	78
633.		«День блаженства наступающий».	78
634.		«Дева».	78
1830 г.			
635.		«Язык и ум теряя разом». . .	79
636.		Ответ. «Я вас узнал, о мой оракул».	79
637.		«В часы забав иль праздно-ской скуки». <i>Страны</i> . . .	79
638.		На Булгарина. «Не то беда, что ты поляка». . .	80
639.		Сонет. «Суровый Дант не презирал сонета». <i>Сонет</i> . . .	80
640.		К вольможе. «От северных оков освобожда мир». . .	81
641.		Поэту. «Поэт, не дорожи любовью народной». <i>Сонет</i>	83
642.		Мадонна. «Не множеством картин старинных мастеров». <i>Сонет</i>	83
643.		Новоселье. «Благословляю новоселье».	84
644.		«Полюбуйтесь же вы, дети».	84
645.		Аквилон. «Зачем ты, грозный аквилон».	84
646.		Делибаш. «Перестрелка за холмами».	85
647.		Бесы. «Мчатся тучи, выются тучи».	85
648.		Элегия. «Безумных лет угасшее веселье». . . .	86
649.		Ответ Анониму. «О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье».	87

	Стр.		Стр.
650. Царскосельская статуя. «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила» . . .	87	земский, поэт и камергер»	101
651. «В последний раз твоей образ милой».	88	674. Бородинская годовщина. «Всаликий день Бородина».	101
652. Паж или пятнадцатый год. «Пятнадцать лет мне скоро минет».	88	675. Из письма к А. О. Россет. «От вас узнал и плен Варшавы».	103
653. «Я здесь, Инезьяля».	89	676. «Перед гробницею святой».	103
654. К переводу Иллады. «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера».	90	677. Эхо. «Ревел ли зверь в лесу глухом».	104
655. «Румяный критик мой, насмешник тоаstopузой».	90	1832 г.	
656. Отрок. «Невод рыбак растлал по берегу студеного моря».	91	678. Мальчику. (Из Катуга). Minister vetuli puer. «Пьяной горечью Фалерна».	105
657. Рифма. «Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Псней».	91	679. В альбом А. О. Смирновой. «В тревоге пестрой и бесплодной».	105
658. Моя родословная. «Смеясь жестоко над собратом».	91	680. В альбом. «Гонимый рока самовластьем».	105
659. «Стамбул гяуры нынче славят».	93	681. К ***. «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу».	106
660. Заклинание. «О, если правда, что в ночи».	94	682. В альбом. «Долге сих листов заветных».	106
661. Герой. «Да, слава в прихотях вольна».	95	683. А. Д. Боратынской. «Когда-то, помню, с умилением».	106
662. Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы. «Мне не спится, нет огня».	96	684—699. Песни западных славян. Видение короля. «Король ходит большими шагами».	109
663. Эпиграмма. «Не то беда, Авдей Флюгарин».	97	Янко Марнавич. «Что в разъездах бей Янко Марнавич».	111
664. На перевод Иллады. «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи».	97	Битва у Зеницы-Великой. «Радивой поднял желтое знамя».	113
665. «Для берегов отчизны дальней».	97	Феодор и Елена. «Стамати был стар и бессилен».	114
666. Труд. «Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний».	98	Влах в Венеции. «Как покинула меня Парасковья».	116
667. «Пред испанкой благородной».	98	Гайдук Хрилич. «В пещере на острых камнях».	117
668. «Пью за здравие Мери». Песня.	98	Похоронная песня Иакинфа Маглановича. «С богом в дальнюю дорогу».	118
669. «Глухой глухого звал к суду судьи глухого».	99	Марко Якубович. «У ворот сидел Марко Якубович».	118
670. Цыганы. «Над лесистыми брегами». С английского.	99	Бонапарт и черногорцы. «Черногорцы? что такое».	121
671. «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением».	99	Соловей. «Соловей мой, соловейко».	122
1831 г.		Песня о Георгии Черном. «Не два волка в овраге грызутся».	122
672. Клеветникам России. «О чем шумите вы, народные витии».	100	Воевода Милош. «Над Сербией смилуйся ты, боже».	123
673. Из письма к кн. П. А. Вяземскому. «Любезный Вя-			

Вурдалак. «Трусават был Ваня бедный»	124
Сестра и братья. «Два дубочка вырастали рядом». Яныш королевич. «Полюбил королевич Яныш».	125
Конь. «Что ты ржешь, мой конь ретивый».	127
700. Гусар. «Скребницей чистил он, коня».	129
701. «Когда б не смутное влечение»	135
702. Воевода. «Поздно ночью из похода».	138
703. Бурдыс и его сыновья. «Три у Бурдыса сына, как и он, три литвина».	138
704. Осень. Отрывок. «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает»	140
705. Родословная моего героя. (Отрывок из сатирической поэмы). «Начнем а ово: мой Езерский».	141
706—707. Подражания древним. «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают»	143
«Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров»	146
708. Вино. «Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный».	146
709. «Юноша, скромно пируй, и шумную Вахкову влагу».	147
710. «Бог веселый винограда».	147
711. Отрывок. «Не розу пафосскую»	147
712. «Не дай мне бог сойти с ума».	147
713. Красавица. (В альбом гр. Е. М. Завадской). «Всё в ней гармония, всё диво».	148
714. «Свят Иван,—как пить мы станем».	148

1835 г.

715. (Из Анакреона). Отрывок. «Узнают коней ретивых».	150
716. Ода LVI (Из Анакреона). «Поредели, побелели».	150
717. Ода LVII. «Что же сухо в чаше дно».	150
718. Полководец. «У русского царя в чертогах есть палата»	151
719. Туча. «Последняя туча расеянной бури».	152

720. Из А. Шенье. «Покров, упитанный язвительною кровью»	152
721. «В Академии Наук»	153
722. На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому. «Ты угасал, богач младой».	153
723. Пир Петра Первого. «Над Невою резво вьются»	154
724. «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила».	155
725. «Что белеется на горе зеленой»	155
726. «Кто из богов мне возвратил».	156
727. «От меня вечор Леила».	157
728. Подражание арабскому. «Отрок милый, отрок нежный».	157

1836 г.

729. Д. В. Давыдову. (При посылке «Истории Пугачевского бунта»). «Тебе певцу, тебе герою»	158
730. Художнику. «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую»	158
731. (Подражание итальянскому). «Как с дерева сорвал предатель-ученик».	159
732. Мирская власть. «Когда великое свершилось торжество».	159
733. Из Пиндемонте. «Не дорого цену я громкие права».	159
734. «Отцы пустынники и жены непорочны»	160
735. «Когда за городом, задумчив, я брожу».	160
736. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».	161
737—738. На статую играющего в свайку. «Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый»	162
На статую играющего в бабки. «Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено».	162
739. «Смирдин меня в беду поверг».	162
740. Сапожник. Притча. «Картину раз высматривал сапожник»	162
741. «К Смирдину как ни зайдешь».	163
742 «Забыв и рощу и свободу»	163

НЕОКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ.

	1826 г.	Стр.		Стр.
743. «Едва уста красноречивы»	164	164	769. «Лищинский околел, — отечеству беда»	175
744. «Как счастлив я, когда могу покинуть»	164	164	770. «При шуме сладостном фонтанов»	175
745. «Будь подобен полной чаше»	165	165		175
746. «В еврейской хижине лампы»	166	166	1829 г.	
747. «О, нет, мне жизнь не надосла»	166	166	771. «Как быстро в поле, вокруг открытом»	176
748. «О ты, который сочелал»	166	166	772. «Благословен и день и час»	176
1827 г.			773. «Благословен твой новый путь»	177
749. Кипренскому. «Любимец моды легкокрылой»	167	167	774. «Критон, роскошный гражданин»	177
750. «Толпа холодная поэта окружала»	167	167	775. «Полюби меня, девица»	177
751. «Сомненье, страх, порочную надежду». (Из Alfieri)	167	167	776. «Стрекотунья-белобока»	177
752. «Блажен в златом кругу вельмож»	168	168	777. «Зачем, Елена, так пугливо»	178
753. «В рогах карийских, любезных ловцам, таится пещера»	168	168	778. «О, сколько нам открытий чудных»	178
754. «Храни меня, мой талисман»	168	168	779. Воспоминания в Царском Селе. «Воспоминаями смущенный»	178
755. Няне. «Подруга дней моих суровых»	169	169	780. «Был и я среди донцов»	179
756. «Кто знает край, где небо блещет»	169	169	781. «Зорю быют... из рук моих»	179
757. «Я знаю край: там на берега»	171	171	782. «Сей белокаменный фонтан»	180
758. «Когда так нежно, так сердечно»	171	171	783. «Надеясь на мое презренье»	180
1828 г.			784. «Еще одной высокой, важной песни»	180
759. «[Еще дуют холодные ветры]»	171	171	785. «Меж горных рек несется Терек»	181
760. «Увы, язык любви болтливой»	172	172	786. «И вот ущелье мрачных скал»	181
761. «Волненьем жизни утомленный»	172	172	787. «Страшно и скучно»	181
762. Кирджали. «В степях зеленых Буджака»	172	172	788. «Шумит кустарник... На утес»	182
763. «Рифма—звучная подруга»	173	173	789. «В журнал совсем не европейский»	182
764. «Всем красны боярские конюшни»	174	174	1830 г.	
765. «Уродился я, бедный недоносок»	175	175	790. «В начале жизни школу помню я»	182
766. «Тебя зову на томной лире»	175	175	791. «Мы рождены, мой брат названный»	184
767. «Брадатый староста Авдей»	175	175	792. «Когда порой воспоминая»	184
768. «В рюмке светлой предо мною»	175	175	793. «Восстань, о Греция, восстань»	185
			794. «Опять увенчаны мы славою»	185
			795. «С Гомером долго ты беседовал один»	186
			796. «Как весенней теплою порою»	186

797. «Надо мной в лазури ясной». 188
 798. «Стою печален на кладбище». 188
 799. Медок. Медок в Уаллах
 «Попутный веет ветр. —
 Идет корабль». 188
 800. «Зачем я ею очарован». 189
 801. «Женись». — На ком? «На
 Вере Чацкой». 189

1831 г.

802. «Ну, послушайте, дети:
 жил-был в старые годы». 190
 803. «Чем чаще празднует
 лицей». 190
 804. «Когда в объятия мои». 191
 805. «Два чувства дивно близки
 нам». 191
 806. «Так старый хрыч цыган
 Илья». 192

1832 г.

807. «Желал я душу освежить». 192
 808. «И дале мы пошли — и
 страх обнял меня». 192

1833 г.

809. «В славной в Муромской
 земле». 193
 810. «Колокольчики звенят». 194
 811. «Толпа глухая». 194
 812. «Французских рифмачей
 суровый судия». 194
 813. «Царь увидел пред собой». 195
 814. «В поле чистом серебрится». 195
 815. «Напрасно я бегу к сионским
 высотам». 196
 816. «На это скажут мне с
 улыбкою неверной». 196

1834 г.

817. «Он между нами жил». 196
 818. «Везувий зев открыл—дым
 хлынул клубом—пламя» 197
 819. «За горами, за лесами». 197
 820. «Ты просвещением свой
 разум осветил». 197

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

1828 г.

844. «Символы верности любя» 213
 845. «Проснулся я, — а небо-
 склон». 213

1835 г.

821. Странник. «Однажды стран-
 ствуя среди долины ди- 198
 кой» 200
 822. «Вновь я посетил». 200
 823. «Если ехать вам случит-
 ся». 201
 824. «Осердился Георгий Пе-
 трович». 201
 825. «Когда владыка ассирий-
 ский». 202
 826. «Я мои осенние досуги». 202
 827. «Я думал, сердце позабы-
 ло». 203
 828. «О бедность. Затвердил я
 наконец». 203
 829. «Альфонс садится на ко-
 ня». 204
 830. «Царей потомок, Меценат» 205
 831. «На Испанию родную». 205
 832. «Одни стихи ему читала» 208
 833. «В младенчестве моем бес-
 смысленно лукавом». 208
 834. «Я возмужал среди печаль-
 ных бурь». 208

1836 г.

835. «От западных морей до са-
 мых врат восточных». 208
 836. «Ценитель умственных тво-
 рений исполнских». 209
 837. «Была пора: наш праздник
 молодой». 209
 838. «Не видала ль, девица». 211
 839. «Пора, мой друг, пора! по-
 коя сердце просит». 211

1830-ые годы

840. «Друг сердечный мне на-
 медни говорил». 211

Неизвестные годы

841. Чиновник и поэт. «Куда
 вы? — за город, конечно» 211
 842. «С перегородкою каморки» 212
 843. «Конечно, презирать не
 трудно». 212

	Стр.		Стр.
	1829 г.	850. «В пустыне»	214
848. «Трудясь над образом престолной Ушаковой»	213	851. «Строгий свет»	214
	1830 г.		
849. «Тому мгновенью»	214	852.* «То было вскоре после боя»	214
		853. «За все заботы и досады»	214

КОЛЛЕКТИВНОЕ

	1825 г.	ликов, газетчик наш печальный».	217
854. Элегия на смерть Анны Львовны. «Ох, тетенька, ох Анна Львовна»	215		
	1826 г.		
855—865. Нравоучительные четверостишия	215		
	1827 г.		
866. Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова. «Князь Ша-			

DUBIA.

	1826 г.	873. Разговор Фотия с гр. Орловой. «Внимай, что я тебе вещаю»	221
870. «Встарь Голицын мудрость весил»	221	874. «Воды глубокие»	222
	1827 г.		
871. Кж. С. А. Урусовой. «Не веровал я троице доньне»	221		
	1820-ые годы		
872. Гр. А. А. Орловой-Чесменской. «Благочестивая жена»	221		

СКАЗКИ.

	1831 г.	старик со своею старухой»	252
Сказка о царе Салтане. «Три девицы под окном»	223	Сказка о мертвой царевне и семи богатырях. «Царь с царицею простился»	257
Сказка о попе и о работнике его Балде. «Жил был поп»	247		
	1833 г.		
Сказка о рыбаке и рыбке. «Жил			

ДОПОЛНЕНИЕ

Исповедь стихотворца. «Священник. «Кто ты, мой сын?»	274
--	-----

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К I И II ТОМАМ.

В алфавитный указатель стихотворений и сказок Пушкина введены не только те заглавия, под которыми напечатаны стихотворения в настоящем издании, но и те, под которыми они печатались в публикациях самого Пушкина и в изданиях XX века собрания его сочинений.

Кроме заглавий, в указателе даются сведения о времени написания произведения (даты самого Пушкина набраны не курсивом), и указывается источник, откуда взят текст для настоящего издания, при чем приняты следующие сокращения:

авт. — автограф Пушкина.

авт. коп. — авторизованная копия.

Анн — Собрание сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова в семи томах. Спб. 1855—1857 гг.

БАН — Рукописное отделение Библиотеки Всесоюзной Академии наук. Все тексты, кроме №№ 9 и 742 взяты из рукописей т. н. Майковского собрания и приготовлены к печати Б. В. Томашевским и Н. В. Измайловым.

Ген 1859 — Сочинения Пушкина под ред. Г. Н. Геннади изд. Исакова в шести томах. Спб. 1859 г.

Герб — Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин. 1861.

Ефр 1880 — Сочинения Пушкина под ред. П. А. Ефремова изд. Исакова в шести томах. Спб. 1880 г.

Ефр 1882 — Сочинения Пушкина под ред. П. А. Ефремова изд. Анского в семи томах. Спб. 1882 г.

Ефр 1903 — Сочинения Пушкина под ред. П. А. Ефремова изд. Суворина в восьми томах. Спб. 1903—1905 гг.

коп — рукописная копия.

ЛБ — Публичная библиотека Союза ССР им. Ленина. Инвентарные номера хранящихся в рукописном отделении библиотеки тетрадей Пушкина (№№ 2364—2395) обозначены сокращенно: «64», «65» и т. д.

лиц. рук. сб. — рукописный сборник лицейских стихотворений, описанный Н. В. Измайловым в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.» Пгр. 1922.

Лонг — рукописный сборник произведений Пушкина, составленный М. Н. Лонгиновым и в копии С. Д. Полторацкого, хранящийся в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина (инв. № 2603).

Ник — рукописный сборник лицейских стихотворений, принадлежавший А. В. Никитенке, опубликованный М. О. Гешензоном («Русские пропилеи», т. VI, М. 1919 г.) и ныне хранящийся в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина.

Майков — Л. Майков «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки». Спб. 1899 г.

ПД — Пушкинский Дом Всесоюзной Академии наук.
 ПЛБ — Публичная Библиотека РСФСР в Ленинграде.
 стих. 29, I и II — «Стихотворения Александра Пушкина», часть первая и вторая. Спб. 1829.
 стих. 35 — «Стихотворения Александра Пушкина», часть четвертая. Спб. 1835.
 факс — факсимиле.
 ЦА — Дрвлекранилище Центрархива в Москве.
 ц. рук. стих. 32 — цензурная рукопись книги: «Стихотворения Александра Пушкина», часть третья. Спб. 1832.
 Шляпкин — И. А. Шляпкин «Из неизданных бумаг Пушкина». Спб. 1903.
 Щерб — Ю. Н. Щербачев «Приятели Пушкина. Мих. Андр. Щербинин и Петр Павл. Каверин». М. 1912.

А

- А-ву. См. Алексееву.
 «А в ненастные дни». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
 «A son amant Eglé sans résistance» (4 июня? 1821 г.; авт. 65 ЛБ) I 335
 Кж. А. Д. Абамелек. См. А. Д. Боратынской.
 Avalanche. См. Обвал.
 «Авдотья Яковлевна пахнет» (1827—1829 гг. ?; авт. ЛБ) II 77
 «Avez vous vu la tendre rose», См. Stances.
 Аглае. См. Кокетке.
 Адели («Играй, Адель»). (В альбом малютке) (Ноябрь 1822 г.; стих. 29, I) I 237
 Адская поэма. Отрывки. См. «В Геенне праздник». «Что козырь? — черви». «Кто там? здорово, господа». «Так вот детей земных». «Сегодня бал у сатаны». Акафист К. Н. К-ой. См. Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной.
 Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной («Земля достигнув наконец»). (В альбом, Акафист К. Н. К-ой). (24 ноября 1827 г.; факс. «Русск. библ.», 1916, окт.) II 42
 Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон») (1824 г. и 7 сентября 1830 г.; Лит. приб. к «Рус. инвалиду», 1837, № 1) II 84
 Актрисе. См. Послание к молодой актрисе.
 Алексееву («Мой милый, как несправедливы») (А-ву, Послание к А.) (1821 г.; стих. 29, I) I 229
 Н. С. Алексееву («Прощай, отшельник бессарабской») См. Из письма к Н. С. Алексееву.
 Н. С. Алексееву. См. «Мой друг, уже три дня».
 Альфонс. См. «Альфонс садится на коня».
 «Альфонс садится на коня» (Альфонс) (1835 г. ?; авт. ПД) II 204
 «Амоу, exil...» (1828 г. ?; «Библ. для чт.» 1859, № 4) II 61
 Амур и Гименей («Сегодня, добрые мужья») (1825 г. ? не позднее июля; стих. 29, I) I 303
 Амур и Гименей. Сказка («Сегодня, добрые мужья»), (1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ) I 138
 «Амур тебя обрел, сам Феб тебя готовил» — не введено, как относящееся к стих. «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет») . . .
 Ангел («В дверях эдема ангел нежный») (Январь — ноябрь 1827; стих. 29, II) II 42
 Андрей Шенье в темнице. См. Андрей Шенье.
 Андрей Шенье. Посвящено Н. Н. Раевскому («Меж тем, как изумленный мир») (Андрей Шенье в темнице) (Первая половина 1825 г.; стих. 29, II и коп. 2859 ПД) I 276
 Антологический отрывок («Подруга милая. Я знаю от-

чего) — ранняя редакция стих. Дионей («Хромид в тебя влюблен»).
 Анфологические эпиграммы См. Царскосельская статья, Отрок, Рифма, Труд.
 Анчар («В пустыне чахлой и скупой») (9 ноября 1828 г.; стих 32.) II 53
 «Аптеку позабудь ты для венков лавровых» (Июнь — первая половина сентября 1820 г.; авт. ПД) I 205
 Арзамасская эпиграмма. См. Эпиграмма («Седой Свиство! ты царствовал со

славой») Арион («Нас было много на челне») (16 июля 1827 г.; «Литер. газета» 1830, № 43) II 35
 «Арист! и ты в толпе слушателей Парнаса». См. К другу стихотворцу.
 «Арист нам обещал трагедию такую» См. Эпиграмма.
 «Ах, тошно, тошно! помогите.» («Ох, тошно, тошно, помогите») Не введено, как не принадлежащее Пушкину.

Б

А. Д. Б-ской. См. Боратынской А. Д.
 Е. П. Бакуниной («Напрасно воспевать мне ваши именины») (24 ноября 1815 г. ?; авт. ПД) I 117
 Баллада («Что ты, девица грустна») (2 мая 1819 г.; авт. ПБЛ) I 372
 Баллада. См. Русалка.
 Баратынскому. См. Боратынскому.
 Барклай де Толли. См. Полководец.
 Батюшкову («В пещерах Геликона») (Январь — нач. июня 1815 г.; Росс. Музеум, 1815 г., № 6) I 93
 «Беги, сокройся от очей», См. Вольность.
 Безверие («О вы, которые с язвительным упреком») (Январь — 10 марта 1817 г.; авт. коп. 64 ЛБ) I 163
 Безвредная ссора. См. Нравоучительные четверостишия.
 «Безумных лет угасшее веселье». См. «Элегия».
 «Бессмертною рукой раздавленный Зоил» См. На Каченовского.
 Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») (Шалость) (1829 г. и 7 сентября 1830 г.; ц. рук. стих. 32) II 85
 Битва у Зеницы великой («Радивой поднял желтое знамя») См. «Песни западных славян».
 «Благодарю вас за привет» См. Старый поэт.

«Благословен и день и час» (25 мая 1829 г.; авт 82 ЛБ) II 176
 «Благословен твой новый путь» (27 мая 1829 г.; авт БАН) II 177
 «Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени» См. К Жуковскому.
 «Благословляю новоселье». См. Новоселье.
 «Благочестивая жена». См. Гр. А. А. Орловой-Чесменской.
 «Блажен в златом кругу вельмож» (1827 г.; авт 68 ЛБ) II 168
 «Блажен, кто в отдаленной сени». См. «Уединение»
 «Блажен, кто в шуме городском» (Из письма) (27 марта ? 1816 г.; авт. ЦА) I 124
 «Блажен кто вами любовался» — не введено, как относящееся к X строфе IV гл. «Евгения Онегина».
 «Блажен, кто с юных лет увидел пред собою». См. К Дельвигу.
 «Блажен, кто счастлив без волнения» — не введено, как относящееся к X строфе IV гл. «Евгения Онегина».
 «Блажен муж, иже» (1814 г.; Майков.) I 373
 «Блажен, стократ [блажен] рифмач миролюбивый» — не введено, как относящееся к стих. «Кн. П. А. Вяземскому» («Язвительный поэт, трях замысловатый»).

- Блаженство («В роше сумрачной, тенистой») (Январь — первая половина октября 1814 г.; *Вест. Евр.*, 1814 г., № 20) . . . I 47
- «Блестит луна, недвижно море спит» (22 июля 1825 г.; авт. БАН) I 355
- «Блеща сред полей широких». См. «Дон».
- «Близ мест, где царствует Венеция златая» Перевод неизданных стихов Андрея Шенье. (17 сентября 1827 г.; стих. 29, II) II 36
- Бова (Отрывок из поэмы) («Часто, часто я беседовал») (Январь — февраль 1815 г.; авт. БАН; *Ник.*) I 315
- «Бог веселый винограда» (Январь ? 1833 г. ?; авт. БАН) II 147
- «Бог весть, за что философы, пииты». См. «Твой и мой».
- «Бог помочь вам, друзья мои». См. «19 октября 1827 г.».
- «Богами вам еще даны». См. «Друзьям».
- «Боже царя храни». См. «Там громкою славою».
- «Больны вы, дядюшка? Нет мочи» (1816 г.; авт. ПД). I 152
- Бонапарт и черногорцы («Черногорцы? что такое?») См. «Песни западных славян».
- А. Д. Боратынской («Когда-то, помню, с умиленьем») (Кж. А. Д. Абамелек; А. Д. Б-ской (1832 г.; *Отеч. Зап.* 1840 г. т. VIII). II 106
- Боратынскому («Я жду обещанной тетради») (Январь — июль 1822 г.; стих. 29, I). I 236
- Боратынскому из Бессарабии («Сия пустынная страна») (1822 г.; стих. 29, I) . . I 238
- Бородинская годовщина («Великий день Бородина») (5 сент. 1831 г.; ц. *рук.* стих. 32). II 101
- Боярские конюшни. См. «Всемирны красны боярские конюшны».
- «Брататый староста Авдей» (1828 г. ?; авт. 71 ЛБ). II 175
- «Брат милый! отроком растался ты со мной» (К брату. «Друг милый, отроком») (1822 г.; авт. 69 ЛБ) I 340
- «Брови царь нахмуря» (Из письма) (Сентябрь? — октябрь 1825 г.; авт. ЦА). I 289
- «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Станцы (26 декабря 1829 г.; ц. *рук.* стих. 32) II 74
- Буджак. См. «В степях зеленых Буджака».
- Будрыс и его сыновья («Три у Будрыса сына, как и он три литвина») (Литовская баллада (Из М-а; Из Мицкевича) (28 окт. 1833 г.; стих 35) II 140
- «Будь подобен полной чаше» («Он мне ровесник»; Куплеты для воеводня) (Июнь — декабрь? 1826 г.? авт. БАН). II 165
- «Буря мглою небо кроет» См. «Зимний вечер».
- Буря («Ты видел деву на скале») (Дева) (1825 г.; стих. 29, II) I 294
- «Бывало в сладком ослепленьи» — не введено как относящееся к стих. «Свободы сеятель пустынный» или к стих. «Демон».
- «Бывало, прежних лет герой». См. Эпиграмма.
- «Бы и я среди донцов» (Июль—декабрь 1829 г.; авт. 82 ЛБ). II 179
- «Бы на свете рыцарь бедный» См. «Легенда».
- «Была пора: наш праздник молодой» (Лицейская годовщина 1836 г., 19 октября 1836 г.) (1 — 19 октября 1836 г.; авт. 77 А, ЛБ) II 209
- «Быть в сраженьи похвально». См. «В сраженьи смелым быть похвально».
- «Быть может, уж недолго мне». См. «П. А. Осиповой».

- В *** му. См. Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров»).
- «В Академии Наук» (На кн. Дондукова-Корсакова; Кн. Дондукову) (*Июнь 1835 г.; рук. сб. Бартен.*) . . . II 153
- В альбом. См. Акафист Е. Н. Карамзиной.
- В альбом. См. Иностранке.
- В альбом. См. Ек. Н. Ушаковой («В отделении от вас»).
- В альбом. См. Ек. Н. Ушаковой («Когда бывало в старину»).
- В альбом. См. Ел. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой»).
- В альбом. См. «Что в имени тебе моем».
- В альбом («Гонимый рока самовластьем») (27 октября 1832; *Анненк. VII*) . . . II 105
- В альбом («Долго сих листов заветных») (1832; *Отеч. Зап. 1839, т. I*) . . . II 106
- В альбом Е. Н. Вульф («Вот, Зина, вам совет: играйте!») (1 июля 1826; *Анненк. VII*) . . . II 21
- В альбом кн. П. П. Вяземскому («Здравствуй, друг мой Павел»). (В детский альбом кн. П. П. Вяземскому, «Душа моя Павел»). (*Конец 1826 г. — март 1827 г.; «Берег» 1880, № 111*) . . . II 33
- В альбом гр. Е. М. Завадовской. См. Красавице.
- В альбом А. Н. Зубову («Когда погаснут дни мечтанья»). (А. Н. Зубову). (*Май — перв. числа июня 1817 г.; «Листки граций» 1829 г.*) . . . I 171
- В альбом Илличевскому («Мой друг, не славный я поэт») (31 мая 1817 г.; *Ник.*) . . . I 165
- В альбом малютке. См. Адели.
- В альбом П. А. О. См. П. А. Осиповой.
- В альбом П. А. Осиповой. См. «Цветы последние милей».
- В альбом И. И. Пущину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок»). (*Май — перв. числа июня 1817 г.; Соврем. 1841 г., т. XXII*) . . . I 171
- В альбом А. О. Смирновой («В тревоге пестрой и бесплодной») (18 марта 1832 г.; *авт. ПД*) . . . II 105
- В альбом Е. Я. Сосницкой («Вы съединить могли с холодностью сердечной»). (1818 г.; *Анн VII*) . . . I 190
- В альбом (Е. Н. У...вой) См. Ел. Н. Ушаковой.
- В альбом М. А. Щербинину. См. К. Щербинину.
- «В Армению, в палаты Зензевея». См. «Зачем раздался гром войчы».
- «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей». См. Соловей.
- «В Геенне праздник». См. «Где слез во мраке льются реки».
- «В глуши, измучась жизнью постной». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- «В голубом эфире поле». См. «Ночь светла; в небесном поле».
- «В дверях эдема ангел нежный». См. «Ангел».
- В детский альбом кн. П. П. Вяземскому. См. В альбом кн. П. П. Вяземскому.
- «В Дориде нравятся и локоны золотые». См. «Дорида».
- «В дыму, крови, сквозь тучи стрел». См. Генералу Пущину.
- «В еврейской хижине лампада». (1826 г. ?; *авт. БАН*) . . . II 166
- «В его истории изящность, простота». См. «На Н. М. Карамзина».
- «В жизни мрачной и презренной». См. «Эпиграмма».
- «В журнал совсем не европейский». (1829 г.; *авт. 82 ЛБ*) . . . II 182
- «В забвеньи неги наслажда» — не введено, как относящееся к стих. «К С. Ф. Пушкиной» («Зачем безвременную скуку»).

- «В конюшнях Левашева» См. «Ноэль на лейб-гусарский полк».
- «В крови горит огонь желанья» (Подражание песне Соломона. Подражание). (1825 г.; стих. 29, II). I 294
- «В лесах, во мраке ночи праздной». См. «Соловей и кукушка».
- «В лесах Гаргарин счастливой». См. «В лесах Гаргафии счастливой».
- «В лесах Гаргафии счастливой». («В лесах Гаргарин счастливой»). (Январь — февраль ? 1822 г.; авт. 65 ЛБ). I 338
- «В лесу под липою, где келья за долиной». См. «Там у леска за ближнею долиной».
- «В [младенчестве моем бессмысленно лукавом]. («С очами быстрыми»). (1835 г. ?; авт. ПД). II 208
- «В младенчестве моем она меня любила». См. «Муза».
- «В мои осенние досуги». (Попытка вернуться к «Евгению Онегину») (16 сент.; 1835 г. ?; авт. 84 ЛБ) . . II 202
- «В молчаньи пред тобой сижу». См. «Экспромпт на Огареву».
- «В надежде славы и добра». См. «Стансы».
- «В начале жизни школу помню я». (Подражание Данту). (Октябрь? 1830 г.; авт. БАН). II 182
- «В неволе скучной увядает». См. «Наслаждение».
- «В нем пунша и войны кипит всегдашний жар» См. «К портрету Каверина».
- «В нем радости мои; когда померкну я». См. «К письму».
- «В ответ на стихи князя Вяземского». См. «Ее глаза».
- «В отдалении от вас». См. «Ек. Н. Ушаковой».
- «В печальной праздности я лиру забывал». См. «К ней».
- «В пещерах Геликона». См. Батюшкову.
- «В пещере на острых камнях». См. «Гайдук Хри- зич».
- «В пещере тайной, в день говенья» (1825 г.; авт. 70 ЛБ). I 359
- «В поле чистом серебрится». («В чистом поле серебрится») (1833 г.; авт. 75 ЛБ). II 195
- «В последний раз, в сени уединенья» — вторая редакция стихотворения «Кюхельбекеру» («В последний раз в тиши уединенья»).
- «В последний раз в тиши уединенья». См. Кюхельбекеру.
- «В последний раз твой образ милой». (Расставание, Прощание). (5 октября 1830 г.; авт. БАН) . . . II 88
- «В прохладе сладостных фонтанов». См. «При шуме сладостном фонтанов».
- «В пустыне пробился ключ». (Январь — 16 апр. 1830 г.; авт. ПД) II 214
- «В пустыне чахлой и скупой». См. «Анчар».
- «В России дышет всё военным ремеслом» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «В России нет закона» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «В рощах карийских, любезных ловцам». («Таится пещера»). (1827 г.; авт. 68 ЛБ). II 168
- «В роще сумрачной, тенистой». См. «Блаженство».
- «В рюмке светлой предо мною». (1828 г. ?; авт. 71 ЛБ). II 175
- «В славной в Муромской земле» (Сер. сентября 1833 г.; авт. ПБЛ). II 193
- «В себе все' блага заключаю». См. «Послание к А. И. Тургеневу».
- В Сибирь. («Во глубине сибирских руд») (Послание в Сибирь). (Декабрь 1826 — нач. янв. 1827; «Пол. зв». 1856, кн. II и коп. Ком. Ак.). II 32
- «В сиянии и радостном покое». См. «Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому».

- «В сраженья смелым быть похвально» — не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».
- «В степи мирской, печальной и безбрежной». См. «Три ключа».
- «В степях зеленых Буджака». См. «Кирджали».
- «В стране, где Юаней венчаный» (Из письма к Н. И. Гнедичу. К Гнедичу. Гнедичу). (24 марта 1821 г.; авт. ПД). I 212
- «В стране, где я забыл тревоги прежних лет». См. «Чаадаеву».
- «В твою светлицу, друг мой нежный». (5 июня — 18 июля 1821 г.; авт. 65 ЛБ). I 335
- «В те дни, когда мне были новы». См. «Демон».
- «В тревоге пестрой и бесплодной». См. «В альбом А. О. Смирновой».
- «В утлом челне и беззвездною ночью». См. *Nes teme, nes timide*.
- «В часы забав иль праздной скуки». Станцы. (19 января 1830 г.; *у. рук. стих.* 32). II 79
- «В чистом поле серебрится». См. «В поле чистом серебрится».
- «В чужбине свято наблюдаю». См. «Птичка».
- «В Элизии Василий Тредьяковский». См. «Литературное известие».
- «В Юрзуфе бедный музульман». См. «Недавно бедный музульман».
- Вадим. См. «Свод неба мраком обложился».
- Вакхическая песнь. См. Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»).
- Вакхическая песнь («Что смолкнул веселия глас»). (Январь — первая половина сентября 1825 г.; стих. 29, II). I 287
- «Вам восемь лет, а мне семнадцать било». См. «К бар. М. А. Дельвиг».
- «Вам музы, милые старушки». См. «В. С. Филлимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колапак».
- «Ваш дед портной, ваш дядя повар». См. «Жалоба».
- «Вдали ты зришь утес уединенный». См. «Эвлага».
- «Вези, вези, не жалея». (19 октября 1828 г.; авт. ПД). II 53
- «Везувий вдруг развил» — не введено как относящееся к стих. «Везувий зев открыл».
- «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя». (Авт. — сент. ?; 1834 г. ?; авт. 74 ЛБ). II 197
- «Великий государь» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Великий день Бородина». См. «Бородинская годовщина».
- «Великим быть желаю». См. «Про себя».
- И. Е. Великопольскому. См. Из письма к И. Е. Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось».
- И. Е. Великопольскому. См. Послание к Великопольскому («Так элегическую лиру»).
- Венере от Лаисы («Вот зеркало мое — прими его, Киприда»). (Венере от Лаисы, при посвящении ей зеркала). (Январь — первая половина сентября 1814 г.; *Вест. Евр., 1814 г., № 18*) I 46
- Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала. См. Венере от Лаисы.
- «[Венере], Фебу и Фемиде». (1823 г?; авт. 69 ЛБ). I 348
- «Венец желаньям! И так я вижу вас». (Сентябрь 1817 г.; *Моск. вед. 1855, № 142*) I 378
- Верное предсказание. См. Нравоучительные четверостишия.
- «Вертоград моей сестры». (Подражание песне песней. Подражание). (1825 г.; стих. 29, II) I 294
- «Веселого пути». (Конец мая — начало июня 1825 г.; авт. ПБЛ) I 275

- «Веселый вечер в жизни нашей». См. «27 мая 1819».
- Веселый пир («Я люблю вечерний пир»). (Вечер). (Январь—27 ноября 1819 г.; стих 29, II) I 197
- Вечер. См. Веселый пир.
- «Вечерня отошла давно». (1821 г.; авт. ПБЛ) I 336
- «Вечерняя заря в пучине догорала». См. Наполеон на Эльбе (1815.)
- «Вещали книжники, тревожились цари». См. «За чем ты послан был».
- «Взгляни на млаую, когда свое чело». См. «Красавица перед зеркалом».
- «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок». См. В альбом И. И. Пущину.
- «Взошла луна над дремлющим задивом». См. «Гарааль и Гальвина».
- Ф. Ф. Вигелю («Проклятый город Кишинев»). (Из письма к Ф. Ф. Вигелю. Город Кишинев). (Ноябрь 1823 г. ? авт. 69 ЛБ).
- Ф. Ф. Вигелю («Скучной ролью Телемака»). (Отвст Ф. Ф. Вигелю). (Февраль—нач. марта 1824 г.; Рус. Арх. 1893, № 8) I 385
- Видение короля («Король ходит большими шагами»). См. «Песни западных славян».
- Вино (Ион Хиосский) («Злое дитя, старик молодой») (Из Иона Хиосского). 1833 г. ? 2 янв.; авт. БАН) II 146
- Виноград («Не стану я жалеть о розах»). (1820 г. ? 1824 г. ?; стих 29, I) I, 210
- Вишня («Румяной зарею»). (1815 г. ?; Анн. VII, Библ. зап. 1861 и Герб.) I 374
- «Вкруг я Стурдзы хожу». См. «На А. С. Стурдзу».
- Влах в Венеции. См. «Песни западных славян».
- «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий». («О, Гелиос, внемли, серебряным луком звенящий»; Слепец; Из А. Шенье). (Июнь. 1823 г. ?; авт. 66 ЛБ) I 343
- «Внимает он привычным ухом». См. «История стихотворца».
- «Внимай, что я тебе вещаю». См. Разговор Фотия с гр. Орловой.
- «Вновь я посетил». (Сосны; Опять на родине). (26 сент. 1835 г.; авт. 77 А, ЛБ) II 200
- «Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет». См. «Несчастье Клиты».
- «Во времена царя Дадона». См. «Во дни Дадона».
- «Во глубине сибирских руд». См. «В Сибирь».
- «Во дни Дадона». («Во времена царя Дадона»). (5 июня—18 июля ? 1821 г.; авт. 65 ЛБ) I 364
- «Во ржи был василек прекрасный». См. «Общая судьба».
- «Во сне я вами очастливлен». См. «Когда так нежно, так сердечно».
- Вода и вино («Люблю я полдень воспаленной»). (Январь—нач. июня 1815 г.; Росс. Музеум, 1815 г.; №6) I 92
- «Воды глубокие». (1820-ые гг.; авт. ПД) II 222
- Воевода («Поздно ночью из похода»). (Польская баллада. Из М-а; Из Мицкевича). (28 октября 1833 г.; стих 35) II 133
- Воевода Милош. См. «Песни западных славян».
- «Возможно ль ? вместо роз, Амуром насажденных». См. Красавице, которая нюхала табак.
- Возрождение («Художник-варвар кистью сонной»). (1819 г.; стих. 29, I) I 202
- Война («Война!.. Подъяты наконец»). (Мечты воина). (29 ноября 1821 г.; стих. 29, I) I 224
- «Война!.. Подъяты наконец». См. Война.

- Кж. В. М. Волконской («On peut très bien, mademoiselle...»). (1816 г.; «Вестн. Евр.» 1871, № 7) I 377
- Княгине Э. А. Волконской. При послыске ей поэмы «Цыганы» («Среди рассеянной Москвы»). (6 мая 1827 г.; стих. 29, 11) . . . II 34
- «Волнении жизни утомленный». (25 июня ? 1828 г.; авт. 71 ЛБ) II 172
- Вольное подражание лорду Байрону. См. Моя родословная.
- Вольность. Ода. («Беги, сокройся от очей»). (Свобода). (Июль — декабрь 1817 г. ?; авт. БАН) . . . I 179
- «Ворон к ворону летит». Шотландская песня. (Два ворона). (Январь — первая половина октября 1828 г.; стих. 29, II) II 52
- «Воскресли чувства, ясен ум». См. Таврида.
- «Воспитанный под барабаном». (На Александра I). (1824 г. ?; Русс. вест., 1869, № 11) I 386
- Воспоминание. К Пушкину («Помнишь ли, мой брат по чаше»). (1815 г. ?; Ник и посм. изд.) . . . I 120
- Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день»). (19 мая 1828 г.; стих 29, II) . . . II 47
и 278
- Воспоминания в Царском селе («Воспоминаньями смущенный»). (14 декабря 1829 г.; авт. 82 ЛБ) II 178
- Воспоминания в Царском селе («Навис покров угрюмой ночи»). (Конец 1814 г.; Росс. Музеум, 1815 г., № 4 и авт. ПД) . . . I 49
- «Воспоминаньем упоенный». См. Элегия.
- «Воспоминаньями смущенный». См. «Воспоминания в Царском селе».
- «Восстань, боязливый». См. «Подражания Корану».
- «Восстань, о Греция, восстань». (1829—1830 гг.; авт. ПД) II 185
- «Вот Виля — он любовью дышет». (На Кюхельбекера). (1816 г. ?; авт. ПД) . . . I 160
- «Вот еврейка с Тадарашкой». См. «Раззевавшись от обедни».
- «Вот здесь лежит больной студент». (Надпись на стене больницы. На Пушкина). (Май 1817 г.; Майков) I 378
- «Вот зеркало мое — прими его, Киприда». См. Венере от Лансы.
- «Вот, Зина, вам совет: играйте». См. В альбом Е. Н. Вульф.
- «Вот карапузик наш, монах». См. «Портрет».
- «Вот Коцит, вот Ахерон». («Что козырь? — черви — мне ходить»; «Кто там? — Здорово, господа»; «— Я дамой крою»; «Так вот детей земных изгнание»; Отрывки из адской поэмы). (1825 г.; авт. БАН, авт. 70 ЛБ) I 356
- «Вот муза, резвая болтунья». См. «Посвящение «Гавриилады»».
- «Вот перешед чрез мост Кокушкин». См. «На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе».
- «Вот перешедши мост Кокушкин». См. «На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе».
- «Вот Хвостовой покровитель». См. «На кн. А. Н. Голицына».
- «Враги мои, покамест я ни слова». См. «Приятелям».
- «Всё в жертву памяти твоей». (1825 г.; авт. ПД) I 295
- «Всё в ней гармония, всё диво». См. «Красавица».
- «Всё в таинственном молчаньи». См. «Гроб Анакреона».
- «Все говорят: он Вальтер-Скотт» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Всё жалобы, упреки, слезы». См. III т.

- «Все кончено: меж нами связи нет». (1824 г. ?; авт. 69 ЛБ) I 355
- «Все миновалось». См. Измены.
- «Все мое, сказала злато». См. «Золото и булат».
- «Все ненавистно становится» — не введено, как относящееся к «И я слышал, что божий свет».
- «Все пленяет нас в Эсфири». См. «Эпиграмма на А. М. Колосову».
- «Все призрак, суета». (Апрель — ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ) I 325
- «Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла». («Со мной одни воспоминанья»). (15 мая 1829 г.; авт. 82 ЛБ) II 65
- Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров»). (В***му) (27 ноября 1819 г.; стих 29, I) . . . I 197
- «Всегда так будет и бывало». (1821 г. ?; Анн VII) . . . I 231
- «Всей России притеснитель» См. «На гр. Аракчеева».
- «Всем красны боярские конюшни». («Чистой, прислугой и пойлом», Боярские конюшни). (Конец 1828 г.; авт. 68 ЛБ) . . . II 174
- «Встарь Голицын мудрость веси». (1826 г.; Герб.) . II 221
- «Встречались мне наперсники молвы» — не введено, как относящееся к стих. «Ты прав, мой друг».
- «Встречаюсь я с восемнадцатой весной». См. Послание к кн. А. М. Горчакову.
- «Всю жизнь провел в дороге» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Второе послание к Аристарху. См. Второе послание к цензору.
- Второе послание к цензору. («На скользком поприще Тимковского наследник»). (Второе послание к Аристарху). (Сентябрь — декабрь 1824 г.; авт. 67 ЛБ) I 267
- «Vous me demandez mon portrait». См. Mon portrait А. И. Вульф. См. «За Netty сердцем я летаю».
- А. Н. Вульф («Увы! Напрасно деве гордой»). (1825 г. ?; Ефр. 1880, I) . . . I 386
- А. Н. Вульф («Здравствуй, Вульф, приятель мой!») (Из письма). (20 сентября 1824 г.; Русск. арх. 1867 г. № 1) I 252
- Вурдулак. См. «Песни западных славян».
- «Вчера был день разлуки шумной». См. «Друзьям».
- «Вчера за чашей пушшевою». См. Слеза.
- «Вчера мне Маша приказала». См. К Маше.
- «Вы дни [протекшие]». («Часы, протекшие в живом очарованьи»; «Теките медленней»; «Вы, промелькнувшие в живом очарованьи»). (5 июня—18 июля? 1821 г.; авт. 65 ЛБ) . . . I 364
- «Вы за «Онегина» советуете, други». (Попытка вернуться к «Евгению Онегину»). II 202 и 281
- «Вы избалованы природой». См. «Ел. Н. Ушаковой».
- «Вы промелькнувшие в живом очарованьи». См. «Вы дни, [протекшие]».
- «Вы соединить могли с холодностью сердечной». См. В альбом Е. Я. Сосницкой.
- Выздоровление («Тебя ль я видел, милый друг?»). (Март? 1818 г.; стих. 29, I) I 184
- «Высоко над семьею гор». См. «Монастырь на Казбеке».
- Кн. П. А. Вяземскому. См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому («В глуши, измучась жизнью пустыной»).
- Кн. П. А. Вяземскому. См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Сатирик и поэт любовный»).
- Кн. П. А. Вяземскому («Зачем, забывши славу»). (Экспромпт) (4 сентября 1817 г.; авт. ПБЛ) . . . I 371
- Кн. П. А. Вяземскому («Язывительный поэт, остряк замысловатый»). (Апрель — май? 1821 г.; авт. 65 ЛБ) I 334
- «Вянет, вянет лето красно» См. К Наташе.

- Ф. Н. Г-ке. См. Ф. Глинке.
«Гайдук Хризич. См. «Песни западных славян».
- Гараль и Гальвина («Взошла луна над дремлющим заливом»). (1814 г. ?; Рус. арх., 1876 № 10) I 81
- «Гауншильд и Энгельгардт». (Первые числа июня 1817 г.; авт. ПД). I 371
- «Где мир одной мечте послушной» ранняя редакция стих. «Окно».
- «Где наша роза?», См. Роза.
- «Где слез во мраке льются реки». («В Геенне праздник», Отрывки из Адской поэмы). (1821 г.; авт. 65 ЛБ). I 336
- «Где ты, ленивец мой?» См. Послание к Галичу
- «Генерал не попал». (1821 г.; авт. БАН) I 364
- Генералу Пушкину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел»). («И скоро, скоро смолкнет брань»; П. С. Пушкину). (1821 г.; коп. БАН). I 228
- Герой («Да, слава в прихотях вольна»). (Октябрь 1830 г.; «Телескоп» 1831 № 1). II 95
- «Глаз скосив на ус кудрявой». См. Усы. Философическая ода.
- Ф. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной»). (Ф. Н. Г-ке, К Ф. Н. Глинке). (1822 г.; авт. 1254 ЛБ) I 241
- «Глубокой ночи на полях». См. Наездники.
- «Глухой глухого звал к суду судьи глухого». (1830 г.; авт. 87 ЛБ). II 99
- «Глядит на светлые края». См. Шумит кустарник. На утес».
- «Гляжу, как безумный на черную шаль». См. Черная шаль.
- Гнедичу. См. «В стране, где Юлией венчанный».
- Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье»), (К М. А. Г., Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой). (Ко-
- нец мая — декабрь 1823 г.; Карм. кн. для любит. русск. стар. и слов. на 1830 г.). I 248
- Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой. См. Кн. М. А. Голицыной. Кн. Голицыной. Посылая ей оду «Вольность» («Простой воспитанник природы». (Июль — декабрь 1817 г. ? авт. БАН). I 182
- «Гонимый рока самовластьем». См. В альбом.
- «Горишь ли ты, лампада наша». См. Я. Н. Толстому.
- Город Кишинев. См. Ф. Ф. Вигеляу («Проклятый город Кишинев»).
- «Город пышный, город бедный». (К А. А. Олениной). (1828 год; стих. 29, II) II 58
- Городок. К*** («Прости мне, милый друг»). (К О. С. Пушкиной). (1814 г. ?; Росс. Музеум, 1815 г. № 7, Библ. зап., 1861 г., № 9) I 68
- Кн. А. М. Горчакову. См. «Но я не тот, мои золотые годы».
- Князю А. М. Горчакову. См. Послание к кн. А. М. Горчакову («Питомец мод, большого света друг»).
- Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном»). (Август 1815 г. ?; авт. ЦА) I 116
- В. П. Горчакову («Зима мне рыхлою стеною»). [Из письма к В. П. Горчакову]. [Конец января 1823 г.; Моск. Ведом. 1858 г. № 19]. I 246
- «Господин фон-Адеркас — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Г<осподина> Шафонского. См. «Надо помянуть, непременно помянуть надо».
- «Гремят народны клики». См. «Зачем раздался гром войны».
- «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем». (1821 г. — 1822 г.; авт. ПД). I 342

- «Гречанка, прелесты! пред тобой». См. «Эллеферия, пред тобой».
- «Гречанка, я люблю тебя». См. «Эллеферия, пред тобой».
- Гречанке («Ты рождена воспламенять»). (1822 г.; стих. 29, I) I 238
- Гроб Анакреона («Всё в таинственном молчаньи»). (1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ) I 108
- Гроб Анакреона («Всё в таинственном молчаньи»).
- (1825 г.; не позднее июля; стих. 29, I) I 300
- Гроб юноши («...Сокрылся он»). [Элегический отрывок]. (Июль 1821 г.; стих. 29, I). I 218
- «Гроза луны, свободы воин». См. Дочери Карагеоргия.
- «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую». См. Художнику.
- Гусар («Скребицей чистил он коня»). (18 апреля 1833 г.; стих. 35). II 135

Д

- Д***у. См. А. Л. Давыдову. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма.
- «Да, слава в прихотях вольна». См. Герой.
- «Да сохранит тебя твой добрый гений». См. Кюхельбекеру.
- «Давайте пить и веселиться». См. Добрый совет.
- «Давно ли тайными судьбами». (Январь — август 1819 г.; авт. 64 ЛБ) I 324
- «Давно об ней вспоминаешь». См. Кн. М. А. Голицыной.
- А. Л. Давыдову. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма («Нельзя, мой толстый Аристипп»). (Д***у). (Апрель 1824 г.; стих. 29, I). I 250
- В. Л. Давыдову («Меж тем, как генерал Орлов»). (Первые числа апреля 1821 г.; авт. 65 ЛБ; коп. Анненкова) I 328
- Д. В. Давыдову. Присылке «Истории Пугачевского бунта» («Тебе, певцу, тебе герою»). [18 января 1836 г.; «Соврем.» 1837 № 1] II 158
- Д. В. Давыдову. См. «Недавно я в часы свободы».
- Д. В. Давыдову. См. «Певец-гусар, ты пел биваки».
- «Дай, Никита мне одеться». [1820 — 1822 г.; Русс. арх. 1866] I 384
- «Дар напрасный, дар случайной». (26 мая 1828 г.; у. рук. стих. 32). II 48
- Два ворона. См. «Ворон к ворону летит».
- «Два дубочка вырастают рядом». См. Сестра и братья.
- «Два чувства дивно близки нам». (1831 г.; авт. ПД). II 191
- 27 мая 1819 г. («Веселый вечер в жизни нашей»). (27 мая 1819 г.; Щерб.) I 191
- 26 мая 1828. См. «Дар напрасный, дар случайный».
- Движение («Движенья нет, сказал мудрец брадатый»). (Июль? — ноябрь 1825 г.; стих. 29, II). I 292
- «Движенья нет, сказал мудрец брадатый». См. Движение.
- Двум Александрам Павловичам. («Романов и Зернов лхой»). [Эпиграмма]. (1814 г.; лиц. рук. сб. ПД). I 374
- Дева. См. Буря
- «Дева,» (1827 — 1829 г.; авт. ЛБ). II 78
- Дева («Я говорил тебе: страшися девы милой») (1821 г.; стих. 29, I). I 227
- 19 октября («Роняет лес багряный свой убор»). (19 октября 1825 г. Лицейская годовщина). (Октябрь 1825 г.; стих. 29, II; авт. ПД) I 289 и 390
- 19 октября. 1827 г. («Бог помочь вам, друзья мои»); (К товарищам молодости;

- Х Лицейская годовщина). [19 октября? 1827; ц. рук. стих. 32] II 36
- 19 октября 1828 («Усердно помолившись богу»). (Лицейская годовщина). (19 октября 1828 г.; авт. ПД). II 53
- 19 октября 1831. См. «Чем чаще празднует лицей».
- 19 октября 1836 г. См. «Была пора: наш праздник молодой».
- Делибаш («Перестрелка за холмами»). (14 — 18 июня 1829 г. и 7 сентября 1830 г.; ц. рук. стих. 32). II 85
- Делия («Ты ль передо мною»). (1815 г.; Ник.) I 122
- Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью»). (1825 г.; не позднее июля; стих. 29, I). I 299
- Дельвигу (1821 в марте) («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»). [К Дельвигу. Из письма]. (23 марта 1821 г.; авт. 67 ЛБ) I 212
- Демон («В те дни, когда мне были новы»). [Мой демон]. (Октябрь — ноябрь 1823 г.; стих. 29, I). I 248
- «День блаженства настоящий». (1827—1829 г.г.; авт. ЛБ) II 78
- Дервня («Приветствую тебя, пустынный уголок»). (Уединение). (Июль 1819 г.; стих. 29, I и авт. ЦА). I 194
- Десятая заповедь («Добра чужого не желать»). (1821 г.; коп. БАН). I 384
- Дионея («Хроמיד в тебя влюблен»). Идиллия, Антологический отрывок. [Апрель — июль 1821 г.; стих. 29, II] I 219
- «Dis moi, pourquoi «L'Escapoteur». (1809 — 1811 г.; Анн. II). I 373
- «Дитя, не смею над тобой». См. Младенцу.
- «Дитя харит и вображенья». См. К живописцу.
- «Для берегов отчизны дальней». (Разлука). (27 ноября 1830 г.; авт. ПД). II 97
- «Для твоего поэта» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «До меня доходят». («Непримиримую судьбою», «Молвой покинутый», «Младых пиров»). (Август 1821 г.; авт. 65 ЛБ). I 335
- «Добра чужого не желать». См. «Десятая заповедь».
- Добрый совет («Давайте пить и веселиться»). (1817 г.; авт. ПД). I 182
- Добрый человек («Ты прав, несносен Фирс ученый»). (1817 г.; стих. 29, II). I 183
- «Довольно битвы мчался гром». См. Принцу Оранскому.
- «Догаресса молодая». См. «Ночь светла; в небесном поле».
- «Догорала молодая». См. «Ночь светла; в небесном поле».
- «Долго ль мне гулять на свете». См. «Дорожные жалобы».
- «Долго сих листов заветных». См. В альбом.
- Домовому («Поместья мирного незримый покровитель»). (Июль — август 1819 г.; стих. 29, I) I 195
- Дон («Блеща средь полей широких»). (Сентябрь — декабрь 1829 г.; ц. рук. стих. 32) II 75
- Дорида («В Дориде нравятся и локоны златые»). (Январь—нач. марта 1820 г.; стих. 29, I) I 204
- Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить»). (Январь 1820 г.; стих. 29, I). I 204
- Дорожные жалобы («Долго ль мне гулять на свете») (Дорожные стихи). (4 октября 1829 г.; ц. рук. стих. 32) II 68
- Дорожные стихи. См. Дорожные жалобы.
- Дочери К. Г. См. Дочери Карагеоргия.
- Дочери Карагеоргия («Гроза луны, свободы воин»). (Дочери К. Г., Дочери Черного Георга). (5 октября 1820 г.; стих. 29, I). I 207
- Дочери Черного Георга. См. Дочери Карагеоргия.
- «Дробясь о мрачные скалы». См. Обвал.

- «Друг Дельвиг, мой парнасский брат». См. Дельвигу. (1821 в марте).
- «Друг милый, отроком». См. «Брат милый! отроком».
- «Друг мой милый, красно солнышко мое» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Друг сердечный мне наемный говорил». (1830-ые годы; авт. БАН) II 211
- Другу от друга. См. «Когда сожмешь ты снова руку».
- Дружба («Что дружба? Легкий пыл похмелья»). (Конец октября 1824 г. — первая половина марта 1825 г.; стих. 29, II) I 273
- «Друзья, досужный час настал». См. Пирующие студенты.
- «Друзья, простите! Завещаю». См. Завещание К.
- Друзьям. См. Мое завещание.
- Друзьям («Богами вам еще даны»). (1825 г.? не позднее июля; стих. 29, I) I 301
- Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»)» (Вакхическая песнь; К-у, П-им и Г-ву; Кеку, Полторацким и Горчакову). (15 февраля 1822 г.; стих. 29, I) I 232
- Друзьям («К чему, веселые друзья»). (1816 г.; авт. 64 ЛБ) I 149 и 387
- «Дубравы, где в тиши свободы») («Дубровы, где в тиши свободы»). (Июнь 1817 г.—ноябрь 1818 г.; авт. 64 ЛБ) I 322
- «Дубровы, где в тиши свободы». См. «Дубравы, где в тиши свободы».
- Кн. Дундукову. См. «В Академии Наук».
- «Духовной жаждою томим». См. Пророк.
- «Душа моя Павел». См. В альбом кн. П. П. Вяземскому.
- Дядя, назвавшему сочинителя братом («Я не совсем еще рассудок потерял»). [Первая половина января 1817 г.; Ник.] I 162 и 388

Е

- Еврейке. См. «Христос воскрес, моя Реввека».
- «Его стихов пленительная сладость». См. К портрету Жуковского.
- «Едва уста красноречивы». (К бокалу). (Июль 1826 г.; авт. 68 ЛБ) II 164
- «Едва царем он стал» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Ее глаза. В ответ на стихи князя Вяземского. (Ответ, К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами) («Она мила—скажу меж нами»). (1828 г.; «Отгч. Зап.» 1841 г. № 2) II 58
- Езерский. См. Родословная моего героя.
- Ех ungue leonem («Недавно я стихами как-то свистнул»). (1—22 июня 1825 г.; стих. 29, II) I 275
- С. С. Есакову. См. «И останешься с вопросом».
- «Если в жизни поднебесной». (1828 г.?; «Библ. для чт.» 1859, № 4) II 61
- «Если ехать вам случится». (1833 г.; сент. — окт. 1835 г.; авт. ПД) II 201
- «Если жизнь тебя обманет». (Стихи в альбом). (Январь? — август? 1825 г.; стих. 29, II) I 287
- «Есть в России город Луга». (Лето 1817 г.; «Моск. Вед.» 1855 г. № 142) I 378
- «Есть роза дивная: она». (Сонет «Три розы на свете цветут»). (1 апреля 1827 г.; Библ. зап. 1859, стб. 185) II 33
- «Есть у моря под скалой» [Уединенная пещера; «...у моря под скалой»] — не включено, как относящееся к стих. «Приют любви, он вечно полн».
- «[Еще дуют холодные ветры]» [«Только-что на проталинах весенних»]. (Конечная 1828 г.; авт. БАН) II 171
- «Еще одной высокой, важной песни». (Конеч декабрь 1829 г.; авт. 82 ЛБ) II 180

Ж

- Жалоба («Ваш дед портной, ваш дядя повар»). (1823 г.; авт. 69 ЛБ) I 249
- «J'ai possédé maitresse honnête». (1821 г.; авт. 65 ЛБ) I 337
- «Je chante ce combat, que Toly remporta». (La Tolyade). [1809 г. — 1811 г.; Анн I] I 373
- «Je t'aime tant». (1818 г.; авт. 64 ЛБ). I 381
- «Желал бы быть твоим, Семенова, покровом». См. Нимфодоре Семеновой.
- «Желал я душу освежить». [«Хотел я душу освежить»]. (1832 г.; авт. БАН) II 191
- «Желали прав они: права им и даны — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Желание. См. «Кто видел край, где роскошью природы».
- Желание. См. «Христос воскрес, питомец Феба».
- Желание («Медлительно влекутся дни юон»). (Уныние). (1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ) I 142
- Желание славы («Когда любовию и негой упоенный»). [Элегия]. (7 июля 1825 г.; стих. 29, II) I 281
- «Женись». — На ком? (Женитьба). 1830 г.; авт. ПД) II 189
- Женитьба. См. «Женись». — На ком?».
- Жених. Простонародная сказка («Три дня купеческая дочь»). (30 июля 1825 г.; стих. 29, II). I 283
- Жив, жив курилка! («Как! жив еще курилка журналист»). (На М. Т. Каченовского). (Вторая половина марта—первая половина мая 1825 г.; авт. 1254 ЛБ). I 274
- «Жил был поп толоконный лоб». См. Сказка о попе и работнике его Балде.
- «Жил старик со своею старухой». См. Сказка о рыбаке и рыбке.
- «Жил на свете рыцарь бедный». См. Легенда.
- «Житье тому, любезный друг». См. К Щербинину.
- «Житье тому, мой милый друг», — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «[Жуковский, как ты палишь и как ты мил]». (1820 г.; авт. ПБЛ) I 364
- «Жуковский [наш] святой» См. «Жуковский—святой».
- «Жуковский — святой». (На современных поэтов, «Жуковский наш святой»). (Декабрь 1823 г.; авт. 69 ЛБ). I 365
- Жуковскому. См. «Штабс-капитану, Гете, Грегу».
- Жуковскому. На издание книжек его для немногих («Когда к мечтательному миру»). [К Жуковскому]. (Март — 13 апреля 1818 г.; стих. 29, I) I 185 и 389
- «Журналами обиженный жестоко». См. Эпиграмма.
- Журнальным приятелям. См. Приятелям

З

- «За все заботы и награды». (1830-ые гг.; авт. 87Б, ЛБ). II 214
- «За горами, за лесами». (1834 г.; Ершов «Конек-горбунок») II 197
- «За кость поссорились собаки». См. Безвредная ссора.
- «За Netty сердцем я летаю». (А. И. Вульф). (Конек октября—ноябрь 1828 г.; Анн. VII) II 55
- «За нею по наклону гор» — не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».
- «За старые грехи наказанный судьбой». (Январь — ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ). I 325
- «За трапезой царской» (Куплеты Эристова)—не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «За ужином объелся я»,

- (1818 г.; Рус. арх. 1866, № 8—9). I 381
- «Зачем ты послан был, и кто послал тебя?» (Наброски стихов о революции и Наполеоне; «Вещали книжники»). (Май — июнь 1824 г.; авт. 70 ЛБ) . . . I 348
- «Забудь, любезный мой К-ин». См. К Каверину («Забудь любезный мой Каверин»).
- «Забудь, любезный мой Каверин». См. «К Каверину».
- «Забыв и рошу и свободу». («Забыл и рошу и свободу»). (1836 г.; авт. БАН) II 163
- «Забыл и рошу и свободу». См. «Забыв и рошу и свободу».
- Завещание К. («Друзья, простите! завещаю»). (1816 г.; коп. ПД) I 377
- «Завидую тебе, питомец моря смелый». (К питомцу моря; К Матюшкину). (Вторая половина 1823 г.; авт. 69 ЛБ) I 346
- Загадка. См. «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы».
- Заздравный кубок («Кубок янтарный»). («Кубок желый»). (1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ) I 135
- Заклинание («О, если правда, что в ночи»). (17 октября 1830 г.; авт. БАН) . . . II 94
- Закон природы. См. Нравоучительные четверостишия. Гр. А. Ф. Закревской. См. Портрет.
- Залог любви. См. «Пускай увенчанный любовью красоты».
- Записка к Жуковскому («Равеский, молодец прежний»). (Лето 1819 г.; авт. ПБА). I 195
- Записка к приятелю. См. «Сегодня я поутру дома».
- «Заступники кнута и плети». (1825 г.; авт. 70 ЛБ) . . . I 358
- «Заутра с свечкой грошевою». (1815—1816 г.; Соврем., 1863 г., № 7) I 129
- «Зачем безвременную скуку». См. К С. Ф. Пушкиной.
- «Зачем, Елена, так пугливо». (Ноябрь? 1829 г.; авт. 82 ЛБ) II 178
- «Зачем, забывши славу». См. Кн. П. А. Вяземскому.
- «Зачем из облака выходишь». См. Месяц.
- «Зачем кричишь ты, что ты дева». См. На Пучкову.
- «Зачем об инвалидной доле». См. Эпиграмма на Пучкову.
- «Зачем раздался гром войн». («Себе ты выбрал, Зензевей», «В Армении, в палаты Зензевея», «Гремят народны клики», «Съезжаются могучие цари», «Отрывки из сказки или поэмы»). (Июнь — июль? 1822 г.; авт. 65 и 66 ЛБ). I 339
- «Зачем твой дивный карандаш». См. То Dawe esq-г.
- «Зачем ты, грозный аквилон». См. Аквилон.
- «Зачем я ею очарован». («Она небрежная»). (1830 г.; авт. ПД) II 189
- «Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою». См. Моя эпитафия.
- «Здорово, Юрьев, именинник». См. К Ф. Ф. Юрьеву.
- «Здравствуй Вульф, приятель мой». См. А. Н. Вульфу.
- «Здравствуй, друг мой Павел». См. В альбом кн. П. П. Вяземскому.
- «Здравствуй, кругля соседка». См. «Раззевавшись от обеда».
- «Земля достигнув, наконец». См. Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной.
- Земля и море. Идиллия Москва. («Когда по синеве морей»). (Морской берег, Море и земля). (8 февраля 1821 г.; стих. 29, 1) . . . I 211
- «Земля недвижна; неба своды». См. Подражания Корану.
- «Зима мне рыхлою стеною». См. В. П. Горчакову.
- «Зима. Что делать нам в деревце». (2 ноября 1829 г.; ц. рук. стих. 32).
- Зимнее утро («Мороз и солнце»). (3 ноября 1829 г.; ц. рук. стих. 32). II 71
- Зимний вечер («Буря мглою небо кроет»). (1825 г.; ц. рук. стих. 32). I 295

- Зимняя дорога («Сквозь волнистые туманы»). (Ноябрь — декабрь 1826 г.; стих. 29, II) II 31
- «Злое дитя, старик молодой». См. Вино.
- «Знакомец милый и старинной». См. К сну.
- Золото и булат («Всё мое, сказало злато»). [С французского]. (1827 г.? не позднее нач. января; стих. 29, II) II 43
- «Зорю бьют... из рук моих». (Июль—декабрь 1829 г.; авт. 82 ЛБ) II 179
- А. Н. Зубову («Когда погаснут дни мечтанья»). См. В альбом А. Н. Зубову.

И

- «И вот ущелье мрачных скал» [1829 г.? Июль—декабрь?; авт. 82 ЛБ] II 181
- «И вы поверить мне могли» — другая редакция стих. «Кокетке» («Послушайте, вам тридцать лет»).
- «И дабы впредь не смел чудесить». См. «Короче дни, а ночи доле».
- «И дале мы пошам» [Подражание Данту] [1832 г.?; авт. БАН] II 192
- «И девицы без блонд и жемчугов» — не введено, как относящееся к «Домику в Коломне».
- «И недоверчиво и жадно». См. «Ответ А. И. Готовцевой».
- «И останешься с вопросом» [Экспромпт, С. С. Есакову] [1812 г. — март 1817 г.; Майков] I 279
- «И путник усталый на бога роптал». См. Подражания Корану.
- «И скоро, скоро смолкнет брань». См. Генералу Пушкину.
- «И ты, любезный друг, оставил». См. К Н. Г. Ломосову.
- «И чувствую душа в сей час» — не введено, как относящееся к стих. «На холмах Грузии лежит ночная мгла».
- «И я слышал, что божий свет свет». См. «И я слышал, что божий свет».
- «И я слышал, что божий свет» [«И я слышал, что белый свет»] [1818 г.?; авт. ПД] I 323
- «Иван-царевич по горам». См. «Иван царевич по лесам».
- «Иван-царевич по лесам».
- [«Иван-царевич по горам»] [Ноябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 353
- «Играй, Адель». См. «Адели».
- «Играй, прелестное дитя». [1825 г.?; авт. 70 ЛБ] I 367
- «Идиллия». См. Дионея («Хромид в тебя влюблен»).
- Идиллия Мосха. См. Земля и море.
- Из Alfieri. См. «Сомнение, страх, порочную надежду» (Из Анакреона). См. Ода LVI («Поредели, побелели»).
- (Из Анакреона). См. Ода LVII («Что же сухо в чаше дно»).
- (Из Анакреона). Отрывок («Узнают коней ретивых») [«Узнаем коней ретивых»]. [6 января 1835 г.; авт. БАН] II 150
- Из Ариостова «Orlando Furioso» («Пред рыцарем блещит водами») [Июль? 1826 г.; авт. БАН]. II 22
- Из Арно. См. Уединение («Блажен, кто в отдаленной сени»).
- (Из Афеня). См. Подражания древним.
- Из Байрона. См. «Нет ветра — синяя волна».
- Из Байрона. См. «То было вскоре после боя».
- Из Буньяна. См. Странник.
- Из Вольтера. См. Сновидение («Недавно обольщен прелестным сновиденьем»).
- Из Вольтера. См. Стансы («Ты мне велишь пылать душою»).
- Из Гафиза. См. «Не пленяйся бранной славой».

- Из Гонзаго. См. С португальского.
- Из Горация. См. «Кто из богов мне возвратил».
- Из Горация. См. «Царей потомок, Меценат».
- «Из Гурьева-городка» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Из «Гяура» Байрона. См. «Нет ветра — синяя волна».
- Из записки к приятелю. См. «Куда же ты? в Москву».
- Из записки к приятелю. См. «Сегодня я поутру дома».
- Из Иона Хиосского. См. Вино.
- Из Катутла. См. Мальчику.
- (Из Ксенофана Колофонского). См. Подражания древним
- Из М—а. См. Будрыс и его сыновья.
- Из М—а. См. Воевода.
- Из Маро. См. Старик.
- Из Марота. См. Старик.
- Из «Мецената» Горация. См. «Царей потомок, Меценат»
- Из Мицкевича. См. Будрыс и его сыновья.
- Из Мицкевича. См. Воевода.
- Из Томаса Мура. См. Эхо.
- Из Альфреда Мюссе. См. Из Пиндемонте.
- Из Пиндемонте («Не дорого ценю я громкие права») [Из VI Пиндемонте, Из Альфреда де Мюссе.] [5 июля 1836 г.; авт. БАН] II 159
- Из письма. См. «Блажен, кто в шуме городском».
- Из письма. См. «Брови царь нахмура».
- Из письма. См. А. Н. Вульфю.
- Из письма. См. Ф. Глинке.
- Из письма. См. Дельвигу (1821 в марте) («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»).
- Из письма. См. П. А. Плетневу («Ты издал дядю моего»).
- Из письма. См. «Христос воскрес, питомец Феба».
- Из письма. См. В. В. Энгельгардту. («Я ускользнул от Эскулапа»).
- Из письма к Н. С. Алексееву («Прощай, отшельник бессарабской») [1 декабря 1826 г.; авт. ПД] . . . II 30
- Из письма к брату. См. «Что же будет ли вино?».
- Из письма к И. Е. Великопольскому («С тобой мне вновь считается доверлось»). [И. Е. Великопольскому]. [3 июня 1826 г.; авт. ПД] II 21
- Из письма к Ф. Ф. Вигелю. См. Ф. Ф. Вигелю («Проклятый город Кишинев»).
- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («А в ненастные дни...») [1 сентября 1828 г.; авт. ДА] II 50
- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («В глуши измучась жизнью постной») [Кн. П. А. Вяземскому] [Конец октября — начало ноября 1825 г.; авт. ДА] I 288
- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер...») [14 августа 1831 г.; авт. ДА] II 101
- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Сатирик и поэт любовны») [Кн. П. А. Вяземскому]. [12 сентября 1825 г.; авт. ДА] I 288
- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Так море, древний душегубец»). [14 августа 1826 г.; авт. ДА] II 25
- Из письма к Н. И. Гнедичу. См. «В стране, где Юлией венчанный».
- Из письма к В. П. Горчакову. См. В. П. Горчакову.
- Из письма к А. Г. Родзянке («Прости, украинский мудрец») [8 декабря 1824 г.; авт. Харьковской унив.] I 266
- Из письма к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы»). [Из письма к А. О. Смирновой]. [Середина сентября 1831 г.; Русск. Арх. 1871. стб. 1881—2] II 103
- Из письма к А. О. Смирновой. См. Из письма к А. О. Россет.
- Из письма к С. А. Соболевскому («У Гальяни иль Кольони») [С. А. Соболевскому]. [9 ноября 1826 г.; авт. ДА] II 28

- Из подражаний Корану. См. «Слаб и робок человек». «Из Рима ехал он домой». См. «Короче дни, а ночи доле».
- Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью»). [20 апреля 1835 г.; «Совр.» 1836, г. I] II 152
- Из А. Шенье. См. «Внемли, о Гелиос».
- Из VI Пиндемонте. См. Из Пиндемонте.
- Из Шиллера. См. Пуншева песня.
- Из Ювенала. См. «От западных морей».
- «Избави, господи, ума тако-го». См. Молитва лейб-гусарских офицеров.
- «Изгнание — славно, спору нет» — не введено как относящееся к стих. Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша») или Боратынскому из Бессарабии («Сия пустынная страна»).
- «Издавна мудрые искали». См. Истина.
- «Издrevле сладостный союз». См. К. Языкову.
- Измены («Всё миновалось»). [1812—1815 г.г.; Росс. Музеум, 1815 г., № 12] I 118
- Именины («Умножьте шум и радость»). [1817 г.; стих. 29, II] I 182
- «Иной имел мою Аглаю» [1821 г. — 24 января 1822 г.; авт. 1254 ЛБ] I 232
- Иностранке («На языке тебе невнятном») [К иностранке. В альбом]. [18—19 мая 1824 г.; стих. 29, II] I 250
- Ион Хносский. См. Вино.
- Испанский романс. См. «Ночной зефир».
- Исповедь бедного стихотворца. См. Исповедь стихотворца.
- Исповедь стихотворца («Священник» «Кто ты, мой сын?») [Исповедь бедного стихотворца]. [1814 г. г.; коп. Соболевского ЦА] II 274
- Истина («Издавна мудрые искали») [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 139
- История стихотворца («Внимает он привычным ухом») [1817 г.; стих. 29, II] I 183
- «Источник быстрый Каломоны». См. Кольна.
- «Итак, я счастлив был, итак я наслаждался», [29 ноября 1815 г.; авт. ЛБ] I 102
- «Ищи в чужом краю здоровья и свободы». См. Н. Д. Киселеву.

К

- К.... См. К Боратынскому («Стих каждый повести твоей»).
- К—у, П—им и Г—ву. См. Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»)
- К** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной...»). [Март 1817 г. — ноябрь 1818 г.; авт. 64 ЛБ] I 322
- К** («Ты богоматерь, нет сомненья») [К жж. Хованской]. [1824 г.г.; авт. 67 ЛБ] I 270
- К** См. «Подъезжая под Ижоры».
- К*** См. К** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный»).
- К*** См. К. А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье»).
- К*** См. К. С. Ф. Пушкиной
- («Зачем безвременную скуку»).
- К*** См. «Когда твои младые лета».
- К*** См. «Мой друг, забыты мной».
- К*** См. «Счастлив, кто избран своеравно».
- К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой») [Уныние]. [27 ноября 1817 г.; стих. 29, II] I 175
- К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»). [27 октября 1832 г.; Альманах на 1838 г.] II 106
- К*** Городок. См. Городок.
- К***ну. См. Катенину («Кто мне пришлет ее портрет»).
- К***, отсоветовавшему мне вступить в военную службу. См. Орлову.

- К. А. Б*** («Что можем
наскоро стихами молвить
ей?») [1817 г.; стих. 29,
II]. I 182
- К Аглае. См. Кокетке.
- К Анаксатору («Не пугай,
мой милый друг») — рав-
ная редакция стих. «Крив-
цову» («Не пугай нас,
милый друг»).
- К Б*** («Стих каждый по-
вести твоей»). См. К. Бо-
ратынскому.
- К Баболовскому дворцу.
(«Прекрасная! Пускай во-
сторгом насладится») [На
Баболовский дворец] [*Ян-
варь — перв. числа июня
1817 г.; Ник.* I 179
- К Батюшкову, («Философ
резвый и прит»). [1814 г.;
*Росс. Музеум, 1815 г.,
№ 1*]. I 60
и 387
- К бокалу. См. «Едва уста
красноречивы».
- К Боратынскому («Стих
каждый повести твоей») [К
Б***, К...]. [*Втор. пол.
февраля — март 1826 г.;
стих. 29, II*]. II 21
- К брату. См. «Брат милый!
отроком расстался ты со
мною».
- К брату. См. «Что же? Будет
ли вино?».
- К бюсту завоевателя («На-
прасно видишь тут ошиб-
ку»). [Перед бюстом за-
воевателя, На Александ-
ра I, Кумир Наполеона,
«Напрасно видят тут
ошибку». [21 сентября
1829 г.; авт. ПД] II 68
- К вельможе. («От северных
оков освобожда мир»).
[Кн. Н. Б. Юсупову,
Послание к К. Н. Б.
Ю***].
[23 апреля 1830 г.; *у. рук.
стих. 32*]. II 81
- К Е. В. Вельшевой. См.
«Подъезжая под Ижоры».
- К воротам Екатерингофа. См.
Надпись к воротам Ека-
терингофа.
- К кн. П. А. Вяземскому.
См. Из письма к кн. П. А.
Вяземскому («Так море,
древний душегубец»).
- «К. Г. со мною не знаком»
- [Эпиграмма, «Составлен
он из подлой песни», «Я
не видал негодней смеси»].
[*Апрель? 1821 г.; авт.
ПБА*]. I 331
- К Галичу («Пускай угрюмый
рифмотвор») [*Июнь—июль
1815 г.; Росс. Музеум,
1815 г. № 8 и Библ. зап.,
1858 г., № 10*]. I 93
- К генералу А. Ф. Орлову,
отсоветовавшему мне всту-
пить в военную службу.
См. Орлову.
- К Ф. Н. Глинке. См. Ф.
Глинке.
- К Гнедичу. См. «В стране,
где Юлией венчанный».
- К Гнедичу. См. «С Гомером
долго ты беседовал один».
- К М. А. Г. См. Кн. М. А.
Голицыной.
- К Делии. См. Песня («О Де-
ля драгая»).
- К бар. М. А. Дельви́г («Вам
восемь лет, а мне семнад-
цать било»). [22 декабря
1815 г.; *Анн. VII*]. I 102
- К Дельви́гу («Блажен, кто с
юных лет увидел пред
собою»). [*Июнь—июль
1817 г.; Ник. и посм.
изд. IX*]. I 172
- К Дельви́гу («Послушай, муз
невинных») [Ответ].
[1815 г.; авт. коп. 64
ЛБ]. I 103
- К Дельви́гу. См. Дельви́гу
(1821 в марте) («Друг
Дельви́г, мой парнасский
брат»).
- К другу стихотворцу
(«Арист! и ты в толпе
служителей Парнаса!»).
[*Январь—март 1814 г.;
Вест. Евр., 1814 г.,
№ № 13 и 14 и авт.
ЦА*]. I 41
и 387
- К жене. См. «Пора, мой друг,
пора».
- К женщине — поэту. См.
Е. А. Тимашевой.
- К живописцу («Дитя харит
и воображенья»). [1815 г.;
авт. коп. 64 ЛБ]. I 116
- К Жуковскому («Благослови
поэт!.. В тиши парнас-
ской сени»). [Апрель —
первая половина августа
1816 г.; авт. ПД]. I 126

- К Жуковскому. См. Жуковскому («Когда к мечтательному миру»).
- К журнальным приятелям. См. Приятелям.
- К имениннице («Хотя стишки на именины»). [1825 г.; *Анн. VII*]. I 305
- К императрице Елисавете. См. Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны.
- К иностранке. См. Иностранке.
- К К. 1817 г. См. К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»).
- К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»). [*Нач. января* 1817 г.; *Щерб. факс.*]. I 161
- К Каверину («Забурь, любезный мой Каверин...»). [К К. 1817]. [1828 г. не позднее августа; «*Москов. вест.*», 1828, № 17]. II 60
- К Кагульскому памятнику («Победы памятник надменный») — другая редакция стих. «Элегия» («Воспоминаем упоенный»).
- «К кастрату раз пришел скрипач» [1825 г. 10—11 сентября; авт. ПД]. I 304
- К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье») [К***] [19 июля 1825 г.; стих. 29, II]. I 282
- К А. П. Керн. См. «Когда твои молодые лета».
- К Лиде. См. Платоническая любовь.
- К Лицинию. С латинского (Лициний! Зришь ли ты?»). [*Январь* — нач. мая 1815 г.; *Росс. Музеум, 1815 г., № 5* и авт. ЦА]. I 87
- К Н. Г. Ломоносову («И ты, любезный друг, оставил») [Путешественник]. [1814 г.; *Росс. Музеум, 1815 г., № 3*]. I 62
- К Матюшкину. См. «Завидую тебе, питомец моря смелый».
- К Маше («Вчера мне Маша приказала»). [1816 г.; *Ник.*]. I 135
- К моей чернильнице («Подруга думы праздной»). [11 апреля 1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 329
- К молодой актрисе. См. Послање к молодой актрисе.
- К молодой вдове («Лида, друг мой неизменный»). [*Январь*—8 марта 1817 г.; авт. ЦА]. I 162
- К Морфею («Морфей, до утра дай отраду») — другая редакция стих. «К сну» («Знакомец милый и старинный»).
- К морю («Прощай, свободная стихия») [Морю, Прощание с морем]. [*Июль*—сентябрь 1824 г.; стих. 29, I]. I 258
- К Н*. См. «С Гомером долго ты беседовал один».
- К NN. См. К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»).
- К NN. См. «Счастливы ты в прелесных дурках».
- К Н. Я. П. См. Ответ на вызов написать стихи.
- К Наташе («Вянет, вянет лето красно»). [1816 г.; *Ник.*]. I 157
- К Наташе («Недавно тихим вечерком») — не введено, как относящееся к «Руслану и Людмиле».
- К ней («В печальной праздности я лиру забывал»). [1817 г.; *Анн. II*]. I 178
- К ней («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 152
- К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов»). [Овидию]. [26 декабря 1821 г.; стих. 29, I]. I 225
- К О—ой. См. К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада.
- К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада. («Митрополит, хвастун бесстыдной»). [К О—ой]. [Сентябрь 1817 г.; авт. 64 ЛБ]. I 173
- К А. А. Олениной. См. «Город пышный, город бедный».
- К Оленьке Массон. См.

- «Ольга, крестница Киприды».
- К А. И. Осиповой («Мне нет ни в чем от вас потачки») — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- К переводу Илиады («[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера]). [1—10 октября 1830 г.; авт. БАН] II 90
- К письму (« В нем радости мон; когда померкну я»). [1816 г.; Ник.] I 151
- К питомцу моря. См. «Завидую тебе, питомец моря смелый».
- К портрету В—. См К портрету кн. П. А. Вяземского.
- К портрету кн. П. А. Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем»). [Надпись к портрету. Надпись к портрету ***. К портрету В—. К портрету ***.]. [1822 г.; стих. 29, II] I 242
- К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость»). [Май? 1818 г.; стих. 29, II] I 186
- К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар»). [Надпись к портрету П. П. Каверина]. [Январь — перв. числа июня 1817 г.?. Щерб.] I 179
- К портрету П. Х. Молодцова («Не большой он русский барин»). [1817 г.?. коп. ПД] I 380
- К портрету П. Я. Чаадаева («Он вышней волею небес») [Надпись к портрету П. Я. Чаадаева]. [1817 г.?. Вестн. Евр. 1871 г. № 7]. I 380
- К портрету***. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами. См. Ее глаза.
- К О. С. Пушкиной. См. Городок.
- К С. Ф. Пушкиной («За чем безвременную скуку») [К***]. [1 ноября 1826 г.; стих. 29, I] II 28
- К Пушкину. См. Воспоминание.
- К Пушкину. 4 мая («Любезный именинник»). [4 мая? 1815 г.; Росс. Музеум. 1815 г., № 8] I 89
- К сестре («Ты хочешь, друг бесценной»). [1814 г.?. копия П. Е. Щеголева с авт. О. С. Павлишской] . I 66
- К И. В. С. См. И. В. Сленину.
- «К Смирдину как ни зайдешь». [1836 г.?. Библиограф. 1858. № 12]. II 163
- К сну («Знакомец милый и старинной») [К Морфею]. [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 134
- К статуе в Ц. С. См. Царскосельская статуя.
- «К тебе собирался я давно. См. К Языкову.
- К тени полководца. См. «Перед гробницею святой».
- К товарищам молодежи. См. 19 октября 1827 г.
- К товарищам перед выпуском. См. Товарищам.
- К фонтану. См. «Сей белокаменный фонтан».
- К кж. Хованской. См. К** («Ты богоматерь, нет сомненья»).
- К Ч***. См. Чаадаеву. С морского берега Тавриды.
- К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»). [«Любви, надежды, гордой славы»; к NN]. [1818 г.?. коп. в бум. Шильдера ПБЛ] I 189
- К Чаадаеву. См. Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»).
- К Чадаеву. См. Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»).
- «К чему, веселые друзья. См. Друзьям.
- «К чему нескромным сим убором». См. Прелестнице.
- «К чему холодные сомненья. См. Чаадаеву. С морского берега Тавриды.
- К Шишкову («Певец, увенчанный Эратой и Венерой»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 149
- К Щербинину («Житье тому, любезный друг»). [В альбом М. А. Щербини-

- ну). [Июнь — 9 июля 1819 г.; Шерб.] I 192
- К Ю.у. См. Юрьеву («Любимец ветренных Ланс»).
 К Ф. Ф. Юрьеву («Здоровье, Юрьев именинник»). [20—23 сент. 1819 г.; авт. ПД] I 196
- К Я. («К тебе собирался я давно»). См. К Языкову.
 К Яз*** («Яз***, кто тебе внушил»). См. К Языкову.
 К Языкову («К тебе собирался я давно»). [К Я., Н. М. Языкову]. [14 июня 1827 г.; «Сев. цв. на 1829 г.». II 34
- К Языкову («Языков, кто тебе внушил»). [К Яз***]. [28 августа 1826 г.; стих. 29, II] II 25
- К Языкову. Отрывок из послания («Издрекле сладостный союз»). [Из письма, Отрывок из послания к Языкову]. [20 сентября? 1824 г.; ц. рук. стих. 32 и «Совр. обзор», 1868, № 5] I 252
- Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине»). [20 сентября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 67
- «Кавказ подо мною. Один в вышине». См. Кавказ.
 Казак («Раз полунощной порою»). [1814 г.; Росс. Музеум, 1815 г., № 3] I 64
- «Как брань тебе не надоеда». См. Эпиграмма.
 «Как быстро в поле, вокруг открытом». [Конец 1828 г. — нач. 1829 г.; авт. 87 ЛБ] II 176
- «Как весенней теплою порою». [Начало сказки]. [1830 г. ?; авт. 76 В, ЛБ] II 186
- «Как жениться задумал царский арап». [«Черный ворон выбирал белую лебедушку». [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 351
- «Как! жив еще курилка журналист». См. Жив, жив курилка!
 «Как живо колкий Грибоедов» — не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».
- «Как за церковь, за немцкою — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
 «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
 «Как наше сердце своенравно». [13 июня — конец 1823 г.; авт. 66 ЛБ] I 347
- «Как ныне собирается вещей Олег». См. Песнь о вещем Олеге.
 «Как облака на небе» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
 «Как по Волге реке, по широкой». См. Песни о Стеньке Разине.
 «Как покинула меня Парасковья». См. Влак в Венеции.
 «Как роза увядает». [«Лишь розы увядают»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 357
- «Как с древа сорвался предатель-ученик». Подражание италиянскому. [22 июня 1836 г.; авт. БАН] II 159
- «Как сатирой безымянной». Эпиграмма. [Втор. пол. августа — первые числа октября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 69
- «Как сладостно!.. Но, боги, как опасно». [1818 г. ?; авт. 64 ЛБ] I 323
- «Как счастлив я, когда могу покинуть». [23 ноября 1826 г.; авт. БАН] II 164
- «Какая ночь! Мороз трескучий». [Опричник; Крошеник]. [Октябрь — ноябрь ? 1824 г.; авт. 68 ЛБ] I 351
- «Каков я прежде был, таков и ныне я». Отрывок из Андрея Шенье. [1828 г.; ц. рук. стих. 32] II 58
- Калмычке («Прощай, любезная калмычка»). [22 мая 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 64
- «Quand la rose soudain». См. «Ses mânes parfumées».
 «Quand un poète en son extase». См. Couplets.
 Канон в честь М. И. Глинки. См. «Пой в восторге русский хор».
 Кантата. См. Леда.

- Каприз. См. «Румяный кри-
тик мой».
- «Картину раз высматривал
сапожник». См. Сапожник.
- Картины. См. Фавн и пасту-
шка.
- Катенину («Кто мне пришлет
ее портрет»). [К***ну]. [5
апреля 1821 г.; стих. 29, I] I 214
- Кинжал («Свободы тайный
страж, карающий кин-
жал»). [Июль 1821 г.; авт.
у Н. И. Тютчева] . . . I 219
- Кипрейскому («Любимец мо-
ды легкокрылой»). [Конце
мая—конец июля 1827 г.;
авт. 67 ЛБ] II 166
- Кирджали («В степях зеле-
ных Буджака»). [Буджак].
[Август 1828 г.; авт. 71
ЛБ] II 172
- Н. Д. Киселеву («Ищи в чу-
жом краю здоровья и сво-
боды»). [14/26 июня
1828 г.; авт. ЛБ] II 49
- Кишиневские дамы. См.
«Раззевавшись от обед-
ни».
- Кладбище. См. «Когда за го-
родом задумчив я брожу».
- «Клеветник без дарованья».
См. Эпиграмма на Каче-
новского.
- Клеветникам России («О чем
шумите вы, народные
витии») [Французским
журналистам] [2—16 ав-
густа 1831 г.; ц. рук.
стих. 32] II 100
- Клеопатра («Царица голосом
и взором») [Октябрь—де-
кабрь 1824 г.; авт. 67
ЛБ] I 354
- Ключ. См. «В пустыне про-
бился ключ».
- «Клянись четой и нечетой».
См. «Подражания Кора-
ну».
- «Князь Шааликов, газетчик
наш печальный». См. Эпи-
грамма на кн. П. И. Ша-
ликова.
- «Кобылица молодая». Подра-
жание Анакреону. [6 июня
1828 г.; стих. 29, II] . . . II 48
- Коварность («Когда твой друг
на глас твоих речей».)
[18 октября 1824 г.;
стих. 29, I] I 26
- «Когда б не смутное влече-
нье». [«Когда б не смут-
- ное волнение»] [Сентябрь
1833 г.; *Анн. VII*] II 139
- Когда б не смутное волнение.
См. «Когда б не смутное
влечение».
- «Когда б писать ты начал с
дуру». См. Эпиграмма.
- «Когда б родилась ты». См.
«Когда б ты родилась».
- «Когда б ты родилась».
[«Когда б родилась ты»].
[1825 г. ? авт. 68 ЛБ] . . . I 366
- «Когда, бывало, в старину».
См. Ек. Ник. Ушаковой.
- «Когда в объятии мои».
[1831 г.; авт. 72 ЛБ] . . . II 191
- «Когда великое свершалось
торжество». См. Мирская
власть.
- «Когда владыка ассирий-
ский». [Юдифь] [9 ноября
1835 г.; авт. 84 ЛБ и авт. ПД]
[ПД] II 202
- «Когда для смертного умолк-
нет шумный день». См.
Воспоминание.
- «Когда желанием и счастьем
утомленный» — не введено,
как относящееся к стих.
«Желание славы».
- «Когда за городом задумчив
я брожу». [Кладбище].
[14 авг. 1836 г.; авт.
БАН] II 160
- «Когда, к мечтательному
миру». См. Жуковскому.
- «Когда ко граду Константи-
на». См. Олегов щит.
- «Когда луны сияет лик дву-
рогий» — не введено как
относящееся к стих. «Кто
видел край, где роскошью
природы».
- «Когда любовью и негой упо-
енный». См. Желание славы.
- «Когда на поклоненье». См.
Фиаал Анакреона.
- «Когда по синеве морей».
См. Земля и море.
- «Когда погаснут дни мечта-
нья». См. в альбом А. Н.
Зубову.
- «Когда помилует нас бог».
[Вторая половина янва-
ря — первые числа марта
1829 г.; «Библ. для
чтен.», 1859, № 4] II 67
- «Когда порой воспоминанье».
[1830 г.; авт. БАН] II 184
- «Когда Потемкину в потем-
ках». [1828 г. ?; авт. ЦА] II 61

- «Когда пробил последний счастьем час». См. Разлука.
- «Когда сожмешь ты снова руку». [Другу от друга, Н. И. Кривцову] [2 марта 1818 г.; авт. ПБЛ] . . . I 184
- «Когда средь оргий жизни шумной». См. Ф. Глинка.
- «Когда стройна и светлоока». [1828 г. ?; Библ. для чт.] 1859, № 4] II 61
- «Когда так нежно, так сердечно». [«Во сне я вами очастливлен»] [1827 г. ?; авт. БАН] II 171
- «Когда-то, помню, с умиленьем». См. А. Д. Боратынской.
- «Когда твои молодые лета». [К***, К. А. П. Керн]. [1829 г. и 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 76
- «Когда твой друг на глас твоих речей». См. Коварность.
- Козловскому. См. «Ценитель умственных творений исполинских».
- Козлову. По получении от него «Чернеца» («Певец, когда перед тобой»). [15 мая 1825 г.; стих 29, II] I 275
- Кокетке («Послушайте, вам тридцать лет») [Аглае. К Аглае] [1821 г.; авт. 67 ЛБ] I 230
- «Колокольчики звенят». [Октябрь? 1833 г.; авт. 73 ЛБ] II 194
- «Коль ты к Смирдину войдешь». См. «К Смирдину как ни зайдешь».
- Кольна. Подражание Оссиану. («Источник быстрый Каломоны»). [Январь — первая половина июля 1814 г.; Вестн. Евр., 1814 г., № 14] I 43
- «[Конечно] презирать не трудно». [Неизвестн. г.; авт. ПД] I 212
- Конь (Сербская песня). См. Песни западных славян.
- «Король ходит большими шагами». См. Видение короля.
- «Короче дни, а ночи доле». [Из Рима ехал он домой]; «И дабы впредь не смел чудесить»]. [1825 г.; авт. БАН] I 359
- «Краев чужих неопытный любитель». [30 ноября 1817 г.; авт. БАН] I 175
- «Краса, надежда нашей сцены» — не введено как относящееся к стих. «Катенину» («Кто мне пришлет»).
- Красавица. В альбом гр. Е. М. Завадовской («Всё в ней гармония, всё диво»). [1833 г. ?; стих. 35] II 143
- Красавица перед зеркалом («Взгляни на милую, когда свое чело»). [Эпиграмма во вкусе древних]. [9 февраля 1821 г.; стих 29, I] I 211
- Красавице, которая нюхала табак («Возможно ль? вместо роз, Амуром насаженных»). [1814 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 53
- «[Красноречивый забияка]». [1819 г. ?; авт. 64 ЛБ] I 363
- «Красы Лаис, заветные пирры». [Апрель — май? 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 334
- «[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера]». См. К переводу Иллиады.
- Кривцову («Не пугай нас, милый друг»). [К Анаксагору] [Декабрь 1817 г., 1819 г.; стих. 29, I] I 175
- Н. И. Кривцову. См. «Когда сожмешь ты снова руку».
- «Критон, роскошный гражданин». [16 июля 1829 г.; авт. 82 ЛБ]. II 177
- Кромешник. См. «Какая ночь! мороз трескучий».
- «Кругом его цветет шиповник» — не введено как относящееся к VII гл. «Евгения Онегина».
- «Кто б [ни был ты] пастух». См. «Сей белокаменный фонтан».
- «Кто б ни был ты, жога, пловец» См. «Сей белокаменный фонтан».
- «Кто видел край, где роскошью природы». [Желание]. [Апрель 1821 г.; авт. БАН] I 216
и 390

- «Кто, волны, вас остановил». [9 мая — 22 октября 1823 г.; авт. 69 ЛБ] I 343
- «Кто знает край, где небо блещет». [1827 г. ?; авт. БАН] II 169
- «Кто из богов мне возвратил». [Из Горация]. [1835 г. ?; авт. 77 А, ЛБ] II 156
- «Кто мне пришлет ее портрет». См. «Катенину».
- «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы». Загадка (При посылке бронзового сфинкса). [Январь—ноябрь 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 72
- «Кто с минуту переможет». См. Опытность.
- «Кто там? — Здорово, господа». См. «Вот Коцит, Вот Ахерон».
- «Кто ты? А ты зачем». [22 мая 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 265
- «Кто ты, мой сын?» См. Исповедь стихотворца.
- «[Кто хочет, пой]». [Конец марта — начало апреля 1819 г. ?; авт. 64 ЛБ] . I 363
- «Кубок тяжелый» — другая редакция стих. Заздравный кубок.
- «Кубок янтарный». См. Заздравный кубок.
- «Куда вы? За город, конечно». См. [Чиновник и поэт].
- «Куда же ты? в Москву».
- См. «Румяный кригик мой».
- «Куда ты холоден и сух!» См. Русскому Геснеру.
- Кумир Наполеона. См. К бюсту завоевателя.
- Couplets («Quand un poète en son extase»). [Январь — первая числа июня 1817 г.; авт. ПД] I 165
- Куплеты для водевиля. См. «Будь подобен полной чаше».
- Куплеты на слова «Никак нельзя — ну так и быть» («Я прав, он виноват, решите»). [1816 г.; коп. ЦА] I 368
- Куплеты на слова «С позволения сказать». («С позволения сказать»). [Май—июнь 1816 г.; «Совр.» 1863 г. № 7; коп. ЦА] . I 369
- Куплеты Эрстова. См. «За трапезой царской».
- Кхбкр. См. Кюхельбекеру («Да сохранил тебя твой добрый гений»).
- Кюхельбекеру («В последний раз, в тиши уединенья»). [В альбом Кюхельбекеру. Разлука]. [9 июня 1817 г.; Невск. врит., 1820 г., апр.] I 171
- Кюхельбекеру. («Да сохранил тебя твой добрый гений») [Кхбкр.]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 336
- В. К. Кюхельбекеру. См. Мечтателю.

Л

- «Ланса, я люблю твой смелый [вольный] взор». [1819 г. ?; авт. 64 ЛБ] I 363
- «Лампада, вербная лоза». См. «С перегородкою каморки».
- Лебедь и гусь. См. Нравоучительные четверостишия.
- Легенда («Был на свете рыцарь бедный»). [«Жил на свете рыцарь бедный». Романс] [Октябрь—ноябрь 1829 г.; авт. ПБЛ] II 72
- Леда. Кантата. («Средь темной рошцы, под тенью лип душистых»). [1814 г. ?; Ник.] I 83
- «Лезть собором целым!» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Лейла. См. «От меня вечер. Лейла».
- «Лечись иль быть тебе Панглосом» — другая редакция эпиграммы «Поверь мне, быть тебе Панглосом».
- «Лида, друг мой неизменный». См. К молодой вдове.
- «Лида — новая Диана» — не введено, как относящееся к стих. «Лиде страшно полюбить».
- «Лиде страшно полюбить». [«Лиде страшно полюбить»]. [Декабрь 1824 г.; авт. 67 ЛБ] I 268

- «Лиза в городе жила» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Лизе страшно полюбить». См. «Лиде страшно полюбить».
- «Лила, Лила, я страдаю». См. Лиле.
- Лиле («Лила, Лила, я страдаю»). [1816 г.; стих. 29, II] I 138
- Литературное известие [Эпиграмма на Каченовского]. («В Элизии Василий Тредьяковский»). [Вторая половина февраля 1829 г.; ц. р. стих. 32] II 63
- Литовская баллада. См. «Будрыс и его сновоюя».
- «Лихой товарищ наших дедов». [Отрывок]. [1824 г. ?; авт. 67 ЛБ] I 271
- Лицейские годовщины. См. 19 октября («Роняет лес»). 19 октября 1827 г. («Бог помочь вам»). 19 октября 1828 г. («Усердно помолившись богу»). «Чем чаще празднует лицей». «Была пора: наш праздник молодой».
- «Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице». См. Лицинию.
- «Лициний! Зришь ли ты? На быстрой колеснице». См. К Лицинию.
- Лицинию. С латинского («Лициний, зришь ли ты»). [1825 г. ? не позднее июля; стих. 29, I] I 301
- «Лишь благосклонный мрак раскинет». См. Письмо к Лиде.
- «Лишь розы увядают». См. «Как роза увядает».
- «Лишинский околен — отечеству беда». [На кн. С. Потоцкого]. [1828 г. ?; авт. 71 ЛБ] II 175
- «Лук звенит, стрела трепещет». См. Эпиграмма. Из Антологии.
- «Любви, надежды, гордой славы». См. К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»).
- «Любви, надежды, тихой славы». См. К Чаадаеву.
- «Любезнейший наш друг, о ты Василий Львович!» [Послание В. А. Пушкину]. [1829 г. — июль 1830 г.; авт. ПД] II 217
- «Любезный Вяземский, поэт и камергер». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- «Любезный именинник». См. К Пушину. 4 мая.
- «Любимец ветренных Ланс». См. Юрьеву.
- «Любимец моды легкокрылой». См. Кипренскому.
- «Люблю ваш сумрак неизвестный». [Элегия. Отрывок. * * * [Конец мая 1822 г.; стих. 29, I]. I 23]
- «Люблю Одессу я, имеет». [Одесса] — не введено, как относящееся к «Путешествию Онегина».
- «Люблю я в полдень воспаленной». См. Вода и вино.
- «Любовь одна — веселье жизни хладной». [1816 г. ?; Ник.] I 58
- «Любовью, дружеством и ленью». См. Дельвигу.
- «Любопытный» («Что ж нового? — Ей богу ничего»). [1828 г. ? не позднее первой половины декабря; стих. 29, II] II 60

М

- Мадонна. Сонет. «Не множеством картин старинных мастеров». [18 июля 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 83
- «Мадам Ризнич с римским носом». [На одесских дам]. [Первая половина 1824 г.; Русс. арх. 1866 г. № 10]. I 385
- Мадригал. См. «Нет ни в чем вам благодати».
- Мальчику (Из Катутла) («Пьяной горечью Фалерна»). [18 февраля 1832 г.; посм. изд.] II 105
- «Мальчишка Фебу гимн поднес» См. Эпиграмма.
- «Мансуров, закадышный друг». См. П. Б. Мансурову.

- П. Б. Мансурову. («Мансуров, вакадышний друг»). [1819 г.?, авт. ПБА]. I 203
- Марко Яковович. См. «Песни западных славян».
- «Мартышка, с юных лет прыжки свои любя». См. Мартышка.
- Мартышка. См. Нравоучительные четверостишия.
- «Медлительно влекутся дни мои». См. Желание.
- Медок. Мёдок в Уаадах. («Попутный веет ветер»). [«Попутный дует ветер»]. [1830 г.?, авт. 73 ЛБ]. II 188
- Мёдок в Уаадах. См. Медок.
- «Меж горных рек несется Терек». [«Меж горных стен несется Терек»]. [1829 г.?, авт. БАН]. II 181
- «Меж горных стен несется Терек». См. «Меж горных рек несется Терек».
- «Меж тем как генерал Орлов». См. «В. Л. Давыдову».
- «Меж тем, как изумленный мир». См. «Андрей Шеньев».
- Месяц («Зачем из облака выходишь»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 146
- Мечта война. См. Война.
- Мечтатель («По небу крадется луна»). [Январь — первая половина октября 1815 г.; Росс. Музеум, 1815 г., № 9]. I 95
- Мечтателю. («Ты в страсти горестной находишь наслажденье»). [В К. Кюхельбекеру]. [Январь—12 ноября 1818 г.; стих. 29, П]. I 187
- «Мечты, мечты». См. Пробужденье.
- «Миг вожделенный настал: окончен мой труд, многолетний». См. Труд.
- Милостыня. См. Подражание Корану. («Торгуй совестью пред бледной нищетой»).
- «Милый мой, сегодня» («Феб и Геркулес»). [Январь—ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ]. I 325
- Мирская власть («Когда редкое свершалось торжество»). [5 июля 1836 г.; коп. 95 ЛБ]. II 159
- «Митрополит, хвастув бесстыдной». См. К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада. 1817. Петербург.
- Мицкевичу. См. «О: между нами жил».
- Младенцу («Дитя, не смею вад тобой»). [«Прощай, прелестное дитя»]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 350
- «Младой Дафнис, гоняясь за Доридой». См. Рассудок и любовь.
- «[Младых пиров] утихли смехи». См. «До меня доходят».
- «Мне бой знаком — люблю я звук мечей». [Нац. апреля 1820 г.; Ефр. 1882, г. VII, факс.]. I 204
- «Мне было грустно, тяжело, больно» — не введено как относящееся к стих. «Демон».
- «Мне вас не жаль, года весны моей» [20 сентября 1820 г.; авт. ПБА]. I 327
- «Мне жаль великия жены». [На Екатерину II]. [Сентябрь — октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 349
- «Мне не спится, нет огня». См. «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы».
- «Мне нет ня в чем от вас потачки». См. К А. И. Осиповой.
- «Мне скучно, бес». См. Сцена из «Фауста».
- «Могущий бог садов — паду перед тобой». [Июнь 1817 г. — ноябрь 1818 г., авт. 64 ЛБ]. I 322
- Мое завещание. Друзьям («Хочу я завтра умереть»). [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 109
- «Мое собрание насекомых». См. «Собрание насекомых».
- Моему Аристарху («Помилуй, трезвый Аристарх») [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 104
- «Мой голос для тебя и ласковый и томной». См. «Ночь».
- «Мой давний друг, мой гость бесценный» — См.

- Нежданный гость.
Мой демон. См. Демон.
«Мой друг, забыты мной»
[К***. Элегия]. [24—25
августа 1821 г.; стих.
29, П. I 221
- «Мой друг, неславный я
поэт». См. В альбом Ил-
личевскому.
- «Мой друг, уже три дня»
[Н. С. Алексееву]. [4—28
февраля 1822 г.; авт.
66 ЛБ] I 338
- «Мой милый друг, расстался
я с тобою». См. Уныние.
- «Мой милый, как несправед-
ливы. См. Алексееву.
- «Мой первый друг, мой друг
бесценный». См. И. И.
Пушину.
- «Мой пленник вовсе не лю-
безен». [О Кавказском
пленнике] [Февраль? 1823
г.; авт. БАН]. I 343
- «Молва играя очернила» —
не введено, как относя-
щееся к «Евгению Онеги-
ну».
- «Молвой покинутый изгнан-
ник». См. «До меня до-
ходят».
- Молдавская песня. См. Чер-
ная шаль.
- Молитва. См. «Отцы пусты-
ники и жены непорочны».
- Молитва лейб-гусарских офи-
церов («Избави, господи,
ума такого») — не введе-
но, как не принадлежащее
Пушкину.
- Mon portrait («Vous me
demandez mon portrait».)
[1814 г.?; Соврем., 1863 г.,
№ 7] I 85
- «Монаршей волею священ-
ной» — не введено, как
не принадлежащее Пушקי-
ну.
- Монастырь на Казбеке («Вы-
соко над семьею гор»).
[20 сентября 1829 г.;
ц. рук. стих. 32]. II 67
- Монах («Хочу воспеть, как
дух нечистый ада»). [Ко-
нец 1813—1814 г.?; авт.
ЦА]. I 306
- Монолог Изабеллы из траге-
дии Альфиери «Филипп
II». См. «Сомнение, страх,
порочную надежду».
- Н. С. Мордвинову («Под
хладом старости угрюмо
угасал»). [1825 г.?; авт.
67 ЛБ]. I 305
- Море и земля См. Земля и
море.
- «Морей [красавец] окрилен-
ный» [«Морей наперсник
окрыленный»]. [Первая по-
ловина июня 1824 г.; авт.
70 ЛБ]. I 349
- «Морей наперсник окрылен-
ный». См. «Морей [кра-
савец] окриленный».
- «Мороз и солнце; день чу-
десный». См. Зимнее утро.
- Морской берег. См. Земля и
море.
- «Морфей, до утра дай от-
раду». См. К Морфею.
- Морю. См. К морю.
- «Мою задумчивую мла-
дость» — не введено, как
относящееся к стих «Де-
мон».
- Моя родословная («Смесь
жестоко над собратом»)
[Моя родословная или рус-
ский мещанин. Вольное
подражание лорду Бай-
рону]. [16 октября 1830 г.;
авт. ПД] II 91
- Моя родословная или рус-
ский мещанин. См. Моя
родословная.
- Моя эпитафия («Здесь Пуш-
кин погребен»). [Эпита-
фия]. [Январь—ноябрь
1815 г.; Росс. Музеум,
1815 г. №№ 10—11] I 116
- Мстительность. См. Нраво-
учительные четверостишия.
- «Мудрец Китая» — не вве-
дено, как относящееся к
«Евгению Онегину».
- Муза. См. «Наперсница вол-
шебной старины».
- Муза («В младенчестве моем
она меня любила»). [14
февраля; 5 апреля 1821
г.; стих. 29, П. I 213
- «Мчатся тучи, вьются тучи».
См. «Бесы».
- «Мы наслаждение удвоем».
[1827 — 1829 гг.?; авт.
ЛБ]. II 78
- «Мы недавно от печали».
[5—30 сентября 1814 г.;
Майков]. I 373
- «Мы рождены, мой брат на-
званный». [1830 г.; авт. 76.
ЛБ]. II 184

Н

- Н. Н. См. В. В. Энгельгардту.
Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха». [Январь — 7 октября 1825 г., стих. 29, III]. I 289
- На Александра I. См. «Воспитанный под барабаном».
- На Александра I. См. К бюсту завоевателя.
- На гр. А. А. Аракчеева («Всей России притеснитель»). [1818 г. — апрель 1820 г.; Лонд]. I 384
- На Аракчеева («Холоп венчанного солдата»). См. На Стурдзу.
- На Баболовский дворец См. К Баболовскому дворцу.
- «На берегу, где дремлет лес священный». См. «Там на берегу, где дремлет лес священный».
- На Булгарина («Не то беда, что ты поляк»). [Эпиграмма]. [Февраль 1830 г.; коп. кн. П. А. Вяземского. ЦА]. II 80
- На взятие Варшавы. См. Бородинская годовщина.
- На возвращение государя императора из Парижа, в 1815 году: («Утихла брань племен; в пределах отдаленных»). [Ноябрь 1815 г.; Труды Об-ва люб. росс. слов. 1817. ч. IX]. I 100
- На гр. М. С. Воронцова («Полу-герой, полу-невежда»). [Май—июнь 1824 г.; авт. ЦА]. I 251
- На гр. М. С. Воронцова. См. «Не знаю, где, но не у нас».
- На гр. М. С. Воронцова. См. «Певец-Давид был ростом мал».
- На выздоровление Лукулла (Подражание латинскому) («Ты угасал, богат младой»). [Октябрь—ноябрь 1835 г.; «Моск. наблюд.» 1835, IV, кн. 2]. II 153
- На выпуск птичке. См. Птичка.
- На Ф. Н. Глинка («Низк друг Фита, Кутейник в эполетах»). [1—25 Января 1825 г.; авт. ЦА]. I 272
- На Н. И. Гнедича («С тобою в спор я не вступаю») [Концу 1819 г.; Соврем. 1857, № 4]. I 382
- На кн. А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель»). [1818 г. — апрель 1820 г.; Герб]. I 383
- «На диво нам и всей Европе». См. На А. Н. Муравьева.
- На кн. Дондукова-Корсакова См. «В Академии Наук».
- На Екатерину II. См. «Мне жаль великия жены».
- «На Испанию родную». [Родриг] [1835 г. ?; авт. 77 А, ЛБ]. II 205
- На Н. М. Карамзина («В его «Истории» изыщность, простота»). [1818—1819 г. ?; Герб]. I 382
- На Н. М. Карамзина («Послушайте, я скажу вам начну») [«Послушайте, я скажу вам скажу»; «Послушайте, я вам скажу про старину»]. [1818—1819 гг. ?; рук. сб. в собр. Дашкова ПД]. I 382
- На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе». 1. «Вот перешед чрез мост Кокушкин» [«Вот перешедши мост Кокушкин»]. 2. «Сосок чернеет сквозь рубашку». [Концу января—перв. пол. сентября 1829 г.; коп. Соболевского в ЦА и Герб]. II 66
- На Каченовского («Бессмертною рукой раздавленный зоил»). [Август? — первая половина сентября 1818 г.; коп. ЦА]. I 187
- На М. Т. Каченовского. См. «Жив, жив курилка».
- На Каченовского. См. «Охотник до журнальной драки».
- На Каченовского. См. Эпиграмма («Когда б писать ты начал с дуру»).
- На Каченовского. См. Эпиграмма [«Хаврониос! ругатель закоснелый»]
- На А. М. Колосову. См. Эпиграмма на А. М. Колосову.

- На Кюхельбекера. См «Вот Виля — он любовью дышет»
- «На лире скромной, благородной». См. Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны.
- На А. Н. Муравьева («На диво нам и всей Европе») — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- На А. Н. Муравьева. См. Эпиграмма. Из Антологии.
- На Надеждина. См. Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»).
- «На небесах, когда печальная луна». [«На небесах печальная луна»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 359
- «На небесах печальная луна». См. «На небесах, когда печальная луна».
- На одесских дам. См. «Мадам Ризнич с римским носом».
- На гр. Орлову. См. Гр. А. А. Орловой-Чесменской.
- На перевод Жуковского «Тленность». См. «Послушай, дедушка, мне каждый раз».
- На перевод Иллады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи»). [8 ноября 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 97
- На петербургское наводнение. См. «Напрасно ахнула Европа».
- На кн. С. Потоцкого. См. «Лищинский околел».
- На поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова. См. «Пожарский, Минин, Гермоген».
- На Пучкову («Зачем кричишь ты, что ты дева»). [1816 г.?, авт. ПД] I 159
- На Пучкову («Пучкова право не смешна»). [1816 г.?, авт. ПД]. I 159
- На Пущина. См. «Вот здесь лежит больной студент».
- «На пыльной полке образа». См. «С перегородкою каморки».
- «На разность утренних оджд». [1828 г.?, авт. БАН]. II 213
- На гр. А. К. Разумовского («Ты слышал весть смешную»). [Эпиграмма на гр. А. К. Разумовского]. [1814 г.; Ефр. 1880. I]. I 374
- На Рыбушкина. См. Эпиграмма («Бывало прежних лет герой»).
- «На скользком поприще Тимковского наследник». См. «Второе послание к цензору».
- На смерть Наполеона. См. Наполеон.
- На смерть стихотворца. См. Эпиграмма на смерть стихотворца.
- На современных поэтов. См. «Жуковский — святой».
- На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул»). [Конец сентября—первая половина декабря 1836 г.; «Худож. газ.» 1836, № 9—10] II 162
- На статую играющего в свайку («Юноша, полный красы, напряженья»). [Конец сентября—первая половина декабря 1836 г.; «Худож. газ.» 1836, № 9—10] II 162
- На А. С. Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу»). [«Я вкруг Стурдзы хожу»]. [Сентябрь 1819 г.; Русс арх. 1874, № 1]. I 324
- На Стурдзу («Холоп венчанного солдата»). [1818 г. — первые числа мая 1820 г.; Щерб.] I 205
- «На тихих берегах Москвы». [1822 г.; авт. 66 ЛБ]. I 341
- На гр. Ф. И. Толстого. См. Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной»).
- На Фотия («Полу-фанатик, полу-плут»). [1818 г. — апрель 1820 г.; Герб]. I 383
- На гр. Д. И. Хвостова («Сожаленье не поможет»). [1819 г.?, Соврем. 1863 г.; № 8]. I 383
- «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Отрывок. [25 мая 1829 г.; ц. рук. стих. 32]. II 65

- На цензоров. См. «Тимковской царствовала».
- «На это скажут мне с улыбкою неверной». [1833 г.; авт. ПД]. II 196
- «На языке, тебе невнятном» См. «Иностранке».
- Наброски стихов о революции и Наполеоне. См. «За чем ты послан был».
- Наброски элегии. См. «Надеждой сладостной».
- Наброски элегии. См. «Придет ужасный час».
- Набросок. См. «На небесах когда печальная луна».
- Набросок. См. «Умом и нежною красой».
- «Навис покров угрюмой ночи». См. Воспоминания в Царском селе.
- Награды. См. Поэту.
- «Над лебедем желая посмеяться». См. Лебедь и гусь.
- «Над лесистыми берегами» См. «Цыганы».
- «Над Невою резво вьются». См. Пир Петра Первого.
- «Над озером, в глухих дубравах». См. «Русалка».
- «Над Сербией смилуйся ты, боже». См. «Воевода Минош».
- Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну («Отрадным ангелом на землю ок явился»). [1823 г.; Ген 1859, П]. I 385
- «Надежда Парнаса» — не введено, как черновой набросок к стих. «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет»).
- «Надеждой сладостной младенчески дыша». [Набросок элегии] [1823 г.; авт. 69 ЛБ]. I 347
- Наденьке («С тобой приятно уделить»). [1818 г.; Ефр. 1880, II]. I 381
- «Надеясь на мое презренье». Эпиграмма. [Вторая половина августа — декабрь 1829 г.; авт. 82 ЛБ]. II 180
- «Надо мной в лазури ясной» [1830 г.; авт. ПД]. II 188
- «Надо помянуть, непременно помянуть надо». [Г. Шафонского; Помянутое].
- [26 марта 1833 г.; авт. ЦА]. II 217
- Надпись в беседке. («С благоговейною душой»). [Надпись к беседке]. [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 157
- Надпись к беседке. См. Надпись в беседке.
- Надпись к воротам Екатерингофа («Хвостовым некогда воспетая дыра»). [К воротам Екатерингофа]. [3 мая 1834 г.; авт. ЛБ]. II 222
- Надпись к портрету. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- Надпись к портрету П. П. Каверина. См. К портрету П. П. Каверина.
- Надпись к портрету П. Я. Чаадаева. См. К портрету П. Я. Чаадаева.
- Надпись к портрету ***. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- Надпись на мой портрет. («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета») — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Надпись на стене больницы. См. «Вот здесь лежит больной студент».
- Наездники («Глубокой ночи на полях»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 140
- Наперсник («Твоих признаков, жалоб нежных») [12 августа 1828 г.; стих. 29, III]. II 49
- «Наперсница волшебной старины». [Муза]. [1821 г.; авт. БАН]. I 228
- «Наперсница моих сердечных дум». [1821 г.; авт. ПБЛ]. I 337
- Наполеон («Чудесный жребий совершился»). [На смерть Наполеона. Ода]. [Сентябрь — 12 ноября 1821 г.; стих. 29, I, Ист. Вестн. 1899. V факс. авт. и Анн II и VII]. I 221
- Наполеон на Эльбе. (1815). («Вечерняя заря в пучине догорала»). [Март—май 1815 г.; Сын отеч., 1815 г.; №№ 25 — 26]. I 90
- «Напрасно ахнула Европа». [На петербургское наводнение]. [Вторая половина

- ноября—декабрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ). I 268
- «Напрасно видишь тут ошибку». См. К бюсту завоевателя.
- «Напрасно видят тут ошибку» См. К бюсту завоевателя.
- «Напрасно воспевать мне ваши именины». См. Е. П. Бакуниной.
- «Напрасно, милый друг, я мыслил утаить». [Январь—ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ] I 325
- «Напрасно, пламенный поэт». См. Ответ Катенину.
- «Напрасно я бегу к сионским высотам». [1833 г.; *Анн VII*]. II 196
- «Нас было много на челне». См. Арион.
- «Насилу выехать решаюсь из Москвы». Огрызок из комедии. См. III т.
- Наслаждение («В неволе скучной увядает»)- [1816 г.; авт. ПД]. I 145
- Начало первой песни «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить»). [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 362
- Начало сказки. См. «Как весенней теплою порою».
- «Начнем ab ovo: Мой Езерский». См. Родословная моего героя.
- «Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах». См. На Ф. Н. Глинку.
- «Не большой он русский барин». См. К портрету П. Х. Молодцова.
- «Не веровал я троице доньне». См. Кж. С. А. Урусовой.
- «Не верю чести игрока» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Не видала ль, девица». [1834—1836 гг.; авт. БАН] . II 211
- «Не все, конечно, нет сомнения — не введено как относящееся к «Евгению Онегину».
- «Не всех беснующих людей» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Не дай мне бог сойти с ума». [Сумасшествие]. [1833 г.; авт. 77 А, ЛБ] II 147
- «Не даром ты ко мне воззвал». [Февраль? 1822 г.; авт. ПБЛ]. I 365
- «Не два волка в овраге грызутся». См. Песня о Георгии Черном.
- «Не дорого ценю я громкие права». См. Из Пиндемонте.
- «Не знаю где, но не у нас». [На Воронцова]. [1827 г.; не позднее ноября; «Сев. вв. на 1828 г.】. II 43
- «Не курится там огонек малешенек» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Не множеством картин старинных мастеров». См. Мадонна.
- «Не мысля гордый свет забавить». См. П. А. Плетневу.
- «Не ожидай, чтоб эти лета» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Не памятник, а диво» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Не пленяйся бранной славой». Из Гафиза [Фаргатабеку]. [5 июля 1829 г.; ц. *рук. стих.* 32]. II 66
- «Не пой, красавица, при мне». [12 июня 1826 г. и 1828 г.; *стих.* 29, II]. . II 59
- «Не притворяйся, милый друг». См. Приятелю.
- «Не пугай, мой милый друг». См. К Анаксагору.
- «Не пугай нас, милый друг». См. Кривцову.
- «Не розу пафосскую». См. Огрызок.
- «Не смею вам стихъ Баркова». [1828 г.; «Библ. для чт.», 1859, № 4]. II 61
- «Не спрашивай, зачем унылой думой». См. К***.
- «Не стану я жалеть о розах». См. Виноград.
- «Не тем горжусь я, мой певец». [1827 г.; авт. ПБЛ] I 336
- «Не то беда, Авдей Флюгарин». См. Эпиграмма.
- «Не то беда, Фаддей Булгарин». См. Эпиграмма («Не

- то беда, Авдей Флюгарин»).
- «Не то беда, что ты поляк». См. На Булгарина.
- «Не угрожай ленивцу молодому». [«Я мало жил и наслаждался мало»]. [Декабрь 1817 г.; авт. 64 ЛБ]. I 32†
- «Не удивляйся, милай мой» не введено как относящееся к Посвящению «Гавриилиады».
- «Неведомский поэт, неведомый никем» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Невод рыбак растялал по берегу студеного моря». См. Отрок.
- «Негде в тридевятиом царстве». См. Сказка о золотом петушке.
- «Недавно бедный музальман». [«В Юрзуфе бедный музальман»]. [Апрель — май 1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 333
- «Недавно, обольщен прелестным сновиденьем», См. Сновидение.
- «Недавно темною порою», См. Окно.
- «Недавно тихим вечерком». См. К Наташе.
- «Недавно я — в часы свободы». [Сетование. Д. В. Давыдову]. [1821 г. — 1822 г.; авт. БАН]. I 343
- «Недавно я стихами как-то свистнул». См. Ex ungue leonem.
- «Недаром вы приснились мне». См. Подражания Корану.
- «Недвижный страж дремал на царственном пороге» [Декабрь 1823 г.; авт. БАН]. I 345
- Недоконченная картина («Чья мысль восторгом угадала»). [Январь — 27 ноября 1819 г.; стих. 29, Л. I 197
- Нежданный гость. См. И. И. Пушкину.
- Nes temere, nes timide («В утлом челне и беззвездною ночью») — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Нельзя, мой толстый Аристип». См. А. Л. Давыд-ду.
- «Ненастный день потух». [Отрывок]. [Сентябрь—октябрь? 1824 г.; стих. 29, Л. I 261
- Непоколебимость. См. Нравоучительные четверостишия.
- «Непримиримую судьбою». См. «До меня доходят».
- Нереида («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду»). [Эпиграмма во вкусе древних]. [Конец ноября—декабрь 1820 г.; стих. 29, Л. I 209
- Несчастье Клиты («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет»). [Эпиграмма]. [1814 г.; Соврем. 1863 г. № 7]. I 374
- «Нет ветра — синяя волна». [Из Байрона; Из «Гяура» Байрона] [1821—1822 г.; авт. ПД]. I 365
- «Нет ветра; тихая волна». «Нет ветра — синяя волна».
- «Нет, не черкешенка она». См. Ответ Ф. Т***.
- «Нет, нет, мои друзья, напрасны ваши пени». См. «Нет, нет, напрасны ваши пени».
- «Нет, нет напрасны ваши пени». [«Нет, нет, мои друзья, напрасны ваши пени»]. [Январь — август 1819 г.; авт. 64 ЛБ]. I 324
- «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу». См. К***.
- «Нет ни в чем вам благодати». [Мадригал]. [1822 г.; стих. 29, Л. I 242
- «Нет, полно, полно мне терпеть» — ранняя редакция стих. Мое завещание. Друзьям.
- «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением». [19 Января? 1830?; Библ. зап. 1858 № 7]. II 99
- «Нет, я не лстец, когда царю». См. Стансы.
- «Ни блеск ума, ни стройность платья». См. М. Е. Эйхфельдт.

- «Но ты забудь меня, мой друг». [1825 г.?; авт. БАН]. I 362
- «Но я не тот, мои златые годы. [Кн. А. М. Горчакову. Отрывок. Пушкин в унынии, «Но я не тот, мои молодые годы». [1819 г.; Лонг]. I 326
- «Но я не тот, твои молодые годы». См. «Но я не тот, мои златые годы».
- Новая сцена из «Фауста». См. Сцена из «Фауста». I 326
- Новоселье («Благословляю новоселье»). [Вторая половина марта — первая половина июля или вторая половина августа 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 84
- Ноël См. Сказки.
- «Ночной зефир». Испанский романс. [13 ноября 1824 г.; стих. 29, л. I 261
- Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный»). [26 октября 1823 г.; стих. 29, л. I 246
- «Ночь светла; в небесном поле» [«Догаресса молодая», «Догорала молодая»; «В голубом эфира поле»] [1822 г.?; Анн. VII; коп. Баргенева]. I 342
- Ноэль на лейб-гусарский полк. («В конюшнях Левашева»). [Конец 1816 г. — нач. 1817 г.; коп. Баргенева]. I 379

- Нравоучительные четверостишия. [Лето 1826 г. «Невский альманах» на 1827 и на 1828 гг.] 1. Равновесие («О мирный селянин. В твоём жилище нет») II 215
- Верное предсказание («Пройдет ли мой недуг? — лев у осла спросил»). II 215
- Справедливость пословицы («Одна свеча избу лишь слабо освещала») II 216
- Мстительность («Пчела ужалила медведя в лоб») II 216
- Непоколебимость («Познай, светлейший лев, смятения вину») II 216
- Сила и слабость («Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей»). II 216
- Лебедь и гусь («Над лебедем желая посмеяться»). II 216
- Мартышка («Мартышка, с юных лет прыжки свои любя») II 216
- Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный») II 216
- Безвредная ссора («За кость поссорились собаки»). II 217
- Закон природы («Фиалка в воздухе свой аромат лила») II 217
- «Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы». [6 июня 1831 г. ?; авт. БАН]. II 190
- Няне («Подруга дней моих суровых»). [1827 г.?; авт. 68 ЛБ]. II 169

О

- Графу¹ О. См. Графу Олизару.
- П. А. О***. См. П. А. Осиповой. («Быть может, уж недолго мне»).
- «О бедность. Затвердил я наконец». [1835 г.?; авт. ПД]. II 203
- «О боги мирные полей, дубрав и гор». [1825 г. ?; авт. БАН]. I 362
- «О вы, которые любили». См. Посвящение «Гавририады».
- «О вы, которые с язвительным упреком»; См. Безверие.

- «О Гелиос, внемли, серебряным луком звенящий». См. «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий».
- «О дева-роза, я в оковах». Подражание турецкой песне. [1820 г.?; 1824 г.; стих. 29, л. I 210
- «О Делия драгая». См. Песня.
- «О, если б мог достигнуть глас» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «О, если правда, что в ночи». См. Заклинание.
- «О жены чистые пророка». См. Подражания Корану.

- О Кавказском пленнике. См. «Мой пленник вовсе не лубезен».
- «О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье». См. Ответ анониму.
- «О мирный селянин! В твоём жилище». См. Равновесие.
- «О муза пламенной сатиры!» [1821 г. — июнь 1824 г.; Щерб] I 385
- «О, нет, мне жизнь не надоела» [1826 г. ?; авт. ПД]. II 166
- «О, сжальтесь надо мною». См. Погреб.
- «О, сколько вам открытий чудных». См. «О, сколько нам открытий чудных».
- «О, сколько нам открытий чудных» [О, сколько вам открытий чудных] [Ноябрь 1829 г.; авт. 82 ЛБ] I 178
- «О ты, который сочел». [1826 г. ?; авт. 67 ЛБ] II 166
- «О ты, который сочел». См. Орлову.
- «О ты, надежда нашей сцены» — не введёно как относящееся к стих. «Катерину» («Кто мне пришлет ее портрет»).
- «О чем, прозаик, ты хлопочешь». См. Прозаик и поэт.
- «О чем шумите вы, народные витии?» См. Клеветникам России.
- «О, Эгельстром! я восхищенный». См. П. И. Эгельstromу.
- Обвал («Дробясь о мрачные скалы»). [Avalanche]. [29—30 октября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 69
- «Обиженный журналами жестоко». См. Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»).
- Общая судьба. См. Нравоучительные четверостишия.
- «Овдотья Яковлевна пахнет». См. «Авдотья Яковлевна пахнет».
- «Овидий, я живу близ тихих берегов». См. К Овидию.
- Овидию. См. К Овидию.
- Ода См. Воляность.
- Ода. См. Наполеон.
- Ода Его Сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову («Султан ярит-ся. Кровь Эллады»). [Апрель ? 1825 г.; авт. ЦА]. I 273
- Ода LVI. (Из Анакреона). «Поредели, побелели» [6 января 1835 г.; авт. БАН] II 150
- Ода LVII. (Из Анакреона) («Что же сухо в чаше дно?»). [6 января 1835 г.; авт. БАН] II 150
- Одесса. См. «Люблю Одессу я».
- «Один, один остался я» [«Пирры, любовницы, друзья»] [1822 г.; авт. 66 ЛБ]. . . I 341
- «Одна свеча избу лишь слабо освещала». См. Справедливость пословицы.
- «Одна черта руки моей». [19—26 июля 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 364
- «Однажды странствуя среди долины дикой» См. Странник.
- «Одни стихи ему читала» [1835 г. ?; авт. ПД] . . . II 208
- Окно. («Недавно темно порою») (1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ) I 146
- «Октябрь уж наступил, уж роца отряхает». См. Осень.
- Олегов щит («Когда ко граду Константина»). [Сентябрь — первая половина декабря 1829 г., ц. рук. стих. 32] II 74
- А. А. Олениной. См. Приметы.
- А. А. Олениной. См. «Что в имени тебе моем».
- Оленьке Массон. См. «Ольга, крестница Киприды».
- Графу Олизару («Певец издревле меж собою»). [Графу О.]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] . . I 350
- Ольга. См. «Ольга, крестница Киприды».
- Ольга, крестница Киприды. [Оленьке Массон, Ольга, К Оленьке Массон]. [22 ноября 1826 г.; авт. БАН] II 29
- «Он вежлив был в иных прихожих» [«Он вежлив был в моей прихожей», «Он вежлив был в моих прихожих», «Он вежлив был в моей передней»] [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 358

- «Он всжлив был в моей передней». См. «Он вежлив был в иных прихожих».
- «Он вежлив был в моей прихожей». См. «Он вежлив был в иных прихожих».
- «Он вежлив был в моих прихожих». См. «Он вежлив был в иных прихожих».
- «Он вышней волею небес». См. К портрету П. Я. Чаадаеву.
- «Он добрый малый, брат сестрицын» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Он между нами жил» [Мицкевичу] [10 авг. 1834 г.; авт. ПД] II 196
- «Он мне ровесник». См. «Будь подобен полной ча»
- «On peut très bien, mademoiselle». См. Кж. В. М. Волконской.
- «Он принимал без увлечения» — не введено как относящееся к X строфе IV гл. «Евгения Онегина».
- «Она меня зовет: поеду или нет?» Отрывок из комедии. См. III т.
- «Она мила — скажу меж нами». См. Ее глаза.
- «Она мне». См. «Она цвела передо мной».
- «Она небрежная» — не введено как относящееся к стих. «Зачем я ею очарован».
- Она («Печален ты: признайся, что с тобой») [1816 г.; Ник ЛБ] I 160
- «Она мила, твоя подруга». [1818 г. ?; авт. 64 ЛБ] . I 363
- «Она при мне красю нежной расцвела». См. «Она цвела передо мною».
- «Она тогда ко мне придет». [1818 г.; Герб.] I 381
- «Она цвела передо мною». [«Я видел, как она при мне», «Она мне», «Она при мне красю нежной расцвела»]. [1818—1819 гг.; авт. 64 ЛБ] I 326
- «Они твердили: пусть виденья». [Ноябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 366
- Опричник. См. «Какая ночь! мороз трескучий».
- Опытность («Кто с минуту переможет»). [Январь — сентябрь 1814 г.; Вест. Евр., 1814 г. №, 19] . . . I 46
- Опять на родине. См. «Вновь я посетил».
- «Опять увенчаны мы славой». [1830 г. ?; авт. ПД] . . . II 185
- «Опять я ваш, о юные друзья!» См. Элегия.
- «Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей». См. Сила и слабость.
- «Оригинал похож на бюст» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Орлов с Истоминой в постеле». [Июль — декабрь 1817 г.; коп. Баргенева] I 379
- Гр. А. А. Орловой-Чесменской («Благочестивая жена») [На гр. Орлову]. [1820-ые гг.; Герб] II 221
- Орлову («О ты, который сочелал»). [К генералу А. Ф. Орлову, отсоветовавшему мне вступить в военную службу, К***, отсоветовавшему мне вступить в военную службу]. [4 июля 1819 г., авт. ПД] I 193
- Осгар («По камням гробовым, в туманах полуночи»). 1814 г.; Ник. ЛБ]. . . I 79
- Осеннее утро («Поднялся шум, свирелью полевой») [1816 г., авт. коп. 64 ЛБ] I 142
- Осеннее чувство. См. «Как быстро в поле вокруг открытом».
- Осень («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает»). [Отрывок]. [Октябрь — перв. пол. ноября 1833 г.; авт. 77 А, ЛБ] II 141
- «Осердился Георгий Петрович». [Сентябрь — октябрь 1835 г.; авт. БАН] . . . II 201
- П. А. Осиповой. («Быть-может, уж недолго мне»). [П. А. О***. В альбом П. А. О.] [25 июня 1825 г.; стих. 29, II] I 275
- «Оставь, о Лесбия, лампаду». [1819 г. ?; авт. 64 ЛБ] . I 363
- «Оставя честь судьбе на произвол». См. Эпиграмма.

- «От вас узнал я плен Варшавы». См. Из письма к А. О. Россет.
- «От всенощной, вечер идя домой». [1815 г.; Майков и Герб.] I 376
- «От западных морей до самых враг восточных» [Из Ювенада. «Пошли мне долгу жизнь»] [Август 1836 г.; авт. БАН] II 208
- «От меня вечер Леила». [Леила]. [1835 г.; авт. у Тарле] II 157
- «От северных оков освобождая мир». См. К вельможе.
- Ответ. См. Ее глаза.
- Ответ. См. К Дельвигу.
- Ответ («Я вас узнал, о мой оракул»). [1—9 января 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 79
- Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье»). [26 сентября 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 87
- Ответ Ф. Ф. Вигелю. См. Ф. Ф. Вигелю.
- Ответ А. И. Готовцевой («И недоверчиво и жадно»). [Середина ноября 1828 г.; стих. 29, II] II 55
- Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт»). [10 ноября 1828 г.; стих. 29, II] II 54
- Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны («На лире, скромной благородной»). [К. Н. Я. П. К императрице Елисавете]. [Январь — 12 ноября 1818 г.; Соревнов. просв. и благотв. 1819 г., № 10] I 189
- Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешенка она»). [Ответ Ф. А. Гуманскому. Ответ х + у]. [1826; стих. 29, II] II 31
- Ответ... х + у. См. Ответ Ф. Т***.
- «Откуда чудный шум, неистовые клики?» См. Торжество Вакха.
- «Отрадным ангелом на землю он явился». См. Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну.
- «Отрок милый, отрок нежный». См. Подражание арабскому.
- Отрок. («Невод рыбацк расстирал по берегу студеного моря»). [Анфологическая эпиграмма]. [10 октября 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 91
- Отрывки из комедии (I. «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались»). II. «Она меня зовет: поеду или нет»). — См. III т.
- Отрывки из сказки или поэмы. См. «Зачем раздался гром войны».
- Отрывок («Не розу пафосскую»). [Январь? 1833 г. ?; авт. БАН]. II 147
- Отрывок из Андрея Шенье. См. «Каков я прежде был, таков и ныне я».
- Отрывок из комедии («Насилу выехать решаюсь из Москвы»). См. III т.
- Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году). См. «Свод неба мраком обложился».
- Отрывок из послания. См. К Языкову («Издrevле сладостный союз»).
- Отрывок из послания к Языкову. См. К Языкову («Издrevле сладостный союз»).
- Отрывок из послания В. А. П-ну. См. В. А. Пушкину. Отрывок.
- Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод». См. «Сто лет минуло, как тевтон».
- Отрывок. См. Из Анакреона («Узнают коней ретивых»).
- Отрывок. См. «Лихой товарищ наших дедов».
- Отрывок. См. «Люблю ваш сумрак неизвестный».
- Отрывок. См. «На холмах Грузии лежит, ночная мгла».
- Отрывок. См. «Ненастный день потух; ненастный ночи мгла».
- Отрывок. См. «Но я не тот, мои золотые годы».
- Отрывок. См. Осень.
- Отрывок. См. Приметы.
- Отрывок. См. В. А. Пушкину.

Отрывок. См. Сон.
 Отрывок. См. «Я не дремал».
 Отрывок из поэмы. См. Бова.
 «Отцы пустынники и жены непорочны» [Молитва] [22 июля 1836 г.; авт. ПБЛ] II 160
 «Ох, тетенька! ох Анна Львовна». См. Элегия на смерть Анны Львовны.

«Ох, тошно, тошно, помоги-те». См. «Ах, тошно, тошно, помогите».
 «Охотник до журнальной драки». [На Каченовского]. [1824 г.]; стих. 29, II] . . . I 271
 «Очеса-чудеса» — не введено как не принадлежащее Пушкину.

II

П***ну. См. Пушкину. Отрывок («Что восхитительней, живей»).
 Паж или пятнадцатый год («Пятнадцать лет мне скоро минет») [7 октября 1830 г.; авт. БАН] . . . II 88
 Памятник. См. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».
 Певец («Слышали ль вы за рошей глас ночной»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 149
 «Певец-гусар, ты пел биваки» [Д. В. Давыдову, «Ты пел вино», «Я слушаю тебя и сердцем молодею»]. [Апрель—май? 1821 г., авт. 65 ЛБ] . . . I 334
 «Певец-Давид был ростом мал» [На Воронцова]. [Июнь? 1824 г.; авт. 66 ЛБ] . . . I 349
 «Певец! Издревле меж собою». См. Графу Олизару.
 «Певец, когда перед тобой». См. Козлову.
 «Певец, увенчанный Эратой и Венерой». См. Шишкову.
 Первое послание к Аристарху. См. Послание цензору.
 Первое послание цензору. См. Послание цензору.
 Перевод неизданных стихов Андрея Шенье. См. «Близ мест, где царствует Венеция золотая».
 Перед бюстом завоевателя. См. К бюсту завоевателя.
 «Перед гробницею святой». [К тени полководца]. [Втор. половина сентября 1831 г.; Соврем. 1836 г., т. IV и авт. БАН] . . . I 103
 «Перестрелка за холмами». См. Делибаш.
 Песни западных славян. [1832 г.]; стих. 35].
 1. Видение короля («Король ходит большими шагами») . . . II 109

2. Янко Марнович («Что в разбегах бей Янко Марнович») . . . II 111 ✓
 3. Битва у Зеницы Великой («Радивой поднял желтое знамя») . . . II 113
 4. Федор и Елена («Стамати был стар и бессилен») . . . II 114
 5. Влаха в Венеции («Как покинула меня Парасковья») . . . II 116
 6. Гайдук Хрилич («В пещере, на острых камнях») . . . II 117
 7. Похоронная песня Иакинфа Маглановича («С богом, в дальнюю дорогу») . . . II 118
 8. Марко Якубович («У ворот сидел Марко Якубович») . . . II 118
 9. Бонапарт и черногорцы («Черногорцы? что такое?») . . . II 121
 10. Соловей («Соловей мой, соловейко») . . . II 121
 11. Песня о Георгии Черном («Не два волка в овраге грызутся») . . . II 122
 12. Воевода Милош («Над Сербией смилуйся ты, боже») . . . II 123
 13. Вурдалак («Трусоват был Ваня бедный») . . . II 124
 14. Сестра и братья («Два дубочка выростали рядом») . . . II 125
 15. Яныш Королевич («Полюбил королевич Яныш») . . . II 127
 16. Конь («Что ты ржешь, мой конь ретивый») (Сербская песня) . . . II 129
 Песни о Стеньке Разине. [Январь — август 1826 г.; коп. ПД]
 1. «Как по Волге реке, по широкой» . . . II 26
 2. «Ходил Стенька Разин» II 26

3. «Что не конский топ,
не людская молвь» II 27
- Песнь о Вещем Олеге («Как
ныне собирается вещей
Олег»). [1 марта 1822 г.;
стих. 29, I] I 233
- Песня. См. «Пью за здравие
Мери».
- Песня о Георгии Черном. См.
Песни западных славян.
- Песня («О, Делия драгая»)
[К Делии]. [1815 г. ?;
коп. *Иллиевского*]. I 368
- «Печален ты: признайся, что
с тобой». См. Она.
- Пир Петра Первого («Над
Невою резво вьются»)
[1835 г.; «Соврем.»
1836 г., I] II 154
- Пирующие студенты («Дру-
зья, досужный час на-
стал»). [1814 г.; авт. ПД] I 58
- «Пир, любовницы, друзья»
См. «Один, один остался
я».
- «Писать я не умею». [Экс-
промт]. [4 сентября 1817
г.; авт. ПБЛ] I 371
- Письмо к Лиде («Лишь благо-
склонный мрак раскинет»)
[Январь — первая числа
июня 1817 г.; авт. 64
ЛБ] I 167
- Письмо Н. М. Языкову. См.
К Языкову («К тебе сби-
рался я давно»).
- «Питомец мод, большого света
друг». См. Послание к кн.
А. М. Горчакову.
- Платонизм. См. Платониче-
ская любовь.
- Платоническая любовь («Я
знаю, Лидинька, мой
друг»). [К Лиде, Плато-
низм]. [Ноябрь — декабрь
1819 г.; авт. ЦА] I 199
- II. А. Плетневу («Не мысля
гордый свет забавить»)
[19 декабря 1827 г.;
«Евт. Он.» 1837 г.] II 42
- II. А. Плетневу («Ты издал
дядю моего»). [Из письма].
[Октябрь 1824 г.; авт. 70
ЛБ] I 350
- «Плещут волны Флегетона»
См. Прозерпина.
- «По камням гробовым, в ту-
манах полуночи». См.
Осгар.
- «По небу крадется луна». См.
Мечтатель.
- «Победы памятник надмен-
ный». См. К Кагульско-
му памятнику.
- «Поверь: когда спяней и ко-
маров». См. Совет.
- «Поверь мне, быть тебе Пан-
лосом». См. Эпиграмма.
- «Погасло дневное светило».
Подражание Байрону.
[Элегия. Черное море].
[Сентябрь 1820 г.; стих.
29, I] I 206
- Погреб («О, сжальтесь надо
мною»). [1815 г. ?; Ник.
ЛБ] I 120
- «Под вечер, осенью ненаст-
ной». См. Романс.
- «Под каким созвездием».
[1825 г. ?; авт. БАН] I 360
- «Под небом голубым страны
своей родной» [29 июля
1826 г., Элегия на смерть
Ризнич, Элегия]. [29 июля?
1826 г.; стих. 29, III] II 21
- «Под хладом старости утро
мо угасал». См. Н. С.,
Мордвинову.
- «Поднялся шум, свирелью по-
левой». См. Осеннее утро.
- Подражание. См. Элегия («Я
видел смерть; она в мол-
чаньи села»).
- Подражание Анакреону. См.
«Кобылица молодая».
- Подражание арабскому («От-
рок милый, отрок неж-
ный»). [1835 г. ?; авт.
БАН] II 157
- Подражание Байрону. См.
«Погасло дневное свети-
ло».
- Подражание Данту. См. «В
начале жизни школу пом-
ню я».
- Подражание Данту. См. «И
дале мы пошли».
- Подражание итальянскому.
См. «Как с древа сор-
вался предатель-ученик».
- Подражание латинскому. См.
На выздоровление Лу-
кулла.
- Подражание Оссиану. См.
Кольна.
- Подражание Парни. См.
Прозерпина.
- Подражание Песне песней Со-
ломона. См. «В крови
горит».

- Подражание Песне песней Соломона. См. «Вертоград моей сестры».
- Подражание турецкой песне. См. «О дэва-роза, я в оковах».
- Подражание французскому («Народ мы русский позабудим») — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Подражание французскому. См. Эпиграмма. («Супругою твоей я так пленился»).
- Подражание А Шенье. См. «Ты вянешь и мрачишь»
- Подражания древн. [1833 г.] 1 и 12 января; стих. 35]
1. (Из Ксенофана Колофонского) «Чистый лоснится пол».
2. (Из Афенея) «Славная флейта, Феон, здесь лежит» II 146
- Подражания Корану (Посвящено П. А. Осиповой). [Ноябрь 1824 г.; стих. 29, 1]
- I. «Клянусь четой и нечетой» I 262
- II. «О, жены чистые прорка» I 262
- III. «Смутясь, нахмурился позорк» I 263
- IV. «С тобою древле, о всесильный» I 263
- V. «Земля недвижна . . . I 264
- VI. «Недаром вы приснились мне» I 264
- VII. «Восстань, боязливый» I 265
- VIII. «Торгуя совестью поед бледной нищетою. [Милостыня] I 265
- IX. «И путник усталый» I 265
- «Подруга дней моих суровых». См. Няне.
- «Подруга думы праздной». См. К моей чернильнице.
- «Подруга милая! Я знаю, отчего. См. Антологический отрывок.
- «Подъезжая под Ижоры». [К Е. В. Вельяшевой, К**]. [18 января 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 62
- «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья». Элегический отрывок. [23 декабря 1829 г.; ц. рук. стих. 32]. II 74
- «Пожарский, Минин, Гермоген». [Эпиграмма на поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова. На поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова]. [1814 г. ?; Лиц. рук. сб.; ПД]. I 374.
- «Позволь душе моей открыться пред тобою». [1818 г. ?; авт. 64 ЛБ] I 323
- «Поздно ночью из похода». См. Воевода.
- «Познай, светлейший лев, смятения вину». См. Непоколебимость.
- «Пой в восторге русский хор». [Канон в честь М. И. Глинки, «Слушая сию новинку»] [13 декабря 1836 г.; авт ПД] II 219
- «[Пока в нас сердце замирает]» [1828 г. ?; авт. БАН] II 213
- «Пока меня без милости бранят» — не введено как относящееся к «Домнику в Коломне».
- «Пока не требует поэта». См. Поэт.
- «Пока супруг тебя, красавицу младую». [Ноябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 353
- «Покойник, автор сухощавый». [1828 г. ?; авт. ПД] II 60
- «Покойник Кли в раю не будет». См. Эпиграмма на смерть стихотворца.
- «Покойны чувства ясен ум». См. Таврида («Ты вновь со мною наслажденье»).
- «Покров, упитанный язвительною кровью». См. Из А. Шенье.
- Полководец («У русского царя в чертогах есть палата»). [Барклай де-Толли]. [7 апреля 1835 г.; Соврем. 1836 г., III] II 151
- Полонофилу. См. «Ты просвещением свой разум осветил».
- «Полу-герой, полу-невежда». См. На гр. М. С. Воронцова.
- «Полу-милорд, полу-купец» — другая редакция эпиграммы на гр. М. С. Воронцова («Полу-герой, полу-невежда»).

- «Полу-фанатик, полу-плут». См. На Фотия.
- Польская баллада. См. Воевода.
- «Полюби меня, девица». [Сентябрь? 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 177
- «Полюбил королевич Яныш». См. Яныш королевич.
- «Полюбуйтесь же вы, дети». [Июнь—август 1830 г.; Библ. зап. 1858 г. № 16] II 84
- «Поля и горы ночь объемлет». [1821 г. — 1822 г.; авт. БАН] I 365
- «Поместья мирного незримый покровитель». См. Домовому.
- «Помилуй, трезвый Аристарх». См. Моему Аристарху.
- Поминание. См. «Надо помянуть».
- «Помнишь ли, мой брат по чаше». См. Воспоминание. К Пушкину.
- «Попутный веет ветр. См. Медок.
- «Попутный дует ветр». См. Медок.
- Попытки вернуться к «Евгению Онегину». См. «В мои осенние досуги», «Ты мне советуешь» и «Вы за «Онегина» советуете, друзья».
- «Пора, мой друг, пора! [покая] сердце просит». [К жене]. [1834—1836 гг.; авт. ПД] II 211
- «Поредели, побелели». См. Ода LVI. (Из Анакреона).
- Портрет («Вот карапузик наш, монах») [1816 г. — май 1817 г.; Лиц. рук. сб. I 380
- Портрет («С своей пылающей душой»). [Гр. А. Ф. Закровской]. [23 июля 1828 г.; «Сев. цв. на 1829 г.»] II 49
- Посвящение «Гавриилиады» [«Прими в залог воспоминанья», «О вы, которые любили», «Примите новую тетрадь», «Вот муза, резвая болтунья»]. [Апрель — май 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 332
- Послание в Сибирь. См. В Сибирь.
- Послание к А. См. Алексееву.
- Послание к брату. См. «Презрев и толки укоризны».
- Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков. См. Послание к Великопольскому.
- Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» («Так элегическую лиру»). [И. Е. Великопольскому; Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков]. [Февраль — первая числа марта 1828 г.; «Сев. Пч.» 1828, № 30] II 45
- Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой»). [Январь—ноябрь 1815 г.; Росс. Музеум, 1815 г.; №№ 10—11]. I 97,
- Послание к кн. А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной»). [Апрель — первые числа июня 1817 г.; Лонг ЛБ] . I 169
- Послание к кн. А. М. Горчакову, («Питомец мод, большого света друг») [Князю А. М. Горчакову]. [1819 г.; авт. коп. ПД] . . I 202
- Послание к молодой актрисе («Ты не наследница Клероны»). [Актрисе, К молодой актрисе]. [1814 г.; авт. БАН] I 57
- Послание к Д***. См. Череп.
- Послание к Натальи («Так и мне узнать случилось»). [1814 г.; авт. ЦА]. . . I 54
- Послание к А. И. Тургеневу («В себе все блага заключаю»). [А. И. Тургеневу]. [Март? 1819 г.; авт. ЦА] I 324
- Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать»), [1815 г.; авт. 64 ЛБ] I 110
- Послание к К. Н. Б. Ю***. См. К вельможе.
- Послание Лиде («Тебе наперсница Венеры»). [1816 г.; авт. 64 ЛБ] I 136
- Послание В. А. Пушкину. См. «Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович».
- Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»). [Первое посла-

- писе цензору. Первое послание к Аристарху. [Цензору]. [1822 г.; авт. 4835 ЛБ] I 239
- Послание П. И. Эгельстрому. См. П. И. Эгельстрому.
- «Последнее мирское пелище». См. «Стою печален на кладбище».
- Последние цветы. См. «Цветы последние милей».
- «Последним сияньем за лесом горя». См. Сраженный рыцарь.
- «Последняя туча рассеянной бури». См. Туча.
- «Послушай, дедушка, мне каждый раз». [На перевод Жуковского «Гленность»]. [Март ? 1818 г.; Анн I] I 185
- «Послушай, муз невинных». См. К Дельвигу.
- «Послушайте: вам тридцать лет». См. Кокетке.
- «Послушайте, я сказку вам начну». См. Н. Н. М. Карамзина.
- «Послушайте я сказку вам скажу». См. На Н. М. Карамзина («Послушайте, я сказку вам начну»).
- Похоронная песня Иакинфа Маглановича. См. Песни западных славян.
- «Почтения, любви и нежной дружбы ради» — другая редакция стих. «Семейственной любви и нежной дружбы ради».
- «Пóшли мне долгу жизнь». См. «От западных морей».
- Поэт и толпа. См. «Толпа холодная поэта окружала».
- Поэт и толпа. См. Чернь.
- Поэт и чернь. См. Чернь.
- «Поэт-игрок, о «Беверлей-Гораций»». [Первые числа апреля 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 64
- «Поэт идет». См. III т.
- «Поэт! не дорожи любовью народной». См. Поэт.
- «Поэт по лире вдохновенной» См. Чернь.
- Поэт («Пока не требует поэта»). [15 августа 1827 г.; стих. 29, II]. II 36
- Поэт. Сонет («Поэт! не дорожи любовью народной»). [Награды]. [1 июля 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 83
- «Превозлюбил, не отрекусь» — не введено, как написанное прозой.
- «Пред испанкой благородной». [Романс]. [Сентябрь — ноябрь 1830 г.; авт. БАН] II 98
- «Пред рыцарем блесит водами». См. Из Ариостова «Orlando furioso».
- Предчувствие («Снова тучи надо мною»). [Август 1828 г.; стих. 29, II] II 50
- «Презрев и толки укоризны». [«Презрев и шопот укоризны», Послание к брату]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 351
- «Презрев и шопот укоризны». См. «Презрев и толки укоризны».
- «Прекрасная! Пускай восторгом насладится». См. К Баболовскому двору.
- Прелестнице («К чему нескромным сим убором»). [1818 г.; стих. 29, I] I 188
- «При шуме сладостном фонтанов» [«В прохладе сладостных фонтанов»] [1828 г.; авт. 71, ЛБ] II 175
- «Прибежали в избу дети». См. Утопленник.
- «Приветствую тебя, пустынный уголок». См. Деревня.
- «Придет ужасный миг — твои небесны очи». См. «Придет ужасный час — твои небесны очи».
- «Придет ужасный час... твои небесны очи». [«Придет ужасный миг — твои небесны очи»; Наброски элегии]. [1823 г.; авт. 69 ЛБ] I 347
- Признание. К А. И. Осиповой («Я вас люблю, — хоть я бешусь»). [1824 г.; не ранее августа: Библ. д. чт. 1837 г., т. XXII]. I 269
- «Признаюсь пред всей Европой». См. «Раззевавшись от обеды».
- Приметы («Старайся наблюдать различные приметы»). [Отрывок]. [1821 г.; стих. 29, I]. I 229
- Приметы («Я ехал к вам: живые сны»). [А. А. Оле-

- ниной]. [Январь 1829 г.; ц. рук. стих. 32]. II 63
- «Прими в залог воспоминанья». — См. Посвящение «Гавриилиады».
- «Прими сей череп, Дельви́г: он». См. Череп.
- «Примите «Невский алма́нах». См. Н. Н.
- «Примите новую тетрадь». См. Посвящение «Гавриилиады».
- Принцу Оранскому («Довольно битвы мчался гром»). [Конец мая 1816 г.; коп. ПД]. I 125
- «Припадками болезни женской» [Эпиграмма, «Словесность русская больна»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 358
- Притча. См. Сапожник.
- «Приют любви, он вечно полн». [Май—июнь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 348
- Приятели («Не притворяйся, милый друг»). [Январь—июль 1822 г.; стих. 29, III]. I 236
- Приятелям («Враги мои, покамест я ни слова»). [К журнальным приятелям, Журнальным приятелям]. [25 января 1825 г.; стих. 29, III]. I 272
- «Приятно письма получать» — не введено как относящееся к «Евгению Онегину».
- Про себя («Великим быть желаю»). [1818 г.; Библ. зап. 1858, № 12]. I 381
- «Пробужденье» («Мечты, мечты»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 151
- Прозаик и поэт («О чем, прозаик, ты, хлопчешь»). [1825 г.; стих. 29, III]. I 294
- Прозерпина («Плещут волны Флегетона»). [Подражание Парни]. [26 августа 1824 г.; стих. 29, П. I 251
- «Пройдет ли мой недуг? — лев у осла спросил». См. Верное предсказание.
- «Пройдет любовь, умрут желанья» — другая редакция стих. А. Н. Зубову. («Когда погаснут дни мечтанья»).
- «Проклятый город Кишинев». См. Вигелю.
- «Промчались годы заточенья». См. Товарищам.
- Пророк («Духовной жаждою томим»). [Январь—первая половина сентября 1826 г.; стих. 29, III]. II 27
- «[Проснулся я, а небосклон]» [1828 г.?; авт. 71 ЛБ]. II 213
- «Прости мне, милый друг». См. Городок.
- «Прости, счастливый сын пиров». См. Всеволожскому.
- «Прости, украинский мудрец». См. Из письма к А. Г. Родзянке.
- «Простите, верные дубравы!» [Прощание с Тригорским]. [17 августа? 1817 г.; коп. ПД]. I 173
- «Простишь ли мне ревные мечты». [Элегия]. [11 ноября 1823 г.; стих. 29, I] I 247
- «Простой воспитанник природы». См. Кн. Голицыной.
- Простонародная сказка. См. Жених.
- Простонародная сказка. См. Утопленник.
- «Прощай, любезная калмычка». См. Калмычке.
- «Прощай, отшельник бессарабский». См. Из письма к Н. С. Алексееву.
- «Прощай, письмо любви, прощай! Она велела». См. Сожженное письмо.
- «Прощай, прелестное дитя» — другая редакция стих. Младенцу.
- «Прощай, свободная стихия». См. К морю.
- Прощание. См. «В последний раз твой образ милой».
- Прощание. См. Товарищам
- «Промчались годы заточенья».
- Прощание с морем. См. К морю.
- Прощание с Тригорским. См. «Простите, верные дубравы».
- Птичка («В чужбине свято наблюдаю»). [На выпуск птички] [22? апреля 1823 г.; стих. 29, III]. I 246
- Пуншевая песня. Из Шиллера («Силы четыре»). [1816 г.?; коп. 1254 ЛБ] I 377

- «Пускай, не знаясь с Аполлоном». См. Князю А. М. Горчакову.
- «Пускай поэт с кадилыницей наемной». См. Сон.
- «Пускай увенчанный любовью красоты». [Залог любви]. [1824 г.]; авт. БАН]. I 271
- «Пускай угрюмый рифмотор». См. К. Галичу.
- «Пустое вы сердечным ты». См. Ты и вы.
- Путешественнику. См. К. Н. Г. Ломоносову.
- «Пучкова, право, не смешна». См. На Пучкову.
- Пушкин в унынии. См. «Но я не тот, мои владычные годы».
- В. А. Пушкину. Отрывок. («Что восхитительней, живей»). [П***ну. Отрывок из послания В. А. П-ну]. [1817 г.; стих. 29, I. I 178 и 389
- И. И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный»). [Нежданный гость]. [13 декабря 1826 г.; «Соврем.» 1841 г.; т. XXII]. II 30
- П. С. Пушкину: См. «В дыму, в крови, сквозь тучк стрел».
- «Пчела ужалила медведя в лоб». См. Мстительность.
- «Пью за здравие Мери». Песня. [Сентябрь — ноябрь] 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 98
- «Пьяной горечью Фалерна». См. Мальчику.
- «Пятнадцать лет мне скоро минет». См. Паж или пятнадцатый год.
- Р**
- Равновесие. См. Нравочительные четверостишия.
- «Радивой поднял желтое знамя». См. Битва у Зеницы-Великой.
- «Раевский, молодец прежний». См. Записка к Жуковскому.
- Разговор Фотия с гр. Орловой («Внимай, что я тебе вещаю»). [1820-ые гг.; Герб]. II 221
- «Раззевавшись от обедни». [Кишиневские дамы. Сатира на Кишиневских дам. «Признаюсь пред всей Европой», «Здравствуй, круглая соседка», «Вот еврейка с Тадарашкой», «Ты наказана сегодня», «Ты умна, велеречива»]. [Апрель — май 1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 217
- «Раз, полуношной порою». См. Казак.
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава»). [26 сентября 1824 г.; стих. 35]. I 253
- Разлука («Когда пробил последний счастью час»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 143
- Разлука. См. «В последний раз, в сени уединенья».
- Разлука. См. «Для берегов отчизны дальней».
- «Разоблачив пленительный кумир» — не введено как относящееся к стих. «Ты прав, мой друг».
- Расставание. См. «В последний раз твой образ милый».
- Рассудок и любовь («Младой Дафнис, гоняясь за Доридой»). [1815 г.]; Ник]. I 119
- «Расходились по поганому граду». См. «Расходились по поганскому граду».
- «Расходились по поганскому граду». [«Расходились по поганому граду»]. [1825 г.; авт. БАН]. I 386
- «Рвет ли зверь в лесу глухом» См. Эхо.
- «Редеет облаков летучая гряда». [Таврида. Таврическая звезда. Эпиграмма во вкусе древних. Элегия]. [Конец ноября — декабрь 1820 г.; стих. 29, I и авт. 67 ЛБ]. I 209
- Рефутация, Беранжера («Ты помнишь ли, ах, ваше благородье»). [Октябрь — первая половина ноября 1827 г.; «Отч. зап.» 1861 г. т. СXXXIX; Щерб.]. II 41
- Рифма. См. «Рифма — звучная подруга».
- Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась на берегу Пенея»). [Анфологическая эпиграмма]. [10 октября 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 91

- «Рифма — звучная подруга». [Рифма]. [Сентябрь—октябрь 1828 г.; авт. 71 ЛБ]. II 173
- А. Г. Родзянке. См. Из письма к А. Г. Родзянке («Прости, украинский мудрец»).
- А. Г. Родзянке («Ты обещал о романтизме»). [Январь? — первая половина июля 1825 г.; Соврем. 1859 г., т. II]. I 282
- Родословная моего героя («Начнем аб ово: мой Езерский»). [Езерский]. [1833 г.; «Соврем.» 1836, т. III]. II 143 и 279
- Родриг. См. «На Испанию родную».
- Роза («Где наша рдза»). [1815 г.?; авт. 64 ЛБ]. I 121
- «Романов и Зернов лихой». См. Двум Александрам Павловичам.
- Романс («Под вечер, осенью ненастной»). [1814 г.; Памятник Отеч. муз на 1827. г.]. I 63
- Романс. См. Легенда.
- Романс. См. «Пред испанкой благородной».
- «Роняет лес багряный свой убор». См. 19 октября.
- «Румяной зарею». См. Вишня.
- «Румяный критик мой, насмешник толстопузой». [«Куда же ты? В Москву». Шалость. Каприз]. [1—10 октября 1830 г.; авт. БАН]. II 90
- Русалка («Над озером, в глухих дубровах»). [Баллада]. [1819 г.; стих. 29, Л.]. I 200
- Русскому Геснеру («Куда ты холоден и сух»). [Январь—март 1827 г.; «Опыт русской анфологии» 1828]. II 33

С

- С английского. См. Цыганы.
- «С благоговейною душой». См. Надпись в беседке.
- «С богом в дальнюю дорогу». См. Похоронная песня, Иакинфа Маглановича.
- «С Гомером долго ты беседовал один». [К Н*; К Гнедичу] [1830 г.?; авт. 76 В, ЛБ; авт. ЦА]. II 186
- С латинского. См. К Лицинию.
- С латинского. См. Лицинию.
- С морского берега Тавриды. См. Чаадаеву.
- «С очами быстрыми». См. «В [младенчестве моем] бессмысленно лукавом».
- «С перегородкою каморки. [На пыльной полке образа», [«Стекло разбитое», «Лампада, вербная лоза», «Смотрю. . . окно, заткнутое»]. [Неизв. г.; авт. ПД]. II 212
- «С позволения сказать» См. Куплеты на слова: «С позволения сказать».
- С португальского («Там звезда зари взошла»). [Из Гонзаго]. [1825 г.?; авт. 68 ЛБ]. I 360
- «С пятнадцатой весною». См. Фавн и пастушка.
- «С своей пылающей душой». См. Портрет.
- «С тобой мне вновь считаться довелось». См. Из письма к И. Е. Великопольскому.
- «С тобой приятно уделить». См. Наденьке.
- «С тобою в спор я не вступаю». См. На Н. И. Гнедича.
- «С тобою древле, о всесильный». См. Подражания Корану.
- С французского. См. Золото и булат.
- «Сабуров, ты оклеветал». [Сабурову]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 351
- Сабурову. См. «Сабуров, ты оклеветал».
- «Сам Феб тебя готовил» — не введено как относящееся к стих. «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет»).
- Сапожник. Притча («Картину раз высматривал сапожник»). [1829 г. и 1836 г.?; Соврем. 1836 г. III]. II 162

- «Саранча летела, легла». [Экспромпт]. [Июнь 1824 г.; Москвит. 1854 г. № 9]. I 385
- Сатира на кишиневских дам. См. «Раззевавшись от обедни».
- «Сатирик и поэт любовный». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- Сафо («Счастливым юноша, ты всем меня пленил»). [Юноша]. [1825 г., стих. 29, II]. I 293
- «Сват Иван — как пить мы станем». [1833 г.?; авт 74 ЛБ]. II 148
- Свобода. См. Вольность.
- «Свободы баловень беспечный» — не введено, как относящееся к стих. «К С. Ф. Пушкиной» («Зачем безвременную скуку»).
- «Свободы сеятель пустынный». [Конец ноября 1823 г.; авт. ПД]. I 247
- «Свободы тайный страж, карающий кинжал». См. Кинжал.
- «Свод неба мраком обложился» [Вадим, Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году)]. [1822 г.; стих. 29, I]. I 242
- Сводня. См. «Сводня грустно за столом».
- «Сводня грустно за столом» [Сводня]. Не введено в настоящее издание. [1827 г.; авт 68 ЛБ]
- «Священник»: «Кто ты, мой сын». См. Исповедь стихотворца.
- «Ses manes parfumées». [«Quand la rose soudain»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 358
- «Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил». [Июнь 1817 г. — первые числа мая 1820 г.; авт у С. Д. Иванова] I 205
- «Себе ты выбрал, Зензевей». См. «Зачем раздался гром войны».
- «Сегодня, добрые мужья». См. Амур и Гиеней.
- «Сегодня я поутру дома» [Из записки к приятелю. Записка к приятелю] [1822 год; авт БАН]. I 341
- «Седой Свистов, ты царствовал со славой» См. Эпиграмма.
- «Сей белокаменный фонтан». (Кто б [ни был ты] пастиух». К фонтану, «Кто б ни был ты — жожа»). [Июль—декабрь 1829 г.; авт. ПД]. II 180
- «Семейственной любви и нежной дружбы ради». [«Почтения, любви и нежной дружбы ради». Экспромпт на сестру]. [6 апреля 1825 год; авт 1254 ЛБ] I 273
- Е. С. Семеновой. См. «Ужель умолк волшебный глас». Нимфодоре Семеновой («Желал бы быть твоим, Семенова, покровом») [1818 — 1819 г.?; Ефр. 1905, VIII]. I 383
- Сербская песня. См. Песни западных славян. Конь.
- Серепада См. «Я здесь, Инсзилья».
- Сестра и братья. См. Песни западных славян.
- Сетование. См. «Недавно я — в часы свободы».
- «Сижу за решеткой в темнице сырой». См. Узник.
- Сила и слабость. См. Нравоучительные четверостишия.
- «Силы четыре». См. Пуншевая песня.
- «Символы верности любя». [1828 г.?; авт. ПД]. . . . II 213
- «Сия пустынная страна». См. Боратынскому из Бессарабии.
- «Сиятельный Аристофан» [«Всё ненавистно становится»]. [1818 г.?; авт. 64 ЛБ]. I 363
- «Скажи, какие заклинанья». [Конец 1819 — начало 1820 года, авт. 64 ЛБ]. I 327
- «Скажи какой судьбой друг другу мы попались». Отрывок из комедии. См. III т.
- «Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак» [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 366
- «Скажи — не я ль тебя заметил» [«Умом и нежной красотой»]. [1823 г.; авт. 69 ЛБ]. I 347
- «Скажи, что нового?» «Ни слова». [1816 г.?; авт. ПД]. I 159

- «Сказал деспот: «Мои сыны!»
—не введено, как не принадлежашее Пушкину.
- «Сказали раз царю, что наконец». [На Воронцова]. [1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 269
- Сказка о золотом петушке («Негде, в тридевятом царстве») [20 сентября 1834 года; «Библ. для чтения», 1835, № 4]. II 269
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях («Царь с царицею протислся»). [4 ноября 1833 г.; «Библ. для чтения», 1834, № 2]. II 257
- Сказка о попе и работнике его Балде («Жил-был поп»). [13 сентября 1831 г.; авт. 76 Б, ЛБ]. II 247
- Сказка о рыбаке и рыбке («Жил старик со своею старухой»). [14 октября 1833 г.; «Библ. для чтения», 1835, № 5]. II 252
и 282
- Сказка о царе Салтане, сыне его, славном и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди («Три девицы под окном»). [Август? 1831 г.; ц. рук. стих. 32]. II 223
- Сказка. См. Амур и Гименей.
- Сказки. Noël («Ура! в Россию скачет»). [Вторая половина марта—апрель 1818 года; Герб.]. I 186
- «Сквозь волнистые туманы». См. Зимняя дорога.
- «Скребницей чистил он коня» См. Гусар.
- «Скучной ролью Телемака». См. Ф. Ф. Вигелю.
- «Слаб и робок человек». [Из подражаний Корану]. (Сентябрь — октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 365
- «Славная флейта, Феон». См. Подражания древним
- Слеза («Вчера за чашей пуншевою»). [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 115
- И. В. Сленину («Я не люблю альбомов модных»). [К И. В. С.] [1828 г.; стих. 29, III]. II 57
- Слепец. См «Внеми, о Гелиос».
- «Словесность русская больна». См. «Припадками болезни женской».
- Слово милой («Я Лилу слушал у клавира»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 137
- «Слушая сию новинку». См. «Пой в восторге, русский хор».
- «Слышишь ли вы за рошей глас ночной». См. Певец.
- «Слышу умокнувший звук божественной эллинской речи». См. На перевод Илиады.
- «Смесь жестоко над собранием». См. Моя родословная.
- «Смирдин меня в беду поверг». [1831 — 1836 гг.; авт. ПД]. II 162
- «Смотрю... окно, заткнутое подушкой». См. «С перегородкою каморки».
- «Смутясь, нахмурился пророк». См. Подражания Корану.
- «Снесу иль нет главу свою» — не введено, как не принадлежашее Пушкину.
- «Снова тучи надо мною». См. Предчувствие.
- Сновидение («Недавно обольщен прелестным сновиденьем»). [Из Вольтера]. [Январь — перв. числа июня 1817 г.; Ник.] I 179
- «Со мной одни воспоминанья». См. «Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла».
- Соб-ой. См. Собаньской.
- Собаньской. См. «Что в имени тебе моем».
- С. А. Соболевскому. См. Из письма к С. А. Соболевскому.
- Собрание насекомых («Мое собрание насекомых»). [1829 г.; ц. рук. стих. 32]. II 76
- Совет («Поверь: когда слепней и комаров»). [Июль—ноябрь? 1825 г.; стих. 29, II]. I 293
- Совет. См. «У Клариссы денег мало».
- «Сожаленье не поможет». См. На гр. Д. И. Хвостова.

- Сожженное письмо. («Прощай, письмо любви, прощай! Она велела»). [Январь 1825 г.; стих. 29, III]. I 272
«Сокрылся он». См. Гроб юноши.
- Соловей. («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей»). [Январь — февраль 1827 г.; стих. 29, III]. . . II 32
- Соловей. См. Песни западных славян.
«Соловей мой, соловейко». См. Соловей.
- Соловей и кукушка. («В лесах во мраке ночи пражной»). [Июль — ноябрь? 1825 г.; стих. 29, III]. . . I 293
- «Сомненье, страх, порочную надежду». Из Alfieri. [Монолог Изабеллы, из трагедии Альфиери «Филипп II»]. [1827 г.; авт. 68 ЛБ]. II 167
- Сон. Отрывок. («Пускай поэт с кадилницей наемной»). [1816 г.?. Ник.]. I 152
- Сонет. См. Мадонна.
Сонет.. См. Поэту.
- Сонет («Суровый Дант не презирал сонета»). [Январь — первая половина апреля 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 80
- Сонет («Три розы на свете цветут») — другая редакция стих. «Есть роза дивная».
- «Соседство ваше всем опасно». См. «Твое соседство нам опасно».
- Сосны. См. «Вновь я посетил».
- «Сосок чернеет сквозь рубашку». См. На картинке к «Евгению Онегину» в Невском Альманахе.
- «Составлен он из подлой спеси». См. «К. Г. со мною незнаком»
- Справедливость пословицы. См. Нравоучительные четверостишия.
- Сравнение. См. «Ты хочешь ли узнать, моя драгая».
- Сраженный рыцарь («Последним сияньем за лесом горя»). [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 107
- «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду». См. Неренда.
- «Среди рассеянной Москвы». См. Княгине З. А. Волконской.
- «Средь темной рощицы, под тенью лип душистых». См. Леда.
- «..Стамати был стар и бесслен». См. Феодор и Елена
«Стамбул гяуры нынче славят» [17 октября 1830 г.; авт. 76 В, ЛБ]. II 93
- Stances («Avez vous vu la tendre rose»). [1814 г.?. коп. Илличевского ЦА]. . I 84
- Стансы. См. Станцы (Брожу ли я).
- Стансы. («В надежде славы и добра»). [22 декабря 1826 г.; стих. 29, III]. . . II 44
- Стансы («Нет, я не льстец, когда царю»). [1828 г. не позднее февраля; Анн. VII]. II 44
- Стансы («Ты мне велишь пылать душою»). [Из Вольтера]. [Январь — первая числа июня 1817 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 168
- Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь»). [Стансы Т***му]. [1819 г.; стих. 29, I]. I 201
- Стансы. См. «Брожу ли я вдоль улиц шумных».
- Станцы. См. «В часы забав иль празднои скуки».
- «Старайся, наблюдать различные приметы» См. приметы.
- Старик. Из Маро («Уж я не тот любовник страстный»). [Январь — 27 ноября 1819 г.; стих. 29, I]. I 197
- Старик. Из Марота («Уж я не тот философ страстной»). [Январь — нач. мая 1815 г.; Рос. Музеум, 1815 г., № 5]. I 89
- Старый поэт («Благодарю вас за привет») — не введено, как написанное прозой.
- «Стекло разбитое». См. «С перегородкою каморки».
- «Стих каждой повести твоей». См. К Боратынскому.
- Стихи в альбом. См. «Если жизнь тебя обманет».
- Стихи, сочиненные ночью, во время бессоницы («Мне

- не спится, нет огня).
[Октябрь 1830 г.; авт.
БАН]. II 96
- «Стишки для вас одна забава». См. Разговор книгопродавца с поэтом.
- «Сто лет минуло, как те втон». [Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленродт»]. [Январь — март 1828 г.; стих. 29, II]. . . . II 46
- «Стою печален на кладбище». [«Последнее мирское пепелище»]. (1830 г.; авт. ПД). II 188
- Странник («Однажды странствуя среди долины дикой»). [26 июня 1835 г.; авт. 77 А, ЛБ]. II 198
- «Страшно и скучно». [1829 г. июль — декабрь; авт. 82 ЛБ]. II 181
- «Стрекотунья белобока». [Сентябрь—октябрь 1829 г.; авт. ПД]. II 177
- «Строгий свет». [1830 г.; авт. ПД]. II 214
- «Судьба свои дары явить желала в нем». См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- «Т — прав, когда так верно вас». [«Туманский прав»]. [Сентябрь—октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 260
- К. А. Т—вой. См. Е. А. Тимашевой.
- Таврида. См. «Редет облаков летучая гряда».
- Таврида («Ты вновь со мною, наслажденье»). [«Покойны чувства, ясен ум», «Воскресли чувства, ясен ум»]. [1822 г.; авт. 66 ЛБ]. . . . I 340
- Таврическая звезда. См. «Редет облаков летучая гряда».
- «Тадарашка в вас влюблен» [«Тодорашка в вас влюблен»]. [1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 228
- «Таится пещера». См. «В рощах карийских».
- «Так вот детей земных изгнанье». См. «Вот Коцит, вот Ахерон».
- «Так и мне узнать случи
- «Султан ярится. Кровь Элады». См. Ода Его Сият. Гр. Дм. Ив Хвостову.
- Сумасшествие. См. «Не дай мне бог сойти с ума».
- Супругою твоей я так пленился». См. Эпиграмма.
- «Суровый Дант не презирал сонета». См. Сонет.
- Сцена из «Фауста» («Мне скучно, бес»). [Новая сцена из «Фауста»]. [1825 г.; стих. 29, II]. I 295
- «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной». См. К***.
- «Счастлив, кто в страсти сам себе». См. Элегия.
- «Счастлив, кто избран своевременно». [К***]. [Июль — август 1828 г.; авт. БАН]. II 49
- Счастлив ты в прелестных дурах». [К NN]. [Август—первая половина сентября 1829 г.; ц. рук. стих. 32. II 66
- «Счастливей юноша, ты всем меня пленил». См. Сафо.
- «Съезжаются могучие цари». См. «Зачем раздался гром войны».

Т

- лось». См. Послание к Натальи.
- «Так, Маша, это точно он! Не правда ль?» См. «шляпа с розами».
- «Так море, древний душегубец». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- «Так на нрзбр страницы». [«Так на последние страницы»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 366
- «Так на последние страницы». См. «Так на нрзбр страницы».
- «Так старый хрыч цыган Илья». [1830—1831 гг.; авт. ПД]. II 192
- «Так точно! Это он». См. «шляпа с розами».
- «Так элегическую лиру». См. Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков».
- «Так я бывало забывал» — не введено, как черновой набросок к эпилогу «Руслана и Людмилы».

- «Таков он был» — не введено, как относящееся к стих. «Демон».
- Талисман («Там, где море вечно плещет»). [6 ноября 1827 г.; стих. 29, II] . . . II 40
- «Там, где древний Кочерговский». См. Эпиграмма.
- «Там, где море вечно плещет». См. Талисман.
- «Там, где Семеновский полк» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Там громкой славой». [«Боже, царя храни!]. [Первая половина октября 1816 г.; авт. ПД] I 370
- «Там звезда зари взошла». См. С португальского.
- «Там на берегу, где дремлет лес священный». [«На берегу, где дремлет лес священный»]. [1820 г.; Анн. VII] I 328
- «Там у леска, за ближнею долиной» [«В лесу под липою, где келья за долиной»]. [Ноябрь — декабрь 1819 г.; авт. ПД] I 325
- «Твое соседство нам опасно» [«Соседство ваше всем опасно»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 361
- «Твоих признаний жалоб нежных». См. Наперсник.
- Твой и мой («Бог весть, за что философы, пииты»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ и Ник.] I 151
- «Тебе наперсница Венеры». См. Послание к Лиде.
- «Тебе певцу, тебе герою». См. Д. В. Давыдову.
- «Тебя зову на томной лире». [«Тебе пою на томной лире»]. [1828 г.; авт. 71 ЛБ] II 175
- «Тебя ль я видел, милый друг?». См. Выздоровление.
- «Тебя пою на томной лире». См. «Тебя зову на томной лире».
- «Теките медленней в моем воспоминаньи». См. «Вы дни [протекшие]».
- Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя»). (1823 г.; стих. 29, I) . . . I 249
- «Теснится средь толпы еврей сребролюбивый» — не введено, как относящееся к «Братьям разбойникам».
- ««Tien et mien», dit Lafontaine». [Март — апрель? 1817 г.; авт. 64 ЛБ] . . . I 380
- Е. А. Тимашевой («Я видел вас, я их читал»). [К. А. Т—вой, К женщине-поэту]. [20 окт. 1826 г.; «Наше время», 1862, № 228] II 28
- «Тимковский царствовал — и все твердили вслух». [На цензоров]. [1824 г.; Герб.] I 386
- «То было вскоре после боя». [Из Байрона] (1828 г.; авт. ПД) II 213
- То Dawe esq—г («Зачем твой дивный карандаш»). [9 мая 1828 г.; стих. 29, II] . . . II 47
- Говарищам («Промчались годы заточенья»). [К товарищам перед выпуском. Прощание]. [Январь — перв. числа июня 1817 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 169
- «Тогда я демонов увидел черный рой». См. «И дале мы пошли».
- «Тодорашка в вас влюблен». См. «Тадарашка в вас влюблен».
- La Tolyade. См. «Je chante ce combat».
- «Толпа глухая». [9 дек. 1833; авт. 65 ЛБ] II 194
- «Толпа холодная поэта окружала» [Поэт и толпа]. [1827 г.; авт. 67 ЛБ] . . II 167
- Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»). [26 сентября 1822 г.; коп. 95 ЛБ] I 236
- «Только-что на проталинах весенних». См. [«Еще дуют холодные ветры»].
- «Тому мгновенье» [«Цветок любви»]. [1830 г.; авт. ПД] II 214
- «Торгуя совестью пред бледной нищетой». См. Подражания Корану.
- Торжество Вакха («Откуда чудный шум, неистовые клики?») [1817 г.; стих. 29, I] I 176
- «Три девицы под окном». См. «Сказка о царе Салтане».
- «Три дня купеческая дочь». См. Жених.

- Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной»). [27 июля 1827 г.; факс. «Русск. библ.», 1916 г. окт.] II 35
- «Три розы на свете цветут». См. Сонет.
- «Три у Будрысы сына, как и он, три литвина». См. Будрыс и его сыновья.
- Труд («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний»). [Анфологическая эпиграмма]. [Сентябрь — октябрь 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 98
- «Трудясь над образом прелестной Ушаковой» [1 апр. 1829 г.; авт. Ушак. альбом ЛБ] II 213
- «Трусоват был Ваня бедный». См. Песни западных славян. Вурдалак.
- «Туманский прав, когда так верно вас». См. «Т—прав, когда так верно вас».
- «Тургенев, верный покровитель». См. А. И. Тургеневу.
- А. И. Тургеневу («Тургенев, верный покровитель»). [8 ноября 1817 г.; Русск. арх. 1895 г., III; Русск. богатство, 1901 г. № 1] I 174
- А. И. Тургеневу. См. Послание к А. И. Тургеневу.
- Туча («Последняя туча рассеянной бури»). [13 апреля 1835 г.; «Моск. Наблюд.» 1835, II, кн. 2]. II 152
- «Ты богат, я очень беден». См. Ты и я.
- «Ты богоматерь, нет сомнения». См. К**.
- «Ты в горестях любви находишь наслажденье» — ранняя редакция стих. «Мечтателю» («Ты в страсти горестной»).
 «Ты в страсти горестной находишь наслажденье». См. Мечтателю.
- «Ты видел деву на скале». См. Буря.
- «Ты вновь со мною, наслажденье». См. Таврида.
- «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя сдает». Подражание А. Шенве. [1824 г.; стих. 29, I] . . . I 269
- Ты и вы («Пустое вы сердечным ты»). [23 мая 1828 г.; стих. 29, II] II 48
- Ты и я («Ты богат, я очень беден»). [1818—1819 гг.; Герб.] I 382
- «Ты издал дядю моего». См. П. А. Плетневу.
- «Ты ль передо мною». См. Делня.
- «[Ты] [мне]». См. «[Ты не внемлешь]».
- «Ты мне велишь открыться пред тобой». [1819 г.; авт. 64 ЛБ] I 364
- «Ты мне велишь пылать душою». См. Стансы.
- «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» II 281
- «Ты наказана сегодня». См. «Раззевавшись от обедни».
- «[Ты не внемлешь]». «[Ты] [мне]». [1818 г.; авт. 64 ЛБ] I 363
- «Ты не наследница Клероны». См. Послание к молодой актрисе.
- «Ты обещал о романтизме». См. А. Г. Родзянке.
- «Ты пел вино». См. «Певец-гусар, ты пел биваки».
- «Ты победный добрый молодец» — не введено как, не принадлежащее Пушкину.
- «Ты помнишь ли, ах, ваш благородье». См. Рефутация Беранжера.
- «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел». [Январь—февраль? 1822 г.; авт. 65 ЛБ] I 338
- «Ты прав, несносен Фирс ученый». См. Добрый человек.
- «Ты прав: хоть он поэт изрядный». См. «Хоть впрочем он поэт изрядный».
- «Ты просвещением своей разум осветил». [Полонофилу]. [1831—1834 гг.]; Шляпкин] II 197
- «Ты рождена воспламенять». См. Гречанке.
- «Ты сердцу непонятный мрак» — другая редакция стих. «Люблю ваш сумрак неизвестной».
- «Ты слышал весть смешную». См. На гр. А. К. Разумовского.

«Ты угасал, богач молодой». См. На выздоровление Лукулла.
 «Ты умна, велеречива». См. «Раззевавшись от обедни».
 «Ты хочешь, друг бесценной». См. К сестре.
 «Ты хочешь знать, моя дра-

гая». См. «Ты хочешь ли узнать, моя драгая».
 «Ты хочешь ли узнать, моя драгая». [«Ты хочешь знать, моя драгая», Сравненис]. [1816 г?; авт. ПД] I 160
 «Ты хочешь, милый друг, узнать». См. Послание к Юдину.

У

Е. Н. У*** вой. См. Ел. Н. Ушаковой.
 «У ворот сидел Марко Якубович». См. Марко Якубович.
 «У Гальяни иль Кольони». См. Из письма к С. А. Соболевскому.
 «У Кларисы денег мало». [Эпиграмма]. [Январь 1822 г.; стих. 29, II] . . . I 232
 «... у моря под скалой». См. «Есть у моря под скалой».
 «У русского царя в чертогах есть палата». См. Полководец.
 «Увы, зачем она блистает». [Элегия]. [Вторая половина августа — первая половина сентября 1820 г.; стих. 29, I] I 205
 «Увы, навеки скрылся он» — другая редакция стих. Гроб юноши
 «Увы! Напрасно деве гордой». См. А. Н. Вульф.
 «Увы! язык любви болтаивой». [Май 1828 г.; авт. 71 ЛБ] II 172
 «Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой». См. Послание цензору.
 «Угрюмых тройка есть певцов». [8 декабря 1815 г.; авт. ЛБ]. I 102
 Уединение («Блажен, кто в отдаленной сени»). [Из Арно]. [Январь—27 ноября 1819 г.; стих. 29, II] I 196
 Уединение. См. Деревня.
 «Уединенная пещера. См. «Есть у моря под скалой».
 «Уж осень холодом дохнула» — не введено, как относящееся к стих. «Осень».
 «Уж полем всадники летят» — другая редакция стих. «Наездники».

«Уж я не тот любовник страстный». См. Старик.
 «Уж я не тот! мои золотые годы». См. «Но я не тот, мои золотые годы».
 «Уж я не тот философ страстной». См. Старик.
 «Ужели он казался прежде мне» — не введено как относящееся к стих. «Ты прав, мой друг».
 «Ужель умолк волшебный глас» [Е. С. Семенов] — не введено как относящееся к стих. Катенину («Кто мне пришлет ее портрет»)
 «Узнаем коней ретивых». См. Из Анакреона.
 «Узнают коней ретивых». См. Из Анакреона.
 Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой»). [1822 г.; ц. рук. стих. 32] I 237
 «Улыбка уст, улыбка взоров». [1821 г. — 1823 г.; авт. 69 ЛБ] I 365
 «Умножайте шум и радость». См. Именины.
 «Умолкну скоро я. Но если в день печали». [23 августа 1821 г.; стих. 29, I] . . . I 220
 «Умом и нежною красой». См. «Скажи — не я ль тебя заметил».
 Уныние («Мой милый друг, расстался я с тобою») — другая редакция стих. Разлука («Когда пробил последний счастью час»)
 Уныние. См. К*** («Не спрашивай, зачем унылой душой»)
 Унынье. См. Желание («Медлительно влекутся дни мои»)
 «Ура! в Россию скачет». См. Сказки. Noël.

- «Уральски казаки» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила». См. Царскосельская статуя.
- «Уродился я, бедный недоносок». [1828 г.; авт. БАН]. II 175
- Кж. С. А. Урусовой («Не веровал я троице доньне»). [1827 г.; Лонг]. . . II 221
- «Усердно помолившись богу». См. 19 октября 1828 г.
- Усы. Философическая ода. («Глаза скосив на ус кудрявой»). [Январь — 20 марта 1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 123
- «Утихла брань племен; в пределах отдаленных». См.
- На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году.
- Утопленник. Простонародная сказка («Прибежали в избу дети»). [Январь—сентябрь 1828 г.; стих. 29, II]. II 51
- Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»). [В альбом]. [16 мая 1827 г.; Майков]. II 34
- Ек. Ник. Ушаковой («Когда, бывало, в старину»). [В альбом]. [3 апреля 1827 г.; Майков]. I 33
- Ел. Н. Ушаковой. В альбом («Вы избалованы природой»). (Е. Н. У***вой) [1—6 января 1829 г.; стих. 29, III]. . . II 62

Ф

- Фавн и пастушка. Картины («С пятнадцатой весной»). [Отрывок из стих. «Фавн и пастушка»]. [1816 г.; Ефр. 1880, П]. I 129
- «Фаддей роди Ивана» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Фаршат-беку. См. «Не пленяйся бранной славой».
- «Феб и Геркулес». См. «Милый мой, сегодня».
- Феодор и Елена. См. Песни западных славян.
- Финал Анакреона («Когда на поклоненье»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 140
- В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак» («Вам музы, милые старушки»). [Конец марта — нач. апреля 1828 г.; стих. 29, III]. II 47
- «Фиалка в воздухе свой аромат лила». См. Закон природы.
- «Философ ранний, ты бежишь». См. Стансы Толстому.
- «Философ резвый и пиит». См. К Батюшкову. Философическая ода. См. Усы.
- Фонарь («Друзья, не лучше ли на место фонаря») — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Фонтан любви, фонтан живой». См. Фонтану Бахчисарайского дворца.
- Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой»). [1820 г.?.; 1824 г.?.; стих. 29, I]. . . I 210
- Французским журналистам. См. Клеветникам России.
- «Французских рифмачей суровый судия» [1833 г.; авт. 74 ЛБ]. II 194

Х

- «Хаврониос! ругатель законснелый». См. Эпиграмма.
- «Хвостовым некогда воспетая дыра». См. Надпись к воротам Екатерингофа.
- «Ходил Стенька Разин». См. Песни о Стеньке Разине.
- «Холоп венчанного солдата» См. На Стурдзу.
- «Хотел издать Ликурговы законы» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Хотел я душу освежить». См. «Желал я душу освежить».
- «Хоть впрочем он поэт изрядный». [«Ты прав: хоть

- он поэт изрядный»].
[Перв. числа апреля 1821 г.; стих. 29, II]. I 214
- «Хоть тяжело подчас в ней время». См. Телега жизни.
- «Хотя стихшки на именины». К имениннице.
- «Хочу воспеть, как дух нечистый ада». См. Монах.
- «Хочу я завтра умереть». См. Мое завещание. Друзьям.
- «Храни меня, мой талисман». [1827 г.; авт. БАН]. II 168
- «Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений». См. Царское село.
- «Христос воскрес, моя Реввека». [Еврейке]. [12 апреля 1821 г.; авт. 67 ЛБ]. I 214
- «Христос воскрес, питомец Феба!» [Желание. Из письма]. [9 апр. 1816 г.; Лонг.]. I 124
- «Хромид в тебя влюблен». См. Дионей.
- «Художник-варвар кистью сонной». См. Возрождение.
- Художнику («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую») [25 марта 1836 г.; авт. БАН]. II 158

Ц

- «Царей потомок, Меценат» [Из Горация. Из «Мецената» Горация]. [1835 г. 2; авт. ПД]. II 205
- «Царица голосом и взором». См. Клеопатра.
- Царское село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений»). [1817? вторая половина года; авт. ПД]. I 132
- Царскосельская статуя («Урну с водой уронив, об утесе дева разбила»). [К статуе в Царском селе, Анфологическая эпиграмма]. [1 октября 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 87
- Царь Никита. См. «Царь Никита жил когда-то».
- «Царь Никита жил когда-то». [Царь Никита]. [1822 г.; авт. 66 ЛБ]. I 339
- «Царь с царицею простился». См. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях.
- «Царь увидел пред собой». (1833 г.; авт. 75 ЛБ). II 195
- «Цветок любви». См. «Тому мгновенью».
- «Цветок засохший, безуханной». См. Цветок.
- Цветок («Цветок засохший, безуханной»). (1828 г.; стих. 29, II). II 59
- «Цветы последние милей». [Последние цветы. В альбом П. А. Осиповой]. [16 октября 1825 г.; авт. 7016 ЛБ]. I 288
- Цензору. См. Послание цензору.
- «Ценитель умственных творений исполинских». [Козловскому]. [Август 1836 г.; авт. 84 ЛБ]. II 209
- Циклоп. См. «Язык и ум теряя разом».
- Цыганы. С английского («Над лесистыми брегами»). [1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 99

Ч

- Ч***ву. См. Чаадаеву («В стране, где я забыл»).
- Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»). (К Чаадаеву, Ч***ву, К Чаадаеву). (6 апреля, 20 апреля 1821 г.; стих. 29 I; *Сын отечества* 1821, № 35 и авт. 67 ЛБ). I 214
- Чаадаеву. С морского берега Тавриды («К чему холодные сомненья»). [К Ч***]. [Сентябрь 1820 г.; стих. 29, II]. I 207
- «Часто, часто я беседовал». См. Бова (Отрывок из поэмы).
- «Часы, протекшие в живом очарованьи» См. «Вы, дни, [протекшие]».
- «Чего ж, мечтатель молодой» — не введено как относящееся к стих. «Свободы сеятель пустынный».

- «Чего ж, мечтатель молодой» — не введено как относящееся к стих. «Свободы сеятель пустынный» или «Демон».
- «Чем чаще празднует лицей». [Лицейская годовщина 1831 г.; 19 октября 1831 г.]. [19 октября 1831 г.; авт. 77 А, ЛБ]. II 90
- Череп. Послание к Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он»). [Послание к Д***]. [Октябрь—декабрь 1827 г.; стих 29, II]. . . II 37
- «Черна, как галка» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Черная шаль. Молдавская песня. («Гляжу как безумный на черную шаль»). [14 ноября 1820 г.; стих. 29, I]. I 208
- «Черногорцы, что такое?». См. Бонапарт и черногорцы.
- Черное море. См. «Погасло дневное светило».
- «Черный ворон выбирал белую лебедушку». См. «Как жениться задумал царский арап».
- Чернь («Поэт по лире вдохновенной»). [Ямб; Поэт и толпа; Поэт и чернь]. [Январь — первая половина декабря 1828 г.; стих. 29, II]. II 56
- «Чиновник и поэт» («Куда вы? За город, конечно»). [Неизв. гг.; авт. БАН]. . . II 211
- «Чистотой, прислужгой и пойлом». См. «Всем красны боярские конюшни».
- «Чистый лоснится пол». См. Подражания древним.
- «Что белеет на горе зеленой». См. «Что белеется на горе зеленой».
- «Что белеется на горе зеленой». [«Что белеет на горе зеленой»]. [1835 г.; авт. ПД]. II 155
- «Что в имени тебе моем». В альбом. [Соб-ой; Собаньской; А. А. Олениной]. [1829 г. и 1830 г.; ц рук. стих. 32]. . . . II 77
- «Что в разъездах бей Янко Марнавич». См. Янко Марнавич.
- «Что восхитительней, живей». См. В. Л. Пушкину. Отрывок.
- «Что дружба? Легкий пыл похмелья». См. Дружба.
- «Что ж нового? «Ей богу ничего». См. Любопытный.
- «Что же? будет ли вино?» [К брату; Из письма к брату] [Перв. пол. декабря 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. . . . I 353
- «Что козырь? — черви — мне ходить». См. «Воту Коцит, вот Ахерон».
- «Что можем насоро стихами, молвить ей?» См. К. А. Б***.
- «Что не конский топ». См. Песни о Стеньке Разине.
- «Что с тобой, скажи мне, братец». [1825 г.; авт. БАН]. I 360
- «Что скажет нам Семен Никитич». [авт. 67 ЛБ]. Введено по ошибке. Относится к «Борису Годунову». I 365
- «Что смолкнул веселия глас». См. Вакхическая песня.
- «Что-то грезит Боратынский». [Неизв. гг.; Анненк. VII, 83]. II 222
- «Что ты, девица, грустна». См. Баллада.
- «Что ты ржешь, мой конь ретивый». См. Конь.
- «Чу, пушки грянули» — не введено как относящееся к «Медному всаднику».
- «Чугун кагульский, ты священ». [1821 г. — 1822 г.; авт. 64 ЛБ]. I 343
- «Чудесный ангел, гений мой». — не введено как относящееся к наброску «Она цвела передо мною».
- «Чудесный жребий совершился». См. Наполеон.
- «Чья мысль восторгом угадала». См. Недоконченная картина.

Ш

- Ш***ву. См. Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»).
- Шалость. См. Бесы.
- Шалость. См. «Румяный критик мой, насмешник толстопузой».
- «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой». См. Шишкову.
- Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»). [Ш***ву]. [1825 г.? не позднее июля; стих. 29, I]. I 302
- «Шляпа с розами». [Так, Маша, это точно он! Не правда ль?»; «Так точно! Это он!]. [*Январь — ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ*]. I 363
- Шотландская песня. См. «Ворон к ворону летит».
- «Штабс-капитану, Гете, Грею». [Жуковскому]. [*Лето? 1817 г.; Рус. ст., 1897 г. № 2*]. I 378
- «Шумит кустарник. На утес». («Глядит на светлые края»). [1829 г.?; авт. 67 ЛБ]. I 182

Щ

- «Щастлив кто близ тебя, любовник упоенный». См.
- «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный».

Э

- Эвлега («Вдали ты зришь утес уединенный»). [1814 г.?; *Ник.*]. I 77
- П. И. Эгельstromу («О, Эгельstrom, я восхищенный»). [Послание П. И. Эгельstromу]. [*Конец октября — ноябрь 1828 г.; Анн. VII*]. II 55
- «Эй брат, я говорю тебе в последний раз». См в III т.
- М. Е. Эйхфельдт («Ни блеск ума, ни стройность платья»). [1821 г.?; *Москвит., 1850, № 1*]. I 384
- Экспромпт. См. Кн. П. А. Вяземскому («Зачем забывши славу»).
- Экспромпт. См. «И останешься с вопросом».
- Экспромпт. См. «Писать я не умею».
- Экспромпт. См. «Саранча летела».
- Экспромпт на А. См. Экспромпт на Огареву.
- Экспромпт на Агареву. См. Экспромпт на Огареву.
- Экспромпт на сестру. См. «Семейственной любви».
- Экспромпт на Огареву («В молчаньи пред тобой сижу»). [Экспромпт на А. Экспромпт на Агареву] [1816 г.?; *Ник.*]. I 159
- Элегический отрывок. См. Гроб юноши.
- Элегический отрывок. См. «Поедем, я готов; куда бы, вы друзья».
- Элегия (Безумных лет угасшее веселье). [8 сентября 1830 г.; *стих 35*]. II 86
- Элегия («Воспомянем упоенный»). [К Кагульскому памятнику] [30 марта 1819 г.; авт. 67 ЛБ]. I 324
- Элегия («Опять я ваш, о юные друзья»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 147
- Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 145
- Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села»). [Подражание]. [1816 г.; авт. 64 ЛБ]. I 148
- Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 144
- Элегия. См. Желание славы.
- Элегия. См. «Люблю ваш сумрак неизвестный».
- Элегия. См. «Мой друг, забыты мной».
- Элегия. См. «Погасло дневное светило».
- Элегия. См. «Под небом голубым».
- Элегия. См. «Простишь ли мне ревнивые мечты».
- Элегия. См. «Редеет облаков летучая гряда».
- Элегия. См. «Увы, зачем она блистает».

- Элегия. См. «Я пережил свои желанья».
- Элегия (Из поэмы «Кавказ»). См. «Я пережил свои желанья».
- Элегия на смерть Анны Львовны («Ох, тетенька! ох Анна Львовна») [20—26 апр. 1825 г.; ЦА]. . II 215
- Элегия на смерть Ризнич. См. «Под небом голубым».
- «Аллеферия, пред тобой». («Гречанка, прелесть, пред тобой»; «Гречанка, я люблю тебя»). [Апрель — май? 1821 г.; авт. 65 ЛБ]. } 332
- «Эльвина, милый друг, приходи, подай мне руку». См. К ней.
- В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»). (NN, из письма). [Конец июня — начало июля 1819 г.; стих. 29, I, Анн. VII]. I 191
- Эпиграмма («Арист нам обещал трагедию такую»). [1814 г.; Росс. Музеум, 1815 г., № 1]. I 65
- Эпиграмма («Бывало прежних лет герой»). (На Рыбушкина). [Январь — нач. июня 1815 г.; Росс. Музеум, 1815, № 6]. I 93
- Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной»). [На Ф. И. Толстого]. [1818 г. — первые числа мая 1820 г.; авт. ПБЛ]. I 205
- Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»). [Февраль—первая половина марта 1829 г.; «Моск. телегр.» 1829, № 7]. II 64
- Эпиграмма («Как брань тебе не надоела»). [1820 г.; стих. 29, II]. I 209
- Эпиграмма («Когда б писать ты начал с-дуру»). [1820 г.; авт. ПБЛ]. I 209
- Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»). (На Надеждина). [Вторая половина августа — первая пол. декабря 1829 г.; Сев. цв. на 1830 г.]. II 73
- Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин»). [«Не то беда, Фаддей Булгарин»] [Октябрь? 1830 г.; «Денница» 1831 г.]. II 97
- Эпиграмма («Оставя честь судьбе на произвол»). [1821 г.; авт. 67 ЛБ]. I 227
- Эпиграмма («Поверь мне, быть тебе Панглосом»). [Лечись, иль быть тебе Панглосом!] [1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 229
- Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой»). [Арзамасская эпиграмма. «Седой Хвостов! ты царствовал со славой»] [1829 г.? не позднее первой пол. декабря; Сев. цв. на 1830 г.]. II 77
- Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский»). (Эпиграмма на Каченовского). [Январь—первая половина апреля 1829 г.; «Моск. телегр.», 1829, № 8]. II 64
- Эпиграмма («Хаврониос! ругатель закоснешлый»). [На Каченовского]. [1820 г.; авт. ПБЛ]. I 209
- Эпиграмма. См. «Аптеку позабудь ты для венков лавровых».
- Эпиграмма. См. «К. Г. со мною незнаком».
- Эпиграмма. См. «Как сатирой безымянной».
- Эпиграмма. См. На Булгарина.
- Эпиграмма. См. «Надеясь на мое презренье».
- Эпиграмма. См. Несчастье Клита.
- Эпиграмма. См. «Припадками болезни женской».
- Эпиграмма. См. «У Клариссы денег мало».
- Эпиграмма. Из Антологии («Лук звенит, стрела трепещет») [На А. Н. Муравьева] [1—9 марта 1827 г.; «Моск. Вестн.» 1827 г. ч. II № VI]. II 33
- Эпиграмма на Каченовского («Клеветник без дарованья»). [1821 г.; авт. 1254 ЛБ]. I 227
- Эпиграмма на Каченовского («Обиженный журналами жестоко»). См. Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»).
- Эпиграмма на Каченовского. См. Литературное известие.

- Эпиграмма на Каченовского.
См. Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский»).
- Эпиграмма на А. М. Колосову («Всё пленяет нас в Эсфири»). [На А. М. Колосову]. [Первая половина января 1819 г.; *Русс. стар.* 1879 г., № 6]. I 381
- Эпиграмма на поэму кн. С. А. Ширинского-Шахматова. См. «Пожарский, Минин, Гермоген».
- Эпиграмма на Пучкову («За чем об инвалидной доле» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Эпиграмма на гр. А. К. Разумовского. См. На гр. А. К. Разумовского.
- Эпиграмма на смерть стихотворца («Покойник Клит в раю не будет»). [Эпитафия; На смерть стихотворца]. [1816 г.?; Север. набл., 1817 г., № 2]. I 160
- Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова («Князь Шаликов, газетчик наш печальный»). [15 мая 1827 г.; *Речь* 1911 № 9] II 217
- Эпиграмма. Подражание французскому («Супругою твоей я так пленился») [1814 г.; *Росс. Музеум*, 1815 г. № 1] I 66
- Эпиграммы во вкусе древних. См. Красавица перед зеркалом. Нерейда. «Редеет облаков летучая гряда».
- Эпитафия («Здесь Пушкин погребен»). См. Моя эпитафия.
- Эпитафия. См. Эпиграмма на смерть стихотворца.
- Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому («В сиянии и в радостном покое»). [Конец января—май? 1828 г.; *Анн. VII*]. II 49
- «Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея». См. Рифма.
- Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом»). [Из Томаса Мура]. [Январь — сентябрь 1831 г.; *ц. рук. стих.* 32]. II 104

Ю

- Юдифь. См. «Когда владыка ассирийский».
- Юноша. См. Сафо.
- «Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый». См. На статую играющего в свайку.
- «Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу». [1833 г.? 2 янв.; авт. БАН]. II 147
- «Юноша трижды шагнул, наклонился рукой о колесо» См. На статую играющего в бабки.
- «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила». [1835 г.; авт. ПД]. II 155
- Юрьеву («Любимец ветреных Лаис»). [К Ю...у]. [Январь—июнь 1818 г.; печат. лист ПД]. I 187
- Кн. Н. Б. Юсупову. См. К вельможе.

Я

- «Я был рожден для наслаждения» — не введено как относящееся к стих. «Алексееву» («Мой милый, как несправедливый»).
- «Я был свидетелем золотой твоей весны». [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 357
- «Я вас любил: любовь еще, быть может». [Январь — перв. пол. ноября 1829 г.; *ц. рук. стих.* 32, III]. II 71
- «Я вас люблю, — хоть я бешусь». См. Признание (К А. И. Осиповой).
- «Я вас узнал, о мой оракул». См. Ответ.
- «Я верю; я люблю; для сердца нужно верить». См. Дориде.
- «Я видел Азии бесплодные пределы». [Вторая половина 1820 г.; авт. ПБЛ]. I 327
- «Я видел вас, я их читал». См. Е. А. Тимашевой.

- Я видел, как она при мне». См. «Она цвела передо мною».
- Я видел смерть; она в молчаньи села». См. Элегия.
- Я вокруг Стурдзы хожу» См. На А. С. Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу»).
- «Я влюблен, я очарован». [Март?—29 апр. 1830 г.; А. Н. Муравьев «Знакомство с русскими поэтами», 1871 г.]. II 222
- «Я возмужал и кажется на век». См. «Я возмужал среди печальных бурь».
- «Я возмужал среди печальных бурь». [«Я возмужал и кажется на век»]. [1835 г.; авт. 84 ЛБ]. II 208
- «Я говорил пред хладною толпой» — не введено как относящееся к стих. «Ты прав, мой друг».
- «Я говорил тебе: страшися девы милой». См. Дева.
- «Я дамой крою». См. «Вот Коцит, вот Ахерон».
- «Я думал, сердце позабыло». [1835 г.; авт. 84 ЛБ]. . . II 203
- «Я думал, что любовь погасла навсегда». См. Элегия.
- «Я ехал к вам: живые сны». См. Приметы.
- «Я жду обещанной тетради». См. Боратынскому.
- «Я здесь, Инезелья». [Серенада]. [9 октября 1830 г.; авт. БАН]. II 89
- «Я знаю край: там на брега». [1827 г.; авт. БАН]. . . II 171
- «Я знаю, Лидинька, мой друг». См. Платоническая любовь.
- «Я Лилу слушал у клавира». См. Слово милой.
- «Я люблю вечерний пир». См. Веселый пир.
- «Я мало жил и наслаждался мало». См. «Не угрожай ленивцу молодому».
- «Я не видал негодней смеси». См. «К. Г.— со мною не знаком».
- «Я не дремал». [Отрывок]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 366
- «Я не люблю альбомов модных». См. И. В. Сленину.
- «Я не рожден святыню славословить». См. Начало первой песни «Девственницы».
- «Я не совсем еще рассудок потерял». См. Дядя, назвавшему сочинителя братом.
- «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». [Памятник]. [21 августа 1836 г.; авт. 84 ЛБ]. II 461
- «Я пережил свои желанья». [Элегия; Элегия (Из поэмы «Кавказ»)]. [22 февраля 1821 г.; стих. 29, Д]. . . I 211
- «Я помню деву юности прелестной» — не введено как относящееся к стих. «В начале жизни школу помню я».
- «Я помню чудное мгновенье». См. К. А. П. Керн.
- «Я прав, он виноват; решите». См. Куплеты на слова «Никак нельзя — ну, так и быть».
- «Я сам в себе уверен». [Сентябрь 1816 г. — май 1817 г.; Щерб.]. I 130
- «Я слушаю тебя и сердцем молодую». См. «Певец-гусар, ты пел биваки».
- «Я ускользнул от эскулапа». См. В. В. Энгельгардту.
- «Язвительный поэт, остряк замысловатый». См. Кн. П. А. Вяземскому.
- «Язык и ум теряя разом». [Циклоп]. [1 января 1830 г.; авт. ПД]. II 79
- «Языков, кто тебе внушил». См. К. Языкову.
- Н. М. Языкову. См. К. Языкову («К тебе собирался я давно»).
- Ямб. См. Чернь.
- Янко Марнавич. См. Песни западных славян.
- Яныш королевич. См. Песни западных славян.
- * * * («Люблю ваш сумрак неизвестной»). См. «Люблю ваш сумрак неизвестной».

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

ГОМ ВТОРОЙ

- Стр. 6, строка 19 св. — последователи французских материалистов
» 14, после строки 24 » пропущена строка: ность и художественную
простоту выражения, свежесть слога и
гармонии
» 40, » 6 » — Мой приятель Вульф
» 41, » 15 » — 550. РЕФУТАЦИЯ БЕРАНЖЕРА.
» 41, » 20 сн. — Ты помнишь ли, скажи - - - - .
» 90, » 7 сн. перед строкой должен быть пробел.
» 104, » 11 св. — Встань и спасай царя и нас,
» 104, » 19 » — Но храм — в молчанье погружён,
» 108, » 7 сн. — l'avoit attrapé,
» 162—163 — пропущено указание о том, что стихотворения с 739-го по
742-ое датируются 1836 г. предположи-
тельно.
» 183, » 8 св. — Я предавал мечтам свой юный ум,
» 193, » 9 » — И, камень приподняв за медное кольцо,
» 197, » 15 сн. — И мудро свой воевнавидел.
» 201, » 19 » пропущена — Летом, в час, как за холмами
» 205, » 4 и 5 св. — С своим бесстрашным седоком,

[И дон Альфонс далече скачет].

СПИСОК ОПЕЧАТОК ПЕРВОГО ТОМА
БУДЕТ ПРИЛОЖЕН К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

Изд-во „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК“
Москва, Страстная площадь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1930 ГОД

на выходящий (каждые 10 дней) иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический журнал

**КРАСНАЯ
НИВА**

Учитывая потребность широких кругов своих читателей — рабочих-активистов, сельских общественников, партийной и советской интеллигенции, «КРАСНАЯ НИВА» видит свою основную задачу в том, чтобы в художественном слове, статье, очерке и иллюстрации быть проводником генеральной линии, определяющей наше социалистическое строительство

«КРАСНАЯ НИВА» будет уделять особое внимание сдвигам, совершающимся в быту и культуре страны, сдвигам, которые уже теперь заставляют говорить о культурной и бытовой революции.

«КРАСНАЯ НИВА» даст в 1930 году 36 номеров богатого иллюстрированного журнала. По 24 страницы большого формата в каждом номере, в многокрасочной обложке

В «КРАСНОЙ НИВЕ» будут следующие постоянные отделы:

Жизнь, строительство и творчество на родах С С С Р.
Политическое обозрение
История революционного движения
Критика современной литературы.
История литературы.
История культуры
Искусство — театр.
Очерки советского строительства нового быта.
Наука и техника.
Популярные очерки и статьи, хроника открытий и изобретений
ФИЗИКУЛЬТУРА.

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТДЕЛЕ

читатель найдет отображение всей текущей жизни искусства как советского, так и европейского (живопись, скульптура, архитектуры), производственных искусств, бытовые зарисовки, портреты, шаржи и т. д.

«КРАСНАЯ НИВА» печатается в собственной типографии «ИЗВЕСТИЙ ЦИК», оборудованной новейшими усовершенствованными машинами. Благодаря установке машинки для «ТИФДРУКА» и машинок для ОФСЕТА редакция имеет возможность значительно улучшить качество иллюстраций, доведя их выполнение до ВЫСОКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ.

В 1930 году
**КРАСНАЯ
НИВА**

даст своим годовым подписчикам полное собрание сочинений в 6 томах (12-ти книгах)

А. С. ПУШКИНА

В НОВОМ ИЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, акад. П. Н. САКУЛИНА, В. М. СОЛОВЬЕВА и П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

Это собрание сочинений Пушкина является первым полным изданием произведений великого поэта, появившимся за годы революции.

Впервые это издание полного собрания сочинений Пушкина будет включать в себе все ранее запрещенное царской цензурой.

В первый раз для этого издания редакторами произведен просмотр всего рукописного наследия Пушкина.

Таким образом, издание, даваемое под писателям «Красной Нивы», является первым изданием, в котором текст сочинений великого поэта в результате критической проработки всего рукописного материала будет освобожден от многих ошибок предшествующих изданий, пропусков и искажений, возникших в условиях царской цензуры.

К участию в работе над текстами Пушкина и над комментариями к ним привлечены виднейшие пушкинисты: Н. В. Измайлов, Н. К. Козьмин, Н. О. Лернер, Ю. Г. Оксмая, академик П. Н. Сакулин, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, М. А. Цявловский и П. Е. Щеголев и ряд молодых марксистов-литературоведов.

Особенное внимание в этом издании сочинений Пушкина будет обращено на статьи и комментарии.

В 6-ти томах будут помещены: общая вступительная статья А. В. Луначарского о значении Пушкина для современности, статья академика П. Н. Сакулина об историко-литературном значении Пушкина, биографический очерк Пушкина, написанный П. Е. Щеголевым, социологич. творчество Пушкина — статья Д. Д. Благого, Пушкин-историк, статья академика М. Н. Покровского, Пушкин-журналист и критик — статья И. В. Сергиевского, как работал Пушкин над своими произведениями — П. А. Ашукина.

Комментарии составят отдельный том. В этом томе все примечания, необходимые для понимания текста Пушкина, будут расположены в алфавитном порядке, в форме энциклопедии пушкинского творчества, и явятся для читателя надежным «Путеводителем по Пушкину».

Все издание полн. собр. соч. Пушкина в приложении к журналу «Красная Нива» составит 6 томов (в 12 книгах): Том I и II — Лирика. Сказки. Том III — Поэмы и драмы. Том IV — «Евгений Онегин». Художественная проза. Том V — Критические статьи. Исторические работы. Автобиографические статьи. Том VI — Путеводитель по Пушкину».

Издание будет напечатано четким, крупным, так называемым «академическим» шрифтом. НА ХОРОШ ГЛАЗИРСВ. БУМАГЕ

В виду ограниченного тиража желающие обеспечить за собою полное собрание сочинений А. С. Пушкина должны подписаться заблаговременно (не позднее 25 декабря). В целях обеспечения аккуратной доставки каждый выпуск собр. сочинений Пушкина будет доставляться подписчикам под расписку.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на 1930 г. НА ЖУРНАЛ «КРАСНАЯ НИВА» С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

НА ГОД 9 руб. 50 коп.

Допускается расщепление подписки: плати: При подписке — 2 р. 50 к., к 1-му марта — 2 р. 50 к. к 1 мая — 2 р. 50 к. и к 1 июля — 2 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Главной Конторой «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» (Москва, Страстная пл.) и ее спец. уполномоч. (снабжен. ответствен. удостоверениями), ленинградским отд. Изв. ЦИК (Ленинград, просп. 25 Октября, 68), всеми почтов. контор. СССР и письменно, всеми местн. уполномоченными «Гудак», всеми книжными отделами потребительских кооперативов и всеми контрагентами

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на 1930 г. НА ЖУРНАЛ «КРАСНАЯ НИВА» БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЯ: СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

12 мес.	9 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
5 р. — к.	3 р. 80 к.	2 р. 80 к.	1 р. 35 к.	— р. 45 к.

Цена отдельного номера в розничн. продаже 15 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 г.

6-й год издания

Журнал „НОВЫЙ МИР“
выходит с иллюстрациями

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Н О В Ы Й М И Р

Под редакцией А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, А. Г. МАЛЫШКИНА, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. И. СОЛОВЬЕВА.

В 1930 г. в журнале „НОВЫЙ МИР“ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

I. РОМАНЫ и ПОВЕСТИ:

Л. ЛЕОНОВ. — Соть (роман). М. ШАГИНЯН. — Гидроцентральный (роман). А. МАЛЫШКИН. — Севастополь (повесть). Артем ВЕСЕЛЫЙ. — Главы из романа «Россия, кровью умытая». П. СЛЕТОВ. — Черный передел (роман). Алексей ТОЛСТОЙ. — Петр I (повесть). К. ФЕДИН. — Христофор с собачьей головой (повесть).

II. РАССКАЗЫ:

Н. АСЕЕВА, А. АРОСЕВА, И. БАБЕЛЯ, С. БУДАНЦЕВА, В. ВЕРЕСАЕВА, Еф. ВИХРЕВА, Ф. ГЛАДКОВА, Б. ГУБЕРА, Л. ЗАВАДОВСКОГО, А. КАРАВАЕВОЙ, В. КАТАЕВА, Ив. КАТАЕВА, Л. КОПЫЛОВОЙ, С. КЛЫЧКОВА, Н. ЛЯШКО, Вл. ЛИДИНА, А. МАЛЫШКИНА, С. МАРКОВА, А. МАКАРОВА, П. НИЗОВОГО, Н. НИКАНДРОВА, Л. НИТБУРГА, Г. НИКИФОРОВА, А. НОВИКОВА-ПРИБОЯ, Н. ОГНЕВА, Ю. ОЛЕШИ, П. ПАВЛЕНКО, Бор. ПИЛЬНЯКА, М. ПРИШВИНА, Андр. ПЛАТОНОВА, Ал. ПЛАТОНОВА, П. РОМАНОВА, С. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО, Л. СЕЙФУЛЛИНОЙ, И. СОКОВОЛА-МИКИТОВА, П. СЛЕТОВА, М. СЛОНИМСКОГО, Г. СЕРЕБРЯКОВОЙ, НИНЫ СМИРНОВОЙ, Н. ТИХОНОВА, Д. УРИНА, П. ШИРЯЕВА, Вяч. ШИШКОВА, А. ЧАПЫГИНА, А. ЯКОВЛЕВА и др.

III. СТИХИ и ПОЭМЫ:

АДАЛИС, Н. АСЕЕВА, А. БЕЗЫМЕНСКОГО, Э. БАГРИЦКОГО, М. ГЕРАСИМОВА, М. ГОЛОДНОГО, М. ДАНИЛОВА, Н. ДЕМЕНТЬЕВА, П. ДРУЖИНИНА, А. ЖАРОВА, Ник. ЗАРУДИНА, М. ЗЕНКЕВИЧА, В. ИНБЕР, М. ИСАКОВСКОГО, С. КЛЫЧКОВА, В. ЛУГОВСКОГО, П. ОРЕШИНА, Бор. ПАСТЕРНАКА, И. ПРИБЛУДНОГО, Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО, В. САЯНОВА, И. САДОФЬЕВА, М. СВЕТЛОВА, И. СЕЛЫНСКОГО, Б. СОЛОВЬЕВА, Н. ТИХОНОВА, Н. УШАКОВА, Е. ЭРКИНА и др.

IV. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Вяч. Полонского

V. ЛИТЕРАТУРА и СОВРЕМЕННОСТЬ:

СТАТЬИ: Н. БОГОСЛОВСКОГО, А. ВИНОГРАДОВА, Д. ГОРБОВА, В. ГОЛЬЦЕВА, С. ДИНАМОВА, Н. ЗАМОШКИНА, М. ЗЕНКЕВИЧА, Евг. ЛАННА, К. ЛОКСА, П. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО, А. ЛЕЖНЕВА, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, С. ПАКЕНТРЕЙГЕРА, Б. ПЕСИСА, И. ПОСТУПАЛЬСКОГО, В. ПЕРЕВЕРЗЕВА, Ник. СМИРНОВА, Я. ФРИДА, Ян. ЧЕРНЯКА и др.

VI. СТАТЬИ об ИСКУССТВЕ (с иллюстрациями):

А. БАКУШИНСКОГО, Е. БРАУДО, Н. ВОЛКОВА, П. МАРКОВА, Ф. РОГИНСКОЙ, Б. ТЕРНОВЦА, А. ФЕДОРОВА-ДАВИДОВА и др.

VII. ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, БЫТ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: А. АГРАНОВСКОГО, АДАЛИС, Бор. АНИБАЛА, Н. А. БАЙКОВА, В. БОНЧ-БРУЕВИЧА, В. ВАСИЛЬЕВА, А. ГАРРИ, Г. ГАУЗНЕРА, А. ЕНУКИДЗЕ, А. ЗОРИЧА, М. И. КАЛИНИНА, Е. КРИВОШЕИНА, А. КИСЕЛева, П. КОЗЛОВА, Д. КРЕПТЮКОВА, Б. КУШНЕРА, Н. МЕЩЕРЯКОВА, В. НЕВСКОГО, М. ПРИШВИНА, Г. РЫКЛИНА, В. РЯХОВСКОГО, М. САВЕЛЬЕВА, В. И. СОЛОВЬЕВА, А. СМИРНОВА-КУТАЧЕСКОГО, А. СТАРЧАНОВА, Н. ШПАНОВА, П. Е. ЩЕГОЛЕВА и др.

VIII. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ (историко-литературные материалы и переписка).

IX. НАУКА и ТЕХНИКА (статьи о новейших достижениях науки и техники).

X. КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на 1930 г.: 12 мес.—10 р., 9 мес.—8 р. 35 к., 6 м.—5 р. 50 к., 3 м.—2 р. 85 к., 1 мес.—1 р. Цена отдельной книги 1 р. 25 к. Годовым подписчикам допускается расписка в 4 срока: при подписке — 2 р. 50 к., к 1-му марта — 2 р. 50 к., к 1-му мая — 2 р. 50 к. и к 1-му июля — 2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Гл. Конторой „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“ (Москва, Страстная, пл.) и ее специальн. уполн. (снабж. соотв. удостоверен.), Ленинградским отд. (Ленинград, Пр. 25 Октября, 68), всеми почт.-телегр. к-рами СССР и письменно, всеми местными уполномоченными „ГУДКА“, всеми книжными отделами потребительских кооперативов и всеми контрагентами.